

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ

*Сборник материалов
Научно-практической конференции
Донецкого регионального отделения РАПН
ко Дню политолога
в Донецком государственном университете*

*Донецк
12 сентября 2023*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ДОНЕЦКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Научно-практическая конференция
Донецкого регионального отделения РАПН
**«Политические институты и процессы в России в условиях современной
международно-политической напряжённости»**
ко Дню политолога в Донецком государственном университете
Сборник материалов

Донецк 2023

УДК 32
ББК 66.0я43
П504

*Рекомендовано Учёным советом исторического факультета
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 3 от 18.10.2023 г.*

Рецензенты:

*д-р ист. наук, проф., декан исторического факультета ДонГУ Минаев А. И.,
канд. полит. н., завкафедрой истории и политологии МГУ им. А. И. Куинджи Рябченко Э. В.*

*Научное издание
Печатается по решению оргкомитета
научно-практической конференции*

Редакционная коллегия:

*канд. полит. н. Онопко О.В.,
канд. полит. н., доц. Кузнецова Е.В., канд. полит. н., доц. Рябинин Е.В.*

П504

Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости: сборник материалов Научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки ко Дню политолога в Донецком государственном университете, 12 сентября 2023 г., г. Донецк / под ред. канд. полит. н. О. В. Онопко, канд. полит. н., доц. Е. В. Кузнецовой., канд. полит. н., доц. Е. В. Рябинина; сост. Д. И. Борозенец. – Донецк : Донецкий государственный университет, 2023. – 252 с.

Настоящее издание включает материалы конференции «Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости», посвящённой Дню политолога в Донецком государственном университете, которая состоялась 12 сентября 2023 года в г. Донецке.

УДК 32
ББК 66.0я43

© Донецкое региональное
отделение Российской ассоциации
политической науки, 2023
© ФГБОУ ВО «ДонГУ», 2023

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Уважаемые коллеги!

От имени коллектива Донецкого государственного университета поздравляю вас с началом работы Научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки «Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости»!

Находясь в состоянии политического, экономического и, главное, цивилизационно-ценностного противостояния с коллективным Западом, Россия консолидируется, крепнет, находит новых союзников и новые возможности для своего успешного развития. Определяющее влияние на это оказывает эффективное, слаженное и конструктивное функционирование политических институтов: государственных органов и органов местного самоуправления, политических партий и СМИ, институтов гражданского общества. Именно поэтому актуальность темы конференции для отечественной политической науки и практики не вызывает сомнения.

Дата проведения конференции выбрана не случайно. Именно в этот день в 1992 году в нашем университете появилось новое направление подготовки – «Политология». С тех пор ежегодно 12 сентября политологи ДонГУ отмечают свой профессиональный праздник. За более чем 30 лет кафедра политологии Донецкого университета выпустила множество высококвалифицированных специалистов: учёных и экспертов, политиков и политконсультантов, государственных служащих и служащих органов

местного самоуправления. Большое внимание всегда уделялось научной работе: исследованиям в политической сфере, публикационной активности, участию в научных конференциях.

После создания 4 мая 2023 года на базе нашего вуза Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки эта работа вышла на качественно новый уровень. Одно из свидетельств этому – сегодняшняя конференция, в которой принимают участие более 60 политологов и других учёных, представляющих Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Владивосток, Севастополь, Нижний Новгород, Душанбе, Волгоград, Казань и многие другие города России и СНГ. Это крупнейшая политологическая конференция в Донецком государственном университете за всю нашу историю. Уверена, она станет традиционной!

Желаю успехов всем участникам конференции!

А всем нам – новых научных достижений во благо России и скорейшей победы!

*Ректор Донецкого государственного университета
доктор физико-математических наук, профессор
С.В. Беспалова*

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАРОДНОГО СОВЕТА
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Уважаемые друзья!

Приветствую вас на научно-практической конференции Донецкого регионального отделения Российской ассоциации политической науки «Политические институты и процессы в России в условиях современной международно-политической напряжённости».

Подобные конференции уже стали традиционными в Донецкой Народной Республике. Это площадка для обмена мнениями и построения конструктивного, плодотворного диалога между учеными политологами, историками, социологами и юристами.

В условиях мировой трансформации общества, перехода к многополярному мироустройству поддержка национальных интересов и укрепление государственности становятся важными ценностями. Это отражается на политических процессах внутри России, а также требует переформатирования международных связей.

Хочу отметить, политическая наука в России постоянно развивается, растёт её прикладное значение. Именно научный анализ позволяет нам, политикам, сформировать идеологическую основу принимаемых решений, а также выработать различные концепции развития экономики, социальной сферы и других областей жизни общества.

Одной из самых опытных ассоциаций, объединяющих ученых, исследователей и преподавателей является Российская ассоциация политической науки. А роль экспертов-политологов и других ученых, формирующих парадигму реализации государственной политики, сегодня высока, как никогда. Это обусловлено тем, что международная политическая обстановка в настоящее время затрагивает вопросы безопасности и стабильности во всём мире.

В ходе пленарного заседания и секций вам предстоит обсудить широкий круг вопросов, предложить свои подходы к решению актуальных задач, стоящих перед Донецкой Народной Республикой и Россией.

Желаю вам интересных дискуссий и практических решений, которые будут содействовать реализации государственной политики Российской Федерации и способствовать развитию страны.

*Председатель Народного Совета
Донецкой Народной Республики
В.А. Бидёвка*

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ДОНБАССА: РЕСУРСЫ И ЗАДАЧИ

В данной статье оценивается система ресурсов политики идентичности Донецкой и Луганской Народных Республик. Проводится сравнение политики идентичности в Крыму и Донбассе в условиях воссоединения с Россией. Автор статьи отмечает изменения задач политики идентичности после обретения народными республиками Донбасса статуса субъектов Российской Федерации. Комментируются задачи политики идентичности в ДНР и ЛНР на современном этапе их развития. Предлагаются меры мониторинга состояния и тенденций развития идентичности сообщества Донбасса.

Ключевые слова: политика идентичности, народные республики Донбасса, ресурсы, задачи.

Baranov A.V.

IDENTITY POLITICS IN THE PEOPLE'S REPUBLICS OF DONBASS: RESOURCES AND TASKS

This article evaluates the system of resources of the identity policy of the Donetsk and Lugansk People's Republics. A comparison of identity politics in Crimea and Donbass in the conditions of reunion with Russia is made. The author of the article notes the changes in the tasks of identity policy after the People's Republics of Donbass acquired the status of subjects of the Russian Federation. The tasks of identity policy in the DPR and LPR at the present stage of their development are commented on. Measures are proposed to monitor the state and trends in the development of the identity of the Donbass community.

Key-words: identity politics, people's republics of Donbass, resources, tasks.

Народные республики Донбасса существуют с октября 2022 г. в статусе субъектов Российской Федерации. В то же время, правовая и экономическая реинтеграция Донбасса в российское общество и государство должна подкрепляться синхронной и проводимой на научных основаниях социокультурной реинтеграцией сообщества Донбасса. Этот процесс не может быть стихийным, он требует расчётливых и затратных усилий субъектов политики идентичности: федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, политических партий и общественных организаций, педагогов и журналистов. Очевидно, что в условиях длительных военных действий и информационного противоборства с киевским нацистским режимом политика идентичности в Донбассе имеет уникальные черты, сближающие её с аналогами периодов Гражданской войны 1917–1922 гг. и Великой Отечественной войны. Представляет интерес сравнение политики идентичности в Донбассе с политикой, проводимой в Республике Крым и г. Севастополе с марта 2014 г. – различных вариантов социокультурной реинтеграции.

Цель статьи – определить систему ресурсов и задач политики идентичности Донецкой и Луганской Народных Республик на интервале с апреля 2014 г. по настоящее время.

Степень изученности темы неравномерна и фрагментарна. Школа историков, обосновывающая независимость Донбасса от Украины, представлена работами В.Н. Никольского, А.С. Бобровского,

С.Ю. Бунтовского, О.Б. Пеньковой, Н.Н. Разумной, В.В. Разумного, М.В. Руденко, Т.М. Удаловой, Л.Г. Шепко и др.[1, с. 348–674; 2; 3, с. 9–98].

Политический кризис 2012–2014 гг. на Украине привел к росту русского самосознания, что проявилось в разработке проекта идентичности Новороссии [4, с. 20–31; 5; 6, с. 84–94]. Важны обзорные исследования истории, поскольку именно в них обоснован выбор традиций и символов гордости [7, с. 331–406]. Цивилизационные и конфессиональные расколы в Новороссии, включая Донбасс, освещает К.А. Фролов [8]. Процессы изменений идентичности в Донбассе осмысливают такие исследователи как К.В. Черкашин [9], И.Е. Татаринов [10, с. 182–198], С.Н. Хобта [11, с. 64–77]. Проект идентичности Донбасса в системе Русского мира аргументировал Д.Е. Муза [12, с. 135–168]. Прикладное значение имеет статья О.В. Оношко и Л.Б. Внуковой, которые сравнивают стратегии формирования идентичности Донбасса и Украины [13, с. 73–77]. Методы патриотического воспитания молодёжи в ДНР и ЛНР освещены в монографии под редакцией Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой [14].

Украинский режим проводил последовательный курс искоренения в Донбассе русского самосознания. В оккупированных местностях запрещалось использование русского языка в суде, бизнесе и государственном управлении, в системе образования. Общины верующих Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) принуждались к переходу в новосозданную «Православную церковь Украины». С 2015 г. по февраль 2022 г. на Украине было захвачено или незаконно перерегистрировано до 500 храмов УПЦ МП [15]. В 2020 г. закрыта последняя русская школа в оккупированных Украиной районах ДНР и ЛНР. Все эти меры призваны разрушить русскую идентичность жителей Донбасса, запугать их и сделать безвольными жертвами украинизации.

Этого не произошло. Напротив, сообщество Донбасса сплотилось вокруг идей Русского мира. Эта установка приносит ощутимые положительные результаты. Так, опрос 5 900 чел., проведённый Социологическим центром «Особый статус» в августе 2015 г., показал, что 40% жителей ДНР выступали за воссоединение с Россией, 18% – за создание союзного государства РФ и ДНР, 17% – за независимое существование и лишь 11% – за возврат в состав Украины [16]. По итогам социологических опросов, проведённых Донецким национальным университетом (выборка – 800 чел., погрешность – не более 5%), за апрель 2014 – май 2016 г. удельный вес жителей г. Донецка, назвавших себя украинцами, снизился с 40 до 21%, а процент русских вырос с 33 до 60% [17]. С учётом массовой миграции это впечатляющие изменения идентичности. Более того, идеи независимости от Украины и российскости оставались привлекательными для жителей оккупированных местностей Донбасса.

Впрочем, до специальной военной операции 2022–2023 гг. в сообществе Донбасса сохранялась неопределённость вектора развития. Так, некоторые эксперты высказывались за конструирование отдельной от российской донбасской идентичности и обосновывали наличие особого

варианта русского языка в регионе. Неясным оставался вопрос о соотношении между идентичностями Донбасса и Новороссии, жителей ДНР и ЛНР. Молчание по этому важному вопросу непродуктивно. Напротив, по мнению депутатов Народного Собрания ДНР и госслужащих, опрошенных О.В. Онопко и Л.Б. Внуковой в марте – мае 2018 г., основными идеями, за которые борются жители Донбасса, были названы присоединение к России, социальная справедливость и народовластие. Это – выбор в пользу российской культуры и цивилизации [18, с. 75–76].

Массовый опрос, проведённый в декабре 2018 г. интернет-порталом «DNR LIVE» в г. Донецке, подтвердил, что 89,1% респондентов хотели получить российское гражданство и лишь 3,5% – нет [19]. Опрос 2019 г. Украинского института будущего, киевского издания «Зеркало недели» и компании «Нью имидж маркетинг групп» дал 64% сторонников включения в состав РФ, 18% – возвращения в состав Украины и 17% – статуса независимых государств [20].

Конституции ДНР и ЛНР содержали нормы о государственном статусе двух языков – русского и украинского [21; 22]. Но с 2020 г. главы ДНР и ЛНР подчёркивали необходимость государственного статуса только русского языка, что отражено и в новых Конституциях республик, утверждённых 30 декабря 2022 г. Векторы развития ДНР и ЛНР после их признания Российской Федерацией и начала специальной военной операции кардинально изменились. СВО привела к освобождению большей части Донбасса, Херсонской и Запорожской областей. Итоги социологических опросов прошли проверку при референдумах о вхождении ДНР и ЛНР в состав Российской Федерации 23–27 сентября 2022 г. Явка на референдумы составила 97,5% на освобождённых территориях ДНР и 92,6% в ЛНР. Поддержали вхождение в состав России 99,2% явившихся на референдум в ДНР и 98,4% в ЛНР [23].

В республиках Донбасса проводится политика идентичности, направленная на воспитание патриотизма и принципиальное неприятие идей нацизма и агрессивного национализма. Так, действует Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы, принятая Постановлением Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22–3 [24]. 28 января 2021 г. утверждена доктрина «Русский Донбасс» [25]. Ставится цель создать условия повышения гражданской ответственности в обществе, воспитать гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию. Среди успешных методов патриотического воспитания в программе названы:

- формирование чувства уважения и гордости к историческому героическому прошлому, сохранение памяти о подвигах защитников Родины;
- создание возможностей активного вовлечения граждан в решение проблем развития ДНР;
- формирование чувства гордости и почитания символов государства: флага, герба, гимна, других исторических символов и памятников;

- популяризация подвигов, достижений и успехов граждан, формирующих положительный образ государства;
- партнёрство образовательных учреждений, общественных организаций, учреждений культуры в сфере воспитания патриотизма.

Большое внимание в республиках Донбасса уделяется разоблачению идеологии украинского нацизма, следующих её мифов и стереотипов:

- о древности украинского государства (его мнимого существования с античности, тогда как украинская нация сформировалась только после 1917 г., а украинское государство – в декабре 1991 г.);
- о присвоении националистами единой истории русского народа;
- об якобы вечной вражде между украинцами и русскими;
- о возвеличении Украинской повстанческой армии (УПА)¹ и её главарей – С. Бандеры, В. Шухевича, В. Кука и др. (Нюрнбергский трибунал признал УПА нацистской организацией, подлежащей запрету; преступления украинских националистов по жестокости превосходили преступления германских нацистов);
- о насаждении украинского языка как единственного государственного;
- об отождествлении украинского народа с идеями и символами нацизма (на деле нацистские взгляды достаточно массово были распространены до 2005 г. только на западе Украины, а в других регионах страны насаждались насильственно) [26, с. 300–308].

Конструирование идентичности требует от историков России и Донбасса, органов власти, журналистов издания учебников и популярной литературы, излагающих историю и современность Донбасса в контексте общероссийской истории и восточнославянского единства. Донбасс теперь осмысливается как регион в составе единого российского государства. Можно упомянуть в этом аспекте монографию, изданную Институтом российской истории РАН [27].

Ресурсами укрепления российской идентичности являются: победы в русско-турецких войнах и Великой Отечественной войне; роль Донбасса в индустриализации и укреплении обороноспособности России; образы Екатерины Великой, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, героев советского времени – Ф.А. Сергеева (Артёма), А.Г. Стаханова, молодогвардейцев, движение за создание ДНР и ЛНР.

Политика идентичности республик Донбасса прошла за 2014–2023 гг. сложный путь от поддержки регионального самосознания и его противопоставления украинской этнократической, государственной идентичности до реинтеграции идентичности Донбасса в систему общероссийской национально-государственной идентичности. Перспективным становится поддержка символов гордости и исторической памяти регионального сообщества, ориентаций его общественного мнения для укрепления реинтеграции Донбасса в состав России.

¹ Украинская повстанческая армия (УПА) запрещена в Российской Федерации как террористическая организация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История (история Донбасса от древности до современности): учеб. пособие / под общ. ред. Л.Г. Шепко, В.Н. Никольского. Донецк, 2018.
2. Бунтовский С.Ю. История Донбасса: научно-популярное издание. Донецк, 2015.
3. Русский Донбасс: исторические, духовно-интеллектуальные и экономические основы / науч. ред. С.В. Беспалова. Донецк, 2021.
4. Неменский О.Б. Модели южнорусской идентичности на Украине // Вопросы национализма. 2014. № 2 (18). С. 20–31.
5. Даренский В.Ю. Новороссия: восстановление исторической памяти. URL: <http://xn--b1adccaencl0bewna2a.xn--p1ai/index.php/articles/42-articles/17351-2013-08-23-07-08-24> (дата обращения: 22.10.2022).
6. Каревин А. Как Новороссию превращали в Украину // Новороссия. Восставшая из пепла. М., 2014. С. 84–94.
7. Шубин А.В. История Новороссии. М., 2015.
8. Фролов К.А. Сакральные смыслы Новороссии: церковные и цивилизационные расколы в Новороссии, на Подкарпатской Руси и Украине. СПб., 2015.
9. Черкашин К.В. Жители Донецка всё чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014–2016). URL: <https://regnum.ru/news/society/2240754.html> (дата обращения: 22.07.2023).
10. Татаринцов И.Е. «...Мы как одной расы. Мы – славяне...»: к вопросу идентичности населения российско-украинского приграничья // Международная жизнь. 2019. № 2. С. 182–198.
11. Хобта С.В. Граница, национальная и региональная идентичности в восприятии жителей Донбасса // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. Луганськ, 2013. № 23 (282). Ч. II. С. 64–77.
12. Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика. М., 2016.
13. Оношко О.В., Внукова Л.Б. Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях // Парадигмы общественного развития. Севастополь, 2018. № 10. С. 73–77.
14. Патриотическое воспитание в Донбассе: история, теория, практика / под общ. ред. Д.Е. Музы, Е.В. Балко и Я.В. Поляковой. Донецк, 2018.
15. Воинова-Жунич Ю. «Мужайся, Христова Церковь...»: О бесчинствах, творящихся на Украине по отношению к УПЦ. URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/muzhajsa_khristova_cerkov_266.htm (дата обращения: 03.08.2023).
16. Более 40% жителей ДНР высказались за присоединение к России – соцопрос. URL: <http://dan-news.info/obschestvo/bolee-40-zhitelej-dnr-vyskazalis-za-prisoedinenie-k-rossii-socopros.html> (дата обращения: 03.08.2023).
17. Черкашин К.В. Жители Донецка всё чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014–2016). URL: <https://regnum.ru/news/society/2240754.html> (дата обращения: 20.07.2023).
18. Оношко О.В., Внукова Л.Б. Политическая символика и формирование гражданской идентичности населения Донбасса в современных условиях // Парадигмы общественного развития. Севастополь, 2018. № 10. С. 75–76.
19. Опрос: сколько жителей ДНР хотят получить гражданство России (Инфографика). URL: <http://rusvesna.su/news/1547791128> (дата обращения: 12.07.2023).
20. Чернышёв Е. Две трети населения ДНР и ЛНР хотят воссоединения с Россией, показал украинский опрос. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/11/09/22557707/> (дата обращения: 07.08.2023).

21. Конституция Донецкой Народной Республики. URL: <https://pravdnr.ru/npa/konstitucziya-doneczkoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.08.2023).

22. Конституция Луганской Народной Республики. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (дата обращения: 12.08.2023).

23. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. Главное. URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> (дата обращения: 12.08.2023).

24. Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 годы: Постановление Правительства ДНР от 30 апреля 2020 г. № 22–3. URL: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf> (дата обращения: 12.08.2023).

25. Доктрина «Русский Донбасс». URL: <https://russian-center.ru/8315-2/> (дата обращения: 12.08.2023).

26. Каревин А.С. Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. М., 2016.

27. История Новороссии / отв. ред. В.Н. Захаров. М., 2018.

Баранов Н.А.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Причины противоборства между Россией и Западом рассматриваются через призму аксиологического подхода, который лежит в основе исторического противостояния двух разных ценностных систем. Столкновение геополитических интересов евроатлантических стран и России, ставшее источником конфронтации, сопровождается русофобией, в основе которой лежат ценностные противоречия.

Ключевые слова: аксиологический подход, духовность, либеральный миропорядок, равенство, русофобия, свобода, традиционные ценности.

Baranov N.A.

THE VALUE BASES OF THE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

The reasons for the confrontation between Russia and the West are considered through the prism of an axiological approach, which underlies the historical confrontation between two different value systems. The clash of geopolitical interests of Euro-Atlantic countries and Russia, which has become a source of confrontation, is accompanied by Russophobia, which is based on value contradictions.

Keywords: axiological approach, spirituality, the liberal world order, equality, Russophobia, freedom, traditional values.

Опыт построения в России либеральной демократии в 1990-е годы оказался неудачным. Курс на демократизацию и либерализацию политической, экономической, социальной, культурной жизни, который был предложен и осуществлен реформаторами после распада Советского Союза, породил в российском обществе немало двусмысленностей относительно правомерности выбранного пути, целесообразности в демократических и либеральных ценностях для России, так как не оправдал надежды на быстрое повышение качества жизни. В результате частичного восприятия населением страны предложенных ценностей, характерных для западной цивилизации, такие преобразования как осуществление рыночных реформ, построение

новой политической системы взамен советской продемонстрировали неоднозначность выбора вектора модернизации и привели к глубокой разобщенности общества, снижению влияния государства на международной арене, а следовательно, и на политические процессы в современном мире.

Смена политического лидера накануне 2000 года ознаменовала и перемены во внутренней и внешней политике государства. Так в одном из первых своих публичных выступлений в качестве исполняющего обязанности Президента страны В.В. Путин заявил: «В новое тысячелетие Россия вступает духовно обновленным государством... речь в первую очередь идет о возрождении духовности, а это значит объединение нации во имя повышения авторитета и достоинства страны, объединения на основе общечеловеческих и гуманистических принципов, историческим и логическим продолжением которых стали приоритет прав и свобод, прежде всего свобод человека и гражданина» [1, с. 9]. Таким образом, была заявлена потребность в осмыслении пути России после почти десятилетнего опыта построения постсоветского государства и предложено в качестве объединяющего начала духовное обновление страны.

Роль ценностей неизмеримо возрастает в периоды кардинальных трансформаций, смены вектора общественно-политического и социально-экономического развития страны. Следствием духовно-нравственного кризиса в России стал пересмотр в массовом сознании прежних установок и представлений и замещение жизненных ценностей нетрадиционными нехарактерными для российского общества. Выход из сложившейся ситуации некоторые российские исследователи видят в «научном осмыслении исторического опыта России, в анализе традиционных культурных ценностей всего российского общества как базового фундамента в формировании общественного сознания в новых политических и социально-экономических условиях» [2, с. 8].

Понятие «ценность» прошло эволюцию со времен античности, когда ценностным приоритетом были благо, добродетель, счастье, в средневековье ценностные предпочтения акцентировались на человеческой душе, которую необходимо совершенствовать, в новое время ценность постепенно связывается с человеком. Высшая ценность и выражение блага, как полагал И. Кант, есть свобода, утверждающая абсолютную ценность человека [3, с. 204]. Такая максима легла в основу либеральной идеологии, которая, в свою очередь, также эволюционировала, однако тема свободы лишь по-разному интерпретировалась, но не подвергалась сомнению. Свобода в западном понимании утилитарна, она должна приносить пользу конкретному человеку и способствовать тому, чтобы индивид смог ею воспользоваться для своего развития и решения проблем.

В российских условиях интерпретация ценностей была характерна для русской религиозной философской мысли. В трудах Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, И.А. Ильина и других философов приоритетом становится духовное начало, совершенствование человеческой природы, значение и смысл, который содержит в себе сущее, человеческая личность.

Утилитарная свобода, лежащая в основе западного образа жизни, совершенно не воспринималась в качестве ценности и в Российской империи, и в Советской России. Исследователь российского либерализма Р.И.Сементковский в начале XX века с сожалением утверждал, что «ни в одной стране мира нет так мало свободолюбия в частных отношениях, как у нас в России» [4, с. 160]. Уже в современной России академик Д.С. Лихачев, обращаясь к молодежи, пишет о том, что главная цель человека должна быть шире, чем просто личностная, поэтому возникает приоритет нравственных ценностей, таких как честность, верность, достоинство, совесть, жизнь, патриотизм [5].

Следовательно, исторически базовые ценности западного общества и российского различались. Среди наиболее востребованных ценностей в России является равенство, которое, в отличие от западного акцента на политическом аспекте, имеет социальное начало. В российской интерпретации важнейших двух ценностей – свободы и равенства – существовало противоречие, которое Н.А. Бердяев выразил следующим образом: «Свобода и равенство несовместимы. Свобода есть прежде всего право на неравенство. Равенство есть прежде всего посягательство на свободу, ограничение свободы» [6, с. 605-606]. В то же время, по мнению классика отечественного либерализма Б.Н. Чичерина, «равенство без свободы не возвышает, а унижает людей» [7, с. 17].

Российский уклад жизни определялся специфической нормативно-ценностной системой, которую Г.Л. Тульчинский определяет как ценностный компонент, «который складывается из предмета, целей и средств деятельности», нормативный компонент, включающий правила, регулирующие деятельность, и способ организации коллективной деятельности социального субъекта [8, с. 23-24]. И если нормативный компонент регулярно изменялся, пытаясь подстроить российские реалии под западные, как это было при Петре I, Екатерине II, то ценностный аспект оставался неизменным в силу своей инерционности. В данном контексте можно согласиться с В.Ф. Пеньковым в том, что ценностная матрица состоит как из наиболее инерционных представлений, таких как менталитет, традиции, коллективные представления, так и из мобильных, к которым относятся идеи, идеологии, политические концепции [9, с. 146]. Последние регулярно менялись в силу политических событий, порой кардинальным образом меняющих социальный строй государства, как это было после двух революций 1917 года. Однако кардинально ценностная матрица не изменилась, несмотря на включение в нее разнородных элементов как идеологического, так и социокультурного свойства. Появившаяся аксиологическая гетерогенность свидетельствует, скорее, о поиске наиболее адекватных векторов современного развития общества либо отражении политически конъюнктурной стратегии, исходящей из национально-государственных интересов страны.

Нормативные документы, принимаемые государственными институтами в последние годы, акцентируют внимание на «укреплении

традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранении культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации» [10]. Стратегическим национальным приоритетом заявлена защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [11].

Акцент на ценностных различиях с западным миром лежит в основе современного противостояния России и евроатлантических стран. Причем противостояние, основанное на различных подходах к формированию единого экономического, социального и культурного пространства, постепенно стало переходить в политическую сферу и приобретать конфликтные формы, особенно после государственного переворота на Украине и вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Усилиями американского президента Барака Обамы был сформирован антироссийский блок из стран, для которых западные ценности оказались приоритетнее экономических выгод от торговли с Россией. После непродолжительного перерыва, связанного с националистической политикой 45-го президента США Дональда Трампа, ценностный фактор снова стал преобладающим в отношениях с Россией со стороны западных стран.

До конца XX столетия важнейшим аргументом приоритета либерально-демократических ценностей был высокий уровень жизни в странах, избравших данный путь развития. Однако в связи с усложнением мирополитических проблем, появлением террористической опасности, распространением экстремизма, киберпреступности и других угроз и вызовов оказалось, что либерально-демократические страны далеко не всегда эффективно справляются с этими проблемами, а уровень жизни в так называемых авторитарных странах может быть не ниже, чем в успешных западных. В попытке не афишировать ценностный аспект вместо широко разрекламированного «конца истории», который так и не состоялся, стал применяться термин «правильная сторона истории», как наследие либерального мирового порядка, сформировавшегося после окончания «холодной войны». Лингвистически позитивная максима должна была привлечь государства осваивать «правильную» модель, однако страны, включившиеся в глобальную экономику и различные взаимосвязи, сохранили «многообразие интересов и самобытных политических культур и представлений», что по мнению, Ф. Лукьянова, «никак не вписывается в универсалистское понимание "конца истории" и торжества ее "правильной стороны", потому что понимание правильности не стало всеобщим» [12].

Среди американских политиков данный термин использовал Барак Обама, выступая на заседании Генеральной ассамблеи ООН 24 сентября 2014 года. В своей речи он обвинил Россию в агрессивной политике, обещал объединить союзников по НАТО и подтвердил приверженность коллективной обороне, призвав страны присоединиться к США на правильной стороне истории [13]. Тем не менее данный термин стал подвергаться сомнению и в странах Запада. Так американский писатель и консервативный политический обозреватель Б. Шапиро опубликовал в 2019 году книгу «Правильная сторона истории: как разум и моральная цель сделали Запад великим», в которой он

призывает вернуться к ценностям, которые помогли сформировать западную цивилизацию [14].

Попытка стать частью Запада, предпринятая российской политической элитой в начале 1990-х годов, не увенчалась успехом. Лидеры западного мира не видели в России равноправного партнера и представляли ее как авторитарного субъекта международных отношений с усиливающимися неоимперскими амбициями. Большую роль в формировании негативного отношения к Российской Федерации сыграла русофобия – демонизация России на основе исторических, религиозных, идеологических и геополитических корней ненависти, существующих на протяжении многих столетий и актуализирующихся в определенные исторические периоды. Причем русофобия, как отмечает швейцарский журналист и политический деятель Г. Меттан, «обладает сильной геополитической коннотацией и является феноменом, присущим исключительно Западу» [15, с. 34]. Очередной всплеск русофобии ознаменовал несогласие России с навязываемым Соединенными Штатами либеральным миропорядком, отказом признавать западное доминирование и расширение НАТО на восток. Особенность современной русофобии состоит в том, что прежде на Западе отделяли простых граждан от политики государства, а теперь русских преследуют только за принадлежность к русской нации, подвергая санкциям, изымая частную собственность и запрещая русскую культуру. Резкий скачок русофобии быстро распространился по всем западным странам под предлогом их объединения на основе западных ценностей, следование которым происходит на эмоциональном уровне, вопреки здравому смыслу как следствие ненависти, накопившейся за продолжительное время. Г. Меттан пишет: «...Это не война вызвала нынешнюю русофобию, а свежий прилив русофобских эмоций, дистиллированных за долгие годы, к которым добавляется еще... веками копившееся злопамятство» [15, с. 17].

Вероятно, не существует совершенных обществ, с абсолютными ценностями. Следует констатировать, что «ни гуманизация и демократизация внешней политики и международных отношений, ни идея всеобщего благоденствия и мира не стали духовной основой человеческой цивилизации» в XXI веке [16, с. 120]. Ценностная матрица не является раз и навсегда заданной, а постоянно дополняется какими-то новеллами, связанными с интернализацией тех или иных ценностей, которые усваиваются обществом и становятся общезначимыми. Цивилизационное богатство современного мира оставляет надежду на появление конкурентоспособных субъектов, обогащающих мир новыми точками роста и успешного решения глобальных вызовов и угроз. И Россия здесь является одной из таких точек роста, которая реализуется не благодаря чьей-то помощи и поддержке, а вопреки западным стереотипам и доминированию на основе создаваемых правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Выступление на торжественном вечере по случаю 2000-летия Рождества Христова, 11 января 2000 г. // Путин В.В. Прямая речь: в 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т. 2: Выступления, заявления, интервью. 412 с.

2. Павленко С.А. Жизненные ценности российского общества в середине XIX – начале XX вв.: исторический аспект трансформации. СПб.: Алетейя, 2014. 190 с.
3. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
4. Сементковский Р.И. К истории либерализма. / Т.2. Русское общество и государство. // Сочинения. В 3-х т. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, б/г. [19-]. 663 с.
5. Лихачев Д.С. Письма о добром. М.: Наука; СПб.: LOGOS, 2006. 315 с.
6. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000. 736 с.
7. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись 1878 года. СПб.: Тип. «Товарищества Печатного Станка», 1906. 34 с.
8. Тульчинский Г.Л. Российская политическая культура: особенности и перспективы. СПб.: Алетейя, 2015. 176 с.
9. Пеньков В.Ф. Аксиология политических процессов. Тамбов: ООО «Издательство Юлис», 2022. 184 с.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 20.07.2023).
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 20.07.2023).
12. Лукьянов Ф. Без паники, но серьезно // РСМД. 14 февраля 2019 г. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/bez-paniki-no-serezno/?sphrase_id=87250925 (дата обращения: 21.07.2023).
13. Full text of President Obama's 2014 address to the United Nations General Assembly // Washington Post. September 24, 2014. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/full-text-of-president-obamas-2014-address-to-the-united-nations-general-assembly/2014/09/24/88889e46-43f4-11e4-b437-1a7368204804_story.html (дата обращения: 21.07.2023).
14. Shapiro В. The Right Side of History: How Reason and Moral Purpose Made the West Great. Broadside Books, 2019. 288 p.
15. Метган Г. Запад-Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса / Перевод М. Аннинской, С. Булгаковой, Ю. Обозного, Д. Савосина. Москва: Издательство АСТ, 2023. 448 с.
16. Бахтуридзе З.З. Международные отношения в эпоху "пост": возможности эволюции // Век глобализации. 2017. №3. С. 113-120.

Гайнутдинова Л.А.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Актуализация вопросов политического знания сегодня предполагает анализ теоретических аспектов современного состояния политической науки с учетом глобального экономического и военно-политического контекста, формирующего современную реальность. Внешнеполитическая повестка жестко детерминирует внутривнутриполитический процесс, устойчивость которого зависит от сплоченности государства и общества и их готовности к стратегическому взаимодействию. Все это ведет к пересмотру концептуальных основ политической науки и ее содержания с учетом богатого собственного политического опыта и новых мировых трендов.

Ключевые слова. Россия, внутривнутриполитический процесс, политическая наука, общество, образование, глобальный контекст.

MODERN CHALLENGES RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

Actualization of issues of political knowledge today involves an analysis of the theoretical aspects of the current state of political science, taking into account the global economic and military-political context that forms modern reality. The foreign policy agenda rigidly determines the domestic political process, the stability of which depends on the cohesion of the state and society and their readiness for strategic interaction. All this leads to a revision of the conceptual foundations of political science and its content, taking into account the rich own political experience and new global trends.

Keywords. Russia, internal political process, political science, society, education, global context.

Конфликт России и Запада на Украине протекает предельно жестко и переходит в стадию затяжного противостояния. Какими ресурсами можно наиболее эффективно достичь победы, настроить страну на новые цели в социально-экономическом и политическом развитии, и, несмотря на довольно быстрое смещение центра мировой политической и экономической гравитации на Восток, не отказываться от западного вектора нашего интереса?

История показывает, что к поражению России могут привести только внутренние причины, когда власть оказывается слабой и утрачивает инициативу в определении вектора развития страны. Такой властью оказалась перед Первой мировой войной, когда этому предшествовали несколько десятилетий волны террора, всесторонняя поддержка революционного движения различными силами, не осознающих самоубийственность этого шага. Как следствие, долгий процесс внутреннего ослабления Российской империи привел не только к мировой войне, но и к социальной революции.

Сегодня ничего подобного в современной России нет: российское государство является активным и дееспособным организмом, который намного четче, чем его оппоненты, владеет ситуацией, понимает свое место в мире, свои подлинные интересы и имеющиеся ресурсы для их решения, знает и понимает своих противников, международную среду и последовательно выполняет конкретную стратегическую задачу. А она заключается в сплочении и мобилизации общества для решения главной задачи – победить!

Отдельно стоит остановиться на проблеме отношения государства и общества, которые сегодня определяют степень нашей внутренней устойчивости и адекватности ответа на возникшие экзистенциальные вызовы. Многие годы в разных аудиториях приходилось слышать, что гражданское общество это некое свободное – то есть «вольнодумное», либеральное – «прогрессивное», космополитическое меньшинство, лучше остальных знающее, что нужно российскому государству. С точки зрения западной политической теории интересы гражданского общества в России должны представлять те движения и организации, которые противостоят государству, хотя их электоральный результат в совокупности никогда не поднимался выше 5%. Именно это противостояние возводилось в критерий

гражданской позиции, гражданственности и у нас. Другие точки зрения резко критиковались, игнорировались и вызывали откровенное недоумение.

В последнее время отношение к гражданскому обществу кардинально меняется: общество в условиях СВО подставило государству плечо и проявило небывалую до этого гражданскую инициативу. Это проявляется, но пока слабо звучит в новых определениях: «консервативное», «ответственное», «наше», «национальное» гражданское общество, а часть государственного аппарата осознала, что управлять дальше всем и вся не получится! Нужно освободить инициативу, используя гражданское общество как один из столпов государства. Гражданское общество, способное влиять на политические процессы, неравнодушное к своим собственным судьбам и судьбам своих детей — это именно та сила, которая выведет нас, наше государство на путь интенсивного и всестороннего развития, где традиционные ценности и мощный экономический уклад станут фундаментом полноценного союза. И, конечно, победа зависит от того, как государство и общество согласуют свои интересы, определяют аксиологические основы нашей государственности. Ряд понятий и, одновременно, феноменов социально-политической жизни современной России приобретает духовное переосмысление: Отечество (Родина), государство, культура, история, народ и др.

В связи с этим, актуализируется вопрос о модернизации современной российской политической науки, ее национализации и выходе из-под влияния неолиберальной парадигмы. Политологам предстоит провести масштабный пересмотр ее концептуальных основ и содержания с учетом уже богатого собственного российского политического опыта. И этот процесс уже идет. На экспертных площадках происходит анализ текущего состояния политической теории, отмечаются многие несоответствия новым задачам: архаичность ряда ее схем и постулатов, неадекватность современности иерархии ее приоритетов, излишняя субъективность и идеологическая ангажированность [1]. Можно перечислить много направлений для переосмысления: либеральная-развитая демократия, ярчайший кризис которой мы наблюдаем сегодня; патология с устаревшим определением политических партий и их роли в жизни современных государств; архаичные типологии лидерства, политической культуры, которые на ранней стадии развития российской политологии воспринимались как новое слово в науке; направления исследований, связанные с терминами «гендер», «феминизм», «сексуальная идентичность» и пр.; направления исследований, связанные с терминами «общечеловеческие ценности», «глобализация», «цивилизованные страны», «толерантность» и т.д.

Конечно, на повестке дня вопрос как о модернизации терминологического аппарата, так и о поиске баланса между национальным и универсальным, между традицией и инновациями, между государством и обществом.

Это отражено и в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, которая однозначно зафиксировала отход от традиционного для

последних тридцати лет взгляда на Россию как на молодое государство. Документ этот не только практический, но и идеологический. У Концепции, несмотря на анонсированный в преамбуле миролюбивый характер внешней политики, выраженный антизападный, даже антиколониальный уклон. Россия заявила о готовности использовать «все имеющиеся средства» для защиты своих интересов, рекомендует западным странам отказаться от недружественного курса и уважать её законные интересы» [2], подчеркнув, что военная сила во внешней политике РФ будет использоваться по ситуации, а ситуации могут быть разными.

Сама по себе Концепция – документ яркий, всесторонний, рассчитан на внешнее восприятие, где мы обозначили свои амбиции в масштабах мирового порядка. Это хорошо считывается в описании внешнеполитических приоритетов России, в числе которых стоит обратить внимание на содействие адаптации мироустройства к реалиям многополярного мира, повышение устойчивости международно-правовой системы, устранение предпосылок для развязывания глобальной войны, обеспечение международной информационной безопасности, искоренение международного терроризма, изучение, освоение и использование Мирового океана, мирное исследование и использования космического пространства и упрочение статуса одной из ведущих космических держав, противодействие фальсификации истории, разжиганию ненависти к России, распространению идеологии неонацизма [3].

Для созидания нового миропорядка и создания собственной идеологии России необходим внутренний источник сил. Цивилизация – это система, которая состоит из экономической, политической, информационной, культурной, духовной сфер. Она будет целостной, только если все эти сферы совпадут и будет найден консенсус между элитами, между правительством и обществом. Заявленные в концепции претензии на цивилизацию заставляют нас менять и своё мышление, а значит и наше образование: изучать восток и его культуру, свою богатую историю, включая ее азиатскую часть, поняв и осознав отличия нашей ментальности от западной.

Важный вопрос: как мы будем это делать? Существует много площадок для подготовки активных, инициативных, думающих и патриотично настроенных молодых людей. Есть надежда на новые базовые курсы Обществознания в школах, расширенный курс Истории, новый курс «Основы российской государственности», внедрение которых будет способствовать формированию у молодежи осознания принадлежности к российскому обществу, развитию чувства гражданственности.

В свою очередь активно работают и профессиональные политологические площадки. Так Российское общество политологов реализует проект нового словаря политических терминов и понятий. По мнению член-корреспондента РАН, декана и заведующего кафедрой истории и теории политики факультета политологии МГУ А.Ю.Шутова «в России все прошедшие годы происходило активное «освоение» англо-саксонских подходов к политологии, которые следует признать контрпродуктивными в современных условиях. Многие из них с течением времени значительно

идеологизировали, например, «демократия», «авторитарный режим» и так далее. Также было предложено противопоставить национально ориентированные понятия, например, «цивилизационная идентичность», соответствующим идеологическим концептам, на данном примере — «транзитологии», с помощью которой обосновывается статус переходных обществ в состоянии, необходимое Западу, но наше общество должно оставаться таким, какое необходимо нам, вместо постоянных «транзитов» в угоду чужих интересов» [4]. Планируется реализация этого проекта через цифровой мультимедийный формат, в котором возможно отразить творчество российской общественности по определению тех или иных явлений в политике. В нынешних обстоятельствах издание нового отечественного словаря политических терминов должно решить основную задачу — национализацию политологии, то есть, ее перевод на соответствующую теоретико-методологическую основу с соответствующими изменениями в содержании ее преподавания [4].

В феврале 2023 г. состоялись VIII Субботние политологические чтения в Президентской академии совместно с Российской ассоциацией политической науки, Академией политической науки на тему: **«Политическая наука в современном мире: новые реалии и новые исследовательские парадигмы»** [5], где рассматривались вопросы методологических стратегий политической науки на переломе современной истории. Однако модернизация российской национальной политической науки ни в коем случае не означает создание некоей «автономной политологии», а означает лишь раскрытие ее интеллектуального потенциала на основе национальной традиции в рамках мировых трендов многополярности и мультикультурализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шатилов А. Б. Российская политология: настало время модернизации и национализации? // Власть. 2022. Том 30. № 4. С. 9-14.
2. Фабричников И. Большое сосредоточение в эпоху самоосознания. Новая российская концепция внешней политики и место России в меняющемся мире // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bolshoe-sosredotochenie/> (дата обращения: 9.08.2023)
3. Зикеев В. Концепция о намерениях. Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konczepczija-o-namereniyah> (дата обращения: 9.08.2023)
4. РОП разрабатывает новый национальный словарь политических терминов URL: <http://ruspolitology.ru/ekspertnaya-deyatelnost/13978/> (дата обращения: 9.08.2023)
5. РАПН URL: <https://www.rapn.ru/in.php?part=2&gr=42&d=6268> (дата обращения: 16.08.2023)

ЗАПАДНЫЕ РАСОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА²

Статья посвящена расовым стереотипам в дискурсе западных политиков и журналистов, посвященном актуальному российско-украинскому конфликту. Автор анализирует случаи таких стереотипов на материале передач германского телеканала ZDF и ряда неевропейских газет.

Ключевые слова: расизм, стереотипы, западные медиа, ZDF, Украина, беженцы

Potseluev S.P.

WESTERN RACIAL STEREOTYPES IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN POLITICAL CONFLICT

The article is devoted to racial stereotypes in the discourse of Western politicians and journalists on the current Russian-Ukrainian conflict. The author analyzes the cases of such stereotypes on the material of the broadcasts of the German TV channel ZDF and a few non-European newspapers.

Key-words: racism, stereotypes, western media, ZDF, Ukraine, refugees

Начавшийся с 2014 года военно-политический конфликт на Украине обнажил много истин в мировом политическом процессе, которые до этого несколько недооценивались. К ним относится расистская составляющая той реальной (а не декларативной) идеологии, которая практикуется западными политическими элитами при выстраивании их внешнеполитических стратегий. Разумеется, это новая форма расизма, отличная от той, которая традиционно связывается с германским нацизмом. Это – расизм, вдохновленный не физической, а культурной антропологией, и вместо объема черепа здесь оцениваются культурные коды. Но суть остается той же самой: выкапывание антропологических рвов между нациями и народами. Только теперь «акцент делается не на неравенстве, а на несопоставимости культур («духовностей», «ментальностей»), их несовместимости и неспособности их носителей понять друг друга и стать добрыми соседями» [1, с. 49].

Приведем свежий пример такого рода идейной установки из пропагандистской кухни немецкого телеканала ZDF. Соответствующий материал был показан в канун западного Рождества (когда обман массовой аудитории может показаться особенно циничным). Это – история о «матери-одиночке Александре» (видеоряд с молодой женщиной, пеленающей младенца), которая – как рассказывает корреспондент за кадром – будучи беременной, сбежала из Кременчуга и оказалась в Дюссельдорфе.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023-0059, тема: «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

Корреспондент ZDF: В канун Рождества Александру пригласили в гости ее немецкие друзья. Вообще-то украинцы празднуют Рождество 7 января – по православному календарю, как и русские. Но в этом году всё иначе.

Александра (на ломаном немецком): Я думаю, из-за этой войны мы все должны расстаться с русскими традициями и соединиться с европейскими.

Корреспондент ZDF (видеоряд – служба в храме УПЦ): Мнение, которое разделяют многие украинцы. Володимир Чайка – священник православной украинской церкви в Германии. В своей кельнской общине он провел опрос в Фейсбуке – в нем приняло участие 16 тысяч украинцев. Большинство высказалось за празднование Рождества по новому календарю.

Священник Володимир (на хорошем немецком): Люди не хотят праздновать Рождество вместе с церковью страны, которая напала на Украину.

Корреспондент ZDF (торжествующе): В этом году православные украинцы в Германии будут впервые праздновать Рождество 24 декабря [2].

Таким образом, тысячелетняя традиция использования юлианского календаря в общей для России и Украины церкви объявляется теперь традицией «страны-агрессора», а фактический отказ украинцев от части собственной культурной идентичности подается как цивилизационное «окно в Европу». Это и есть один из каждодневных примеров «отмены русского» как формы культурного расизма, который на Украине очень быстро переходит в расизм классический. И тогда православный календарь (кириллица на очереди?) «логично» оказывается проявлением не только культурно, но и биологически неполноценных «москалей».

Приведенный пример показывает расистские мотивы, высказываемые не напрямую и рассчитанные на широкую медийную аудиторию. И кажется, что для более рафинированной академической среды такие примеры нетипичны. Но факты говорят об обратном. В том же медийном пространстве нынешней ФРГ более откровенные расистские сентенции можно услышать даже от высокообразованных аналитиков. Так, Флоренс Гауб, аналитик Института исследований безопасности Европейского союза, выступая в апреле 2022 года в одном из выпусков ток-шоу «MarkusLanz» на телеканале «ZDF», сказала буквально следующее: «Я полагаю, мы не должны забывать, что даже если русские выглядят по-европейски, европейцами они в культурном смысле не являются. У них другое отношение к насилию, другое отношение к смерти. ... Там нет этого либерального, постмодернового подхода к жизни как проекту, который каждый строит для себя индивидуально, но (там считают), что жизнь просто так очень рано может закончиться смертью ... Нельзя исходить из того, что жертвы среди русских, издержки войны сами по себе приведут (руководство России) к переосмыслению (подхода к военным действиям). Я полагаю, что действительно могло бы напугать (В. Путина), так это более активное использование нами угрожающих жестов» [3].

Этот случай лишней раз подтверждает природу любого стереотипа, о которой еще век тому назад писал У. Липпман. Причину власти стереотипа американский ученый видел в том, что тот «начинает действовать еще до того, как включается разум» [4, с. 110]. Липпман обратил внимание на то, что даже гений Аристотеля был подвластен классовым стереотипам своего времени, чего же тогда говорить о более скромных интеллектуальных дарованиях наших дней? Так, с началом СВО на Украине в феврале 2022 года западные правительства и медиа возмущаются тем, что многие страны глобального Востока и Юга не разделяют их антироссийского пафоса. В адрес этих стран звучат даже обвинения в политическом аморализме. Но в бывших европейских колониях нынереассуждают иначе. Причем даже издания и авторы, не относящиеся к сторонникам СВО РФ на Украине.

Хамид Дабаш, профессор иранистики и сравнительного литературоведения в Колумбийском университете Нью-Йорка, замечает в своей солидной статье в «Middle East Eye», что его совсем не удивляет то, что в освещении российско-украинского военно-политического конфликта «европейские и американские журналисты и политики являются теми, кем они являются – конституционными расистами до мозга костей». Ведь «представление о других расах и культурах как о недочеловеках глубоко вписано в знаменитую европейскую философию» [5]. Х. Дабаш дает целый обзор критики этой актуальной манифестации западного расизма в публикациях авторов, представляющих другие регионы мира.

А это очень разные регионы.

Так, Ахмед Твайдж из «THINK, NBC News» замечает, что репортажи западных медиа с фронтов Украины «обнажили вопиющее расистское и предвзятое отношение к ценности (или ее отсутствию) неевропейской жизни». Ведь из этих репортажей вытекает, что западный мир ценит жизни белых больше, чем тех, кто погибает в конфликтах за пределами Европы; что смерти европейских людей в Киеве – это невыносимая драма, а массовые убийства людей в Багдаде, Кабуле и т.д. – привычная и терпимая статистика; что белые беженцы с Украины – всегда желанны, а цветные мигранты со всех прочих уголков мира – причина социальных проблем [6].

Мохд Азми Абдул Хамид, президент Малайзийского Консультативного совета исламских организаций (МАРИМ), наблюдая, как соседи Украины реагируют потоком общественной и политической поддержки беженцев, замечает, что эта реакция европейцев резко контрастирует с их реакцией на беженцев, бежавших в ЕС от бомб в Сирии и Афганистане. Случаи, когда неевропейцев высаживали из поездов, покидающих Украину, стали вирусными в социальных сетях, замечает малайзийский политик и констатирует в этой связи «двойные стандарты и расизм, присущие реакции Европы на беженцев» [7].

Свати Чатурведи, корреспондент англоязычной газеты «Gulf News», издающейся в ОАЭ, тоже замечает: пограничники, проводящие дискриминацию среди беженцев с Украины по принципу «европейцы vs. неевропейцы», тем самым показывают, каким образом «именно расизм

процветает под маской политкорректности». С. Чатурведи, вслед за многими репортерами западных изданий, резко критикует высказывание заместителя главного прокурора Украины Давида Сакварелидзе, заявившего в киевской студии Би-би-си: «Это очень эмоционально для меня, потому что я вижу, как убивают европейцев с голубыми глазами и светлыми волосами» [8].

Этот эпизод лишней раз показывает, что новый «культурный» расизм неизбежно обращается в классический биологический, потому что идеологически любой расизм всегда работает на «правый сектор» в политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шнирельман В. А. Расизм вчера и сегодня // ProetContra. 2005. Том 9. № 2. С. 41-65.
2. UkrainischesWeihnachten: Bruch mit Tradition // Heute Journal. 23.12.2022. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/heute-journal/ukrainische-weihnachten-deutschland-100.html>(дата обращения: 15.08.2023).
3. MarkusLanzvom 12. April 2022. ZDF. URL: <https://www.zdf.de/gesellschaft/markus-lanz/markus-lanz-vom-12-april-2022-100.html>(дата обращения: 15.08.2023).
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Dabashi H. Russia-Ukraine war: Are we really surprised by the racist media coverage? // Middle East Eye 15 March 2022. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/russia-ukraine-war-racist-media-coverage-surprised>(дата обращения: 15.08.2023).
6. Twaij A. How coverage of the Ukraine-Russia conflict highlights a racist double standard // THINK, NBC News. March 4, 2022. URL: <https://www.nbcnews.com/think/opinion/ukraine-russia-conflict-highlights-racist-double-standard-ncna1290822> (дата обращения: 15.08.2023).
7. Azmi Abdul Hamid M. Russia, Ukraine war magnifying West's racism, hypocrisy // New Straits Times. March 8, 2022. URL: <https://www.nst.com.my/opinion/letters/2022/03/778189/russia-ukraine-war-magnifying-west-racism-hypocrisy>(дата обращения: 15.08.2023).
8. Chaturvedi S. Russia-Ukraine war: Racism of Western media is shameful // Gulf News. March 02, 2022. URL: <https://gulfnews.com/opinion/op-eds/russia-ukraine-war-racism-of-western-media-is-shameful-1.86103686> (дата обращения: 15.08.2023).

СЕКЦИЯ 1

**ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ
И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ**

Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Фасахутдинов В.В., Саженова Л.П.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ЦЕННОСТЕЙ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ (ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА)

Инициативный проект исследовательской группы нацелен на выявление, описание и характеристику социальной диагностики ценностей на основе сетевого подхода. Работа носит поисковый характер и охватывает диагностику ценностей различных страт общества, социально-профессиональных групп, российских, китайских и европейских организаций. Даны характеристики методик социальной диагностики, основанных на принципах понимающей социологии М. Вебера. Показаны достоинства и недостатки различных видов диагностики. Обобщенно представлен опыт исследовательского проекта использования социальной диагностики относительно ценностей предпринимателей, руководителей корпоративных организаций, специалистов ИТ-компаний, воинских подразделений, школьников. Показаны некоторые особенности организации социальной диагностики ценностей личности.

Ключевые слова: социологическая диагностика; виды диагностики; ценности; диагностика ценностей; понимающая социология.

Deryugin P.P., Lebedintseva L.A., Fasakhutdinov V.V., Sazhenkova L.P.

DIAGNOSTICS OF PERSONALITY VALUES: THE HEURISMMATIC POTENTIAL OF UNDERSTANDING SOCIOLOGY (EXPERIENCE WITH NETWORK APPROACH)

The initiative project of the research group aims to identify, describe and characterize the social diagnosis of values based on a network approach. The work is exploratory in nature and covers the diagnostics of the values of various socio-professional groups of Russian, Chinese and European organizations. The characteristics of social diagnostics of various types are given: everyday, emergency, control and special, diagnostic methods based on the principles of understanding sociology of M. Weber. The advantages and disadvantages of various types of diagnostics are shown. The experience of social diagnostics regarding the values of entrepreneurs, heads of corporate organizations, specialists of IT companies, military units, and schoolchildren is summarized. Some features of the organization of social diagnostics of personal values are shown.

Key-words: sociological diagnostics; types of diagnostics; values; diagnostics of values; understanding sociology.

Анализ деятельности политических институтов и процессов в России в условиях современной международно-политической напряжённости востребует адекватного научного обеспечения изучения ценностей россиян. В частности, важным направлением такой работы становится социологическая диагностика ценностей. В Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1], говорится о важности проведения социологических исследований и мониторинга, разработки системы показателей, которые способствуют сохранению и укреплению традиционных ценностей россиян. Здесь можно выделить три аспекта, актуализирующих обращение к социальной диагностике ценностей.

С точки зрения политических, управленческих или педагогических интересов, обращение к диагностике ценностей имеет важный практический смысл. Ценности как объект непосредственной диагностики одновременно могут характеризовать *цели* субъектов деятельности (ценности-цели, К. Клакхоном), *средства* (инструментальные ценности, М. Рокич), *результаты* (Дж. Р. Брански). Таким образом, обращаясь к ценностям, появляется возможность понять прошлое, современное и будущее объектов анализа – сообществ, социальных групп, отдельных личностей.

С точки зрения методологии и методов социологического исследования, по существу, это призыв к участию в разработке и широкому внедрению диагностического подхода в деятельности по формированию ценностей в деятельности различных социальных институтов. В частности, как сказано в Указе, сегодня важно разрабатывать показатели сохранения и укрепления традиционных ценностей опираясь на традиционные российские институты.

С точки зрения социологического обеспечения этой работы, важно, чтобы изучение ценностей проводилось на основе различных инструментов и методов, приобретало конкретный характер - характер массовой практики в деятельности политических организаций, управленцев, педагогов, социальных работников, без чего формирование ценностей всегда грозит выродиться в пустословие. К сожалению, исторический опыт подтверждает множество таких сюжетов, когда формирование ценностей превращалось говорильню. Перенос диагностических технологий изучения ценностей в сферу практической деятельности предполагает активизацию работы по конструированию и разработкам методов изучения ценностей, основанных на современных информационно-технологических платформах, с использованием надежных математических и иных инструментов.

Исследовательский проект по использованию диагностики ценностей, о котором идет речь в настоящем случае, длится около десяти лет. В нем участвуют профессорско-преподавательский состав, аспиранты, магистранты и бакалавры нескольких российских университетов. Исследования проведены в ряде регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Пермь, Мурманск), также в Беларуси, Китае, Испании, Молдавии, Казахстане, Узбекистане, Латвии, Литве, США, Бразилии и других латиноамериканских странах. Накоплен опыт социальной диагностики ценностей предпринимателей, руководителей частных и государственных корпоративных организаций, специалистов ИТ-компаний, казачества, воинских подразделений, студентов различных профилей подготовки, школьников, некоторые другие. В ближней перспективе спланировано обращение к диагностике ценностей людей с ограниченными возможностями, молодых семей. За период инициативного проекта его участники защитили целый ряд дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций, опубликовано более двухсот материалов – статей и тезисов докладов, в том числе статьи в высокорейтинговых отечественных и зарубежных журналах, шесть монографий.

Накопленный опыт позволяет выделить основные моменты осуществления социальной диагностики ценностей на основе принципов понимающей социологии. Обозначим эти важные положения.

Диагностика или Исследование? Для решения практических вопросов, связанных с диагностикой ценностей, актуально понимание отличий диагностики от исследования. Диагностика является одной из разновидностей процесса изучения каких-либо явлений и процессов. Этимология слова раскрывает особенность такой познавательной деятельности. Первая часть слова - приставка «ди» происходит от др.-греч. δίς «дважды» и обозначает – «второй», «двойной», в сочетании с основой слова этот префикс передает идею разделения, расщепления на две части [2]. «Гносис» (в переводе с греческого γνῶσις - «знание, осознание») – это знание о сути всех вещей, которое объединяет в себе науку и религию, искусство и философию [3]. Другими словами, речь идет о втором уровне знания, следующим за первым. Научное определение диагностики может быть сформулировано как особый вид познавательной деятельности, основанный на ранее полученных данных об эталонном состоянии объекта изучения – на результатах ранее проведенных исследований. Исследование – основа диагностики – познавательный процесс выработки новых научных знаний [4]. Таким образом, когда речь идет о диагностике, то следует понимать, что это особый вид познавательной деятельности, основанный на результатах предварительных научных исследований. Диагностика без ранее проведенных исследований невозможна.

Диагностика – составной элемент «практического ума» [5]. При этом, ей присуще не только конкретность и практическая направленность, но и ряд других принципиальных особенностей, отличающих ее от исследований:

- диагностика всегда строится на каких-либо эталонах, с которыми сравниваются некоторые отклонения: без наличия ранее полученной модели или эталона диагностика невозможна [6];

- это прикладная исследовательская процедура, нацеленная не на получение нового «чистого» знания, а на устранение неполадков или отклонений [7];

- является частью политической, управленческой или педагогической деятельности, информационно обеспечивает такую деятельность в интересах изменений, трансформаций, исправления ошибок [8].

Ценности личности или социальные ценности. Диагностика ценностей, основанная на идеях понимающей социологии, отличается направленностью на обращение к ценностям конкретных сообществ, конкретных социальных групп, организаций или конкретных отдельных личностей. При этом важно учитывать, что обращение к ценностям различных объектов изучения, будь - то общество, какие-либо организации или отдельные люди, всегда важна точная определенность объекта изучения, поскольку такие объекты всегда будут отличаться своей социальной природой. Так, например, при проведении диагностики корпоративной культуры, в центре диагностической процедуры будут формальные и неформальные нормы [9]. Диагностика

ценностей личности в этой организации будет нацеливаться на изучение установок, убеждений, ориентаций респондентов [10]. Другими словами, проведение диагностики всегда предполагает довольно строгое (однозначное) определение объекта и предмета диагностики.

Подход понимающей социологии. Главный смысл понимающей социологии относительно диагностики ценностей заключен в обращении к внутренним установкам личности или норм какой-либо организации, которые рассматриваются в качестве источника и мотиватора внешнего проявления - поведения и деятельности [11]: ценности проецируют будущее, перспективу. В этом важное достоинство диагностики ценностей. Зная ценностные характеристики личности, организации, какого-то сообщества или социальной группы, появляется реальная возможность осуществления политического, управленческого или педагогического прогнозирования.

Сетевые методы исследования ценностей. Современный уровень развития сетевых подходов в изучении ценностей показывает ряд преимуществ таких методик. Сетевые методы позволяют на основании обработки больших объемов информации моделировать связи и зависимости между различными группами ценностей, формализовывать эти связи, раскрывать их зависимость от внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование ценностей различных социальных образований – регионов, социального-профессиональных групп, людей с различными социально-статусными и ролевыми характеристиками и пр. Главное достоинство сетевого моделирования – возможность интеграции в сетевых моделях множества актуальных для практической деятельности факторов и характеристик участников взаимодействия- от ценностей отдельной личности до ценностей на макроуровне, включая промежуточные слои ценностей микро- и мезо - уровней.

Благодаря таким достоинствам, социальная диагностика ценностей в перспективе может выступить надежным инструментом в деятельности политических организаций по сохранению и формированию традиционных ценностей россиян. Это важный участок работы, поскольку в условиях информационного (цифрового) общества, где несоизмеримо вырастают коммуникационные возможности и обмен информацией, столкновение ценностей будет все более активизироваться, а ценности, как известно, чаще всего становятся источником конфликтов и противоборства различных социальных групп, страт и классов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.: <https://psk-group.su/znacheniya/znacenie-pristavok-di-dis-dif>
2. Диагностика. https://yandex.ru/search/?text=гносис+это&lr=165874&clid=2357978-133&win=604&src=suggest_Pers
3. Гносис. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/827270>
4. Исследование. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Исследование>

5.Теплов Б. М. Ум полководца. М.: Педагогика, 1990.

6.Дерюгин, П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений : специальность 22.00.01 "Теория, методология и история социологии" : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / П. П. Дерюгин. – Санкт-Петербург, 2001. – 43 с.

7.Дерюгин, П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морских коллективах : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / П. П. Дерюгин. – Москва, 1991. – 20 с.

8.Дерюгин, П. П. Педагогическая диагностика межличностных отношений в военно-морском коллективе : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / П. П. Дерюгин. – Москва, 1991. – 222 с.

9.Ноздрина Н.А. Понятие социальных ценностей и социальных норм ПОНЯТИЕ // Sciences of Europe. 2021. №68-3. С. 51-53

10.Дивисенко К. С. Ценности и установки в структуре жизненного мира // Петербургская социология сегодня. 2013. №4. С. 159-164.

11.Сухарькова М. П. В каких случаях «Внешнее» объяснение, данное социологом, совпадает с «Внутренним» объяснением? // Система ценностей современного общества. 2013. №28. С. 104-107.

Ладыга А.И.

ТЕРРОРИЗМ И ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье исследована взаимосвязь терроризма с организованной преступностью. Новизна исследования заключается в том, что в нем обобщен опыт правоохранительных органов, подтверждающий взаимосвязь терроризма с различными проявлениями организованной преступности (торговля наркотиками, коррупция, похищения людей и др.), что дало возможность автору сделать выводы о необходимости выработки системных мер реагирования на симбиоз указанных высоко общественно опасных явлений.

Ключевые слова: терроризм, организованная преступность, общественная безопасность.

Ladyga A.I.

THE TERRORISM AND ORGANIZED CRIME AS FACTORS OF INCREASING PUBLIC DANGER OF THE STATE

The article examines the relationship between terrorism and organized crime. The novelty of the study lies in the fact that it summarizes the experience of law enforcement agencies, confirming the relationship of terrorism with various manifestations of organized crime (drug trafficking, corruption, kidnapping, etc.), which enabled the author to draw conclusions about the need to develop systemic responses to the symbiosis of these highly socially dangerous phenomena.

Key-words: terrorism, organized crime, public safety.

Можно ли победить терроризм, не исследуя такое общественно опасное явление как организованная преступность? Думаем, что нет. Ведь терроризм по сути является видом организованной преступности, а террористические организации реализуют организованную преступную деятельность. В этом и

суть связи терроризма (преступлений террористического характера) и организованной преступности.

Это, однако, только усиливает необходимость уяснить связь терроризма с разного рода преступлениями. Эту особую «криминальную» террористическую связь нельзя игнорировать. Ведь в условиях финансово-экономического кризиса масштабы организованной преступности растут. С увеличением материально-финансового потенциала лидеров организованной преступности, у ее активной части объективно появляется стремление к влиянию на власть и правоохранительные органы. Вырабатывается тактика и стратегия осуществления такого воздействия для обеспечения безопасности при проведении масштабных преступных акций. Террористические организации также преследуют политические цели.

Преступные организации сами прибегают к террору и вступают в выгодные для них союзы с террористами, прежде всего, для создания более благоприятных условий своей деятельности. Их действия направлены, как правило, против конкретных действий власти в области обеспечения законности, а не против политиков, часть которых они, возможно, уже коррумпировали. Если террористические группировки торгуют наркотиками и оружием с целью финансового обеспечения выполнения политической цели, то организованная преступность занимается тем же для личного обогащения. Несмотря на эти различия, наблюдается явная тенденция к их слиянию, что очень опасно.

Признаком интеграционной тенденции является прямое использование преступными организациями тактики террора. И, европейская мафия и американские картели неоднократно применяли тактику террористических актов против государства и его представителей. Они мешали политике правительства в борьбе с ними, ликвидируя сотрудников правоохранительных органов, принуждая судей выносить оправдательные приговоры, а также создавая благоприятные условия для их преступной деятельности. Уже в конце 1980-х, члены колумбийского «движения 19 апреля», «слились» с наркобизнесом и в 1989 г. совершили налет на Дворец юстиции в Колумбии для уничтожения доказательств деятельности наркомафии, убив нескольких членов Верховного Суда. Правоохранительные органы европейских стран ничего не могут поделать с террористической организацией «Серые волки» (Турция-Албания), контролирующей нелегальный рынок человеческих органов и тесно связанной с американскими ТНК, поддерживающих их финансово. Известно, что наркомафия, используя в своих интересах террористические организации, создает вооруженные подразделения, применяющие методы террора.

Еще одним фактором слияния организованной преступности с террористическими организациями, по мнению экспертов ООН, является их технологический интерес. Похищение ядерных материалов и использование их с целью шантажа нивелирует грань между такими преступлениями, как вымогательство и политический терроризм. Преступные организации

совершают кражу ядерных материалов и продают их террористам, либо сами используют их для шантажа представителей власти и общественности.

Ученые отмечают, что многие предусмотренные законами составы преступлений имеют прямую взаимосвязь, что обусловило появление в уголовных кодексах стран так называемых норм-близнецов, близких по диспозиции и санкции. В одних случаях такое сходство оправдано, а в других – лишь вредит [1]. Эксперты отмечают, что даже за сходные, но объективно различные по характеру и степени общественной опасности, преступления не должны иметь одинаковые наказания. К ним относят такие преступления, как похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника и некоторые другие. В данном ракурсе можно рассматривать и проблему взаимосвязи этих преступлений. Она ярко проявляется, когда взаимосвязь прослеживается через сочетание организованной преступности и терроризма. Основным звеном в такой связи выступает организованная преступность.

Специалисты, указывая на взаимосвязь с терроризмом таких преступлений, как похищения людей, захват заложников, убийства, вымогательства, разбой и бандитизм, связывают их с организованной преступностью и подчеркивают, что криминальные группировки стремятся взаимодействовать не только друг с другом, но и с террористическими организациями в сфере незаконного оборота оружия, наркотиков, финансов и т.п. При этом, обобщая опыт, эти же специалисты указывают на реальное существование террористической преступности как отдельного вида преступности. Обращается внимание на то, что такое явление охватывает собой связанные с терроризмом преступления.

Повышенную общественную опасность представляют преступления террористического характера, непосредственно связанные с коррупцией. Терроризм в странах мира появился не только в результате политических, религиозных, национальных и экономических противоречий и конфликтов, но и в связи с развитием организованной преступности и коррупции. Именно организованная преступность и коррупция, связанные с теневой экономикой и преступным бизнесом, вызвали диктат насилия и наркобизнес. Ядром этого криминального блока стал терроризм, и оно укрепляется за счет организованной преступности и коррупции.

Организованная преступность связана, прежде всего, с теневой экономикой, преступным бизнесом. Здесь, считают ученые, не все однозначно и в плане понимания этого вида преступности. Как указывает В.В. Лунеев, понимание организованной преступности менее четкое, чем экономической преступности [2, с.283].

Выделение организованной преступности из системы преступности в целом обосновано характером и степенью организованного взаимодействия группы преступников при осуществлении длительной криминальной деятельности [3, с.11-17]. Это – особая группа, форма соучастия. Следовательно, понятием «организованная преступность» охвачены соответствующие виды совместной преступной деятельности, характерные и для криминальной экономики, преступного бизнеса, коррупции и для

терроризма. Безусловно, каждый из этих видов имеет свою специфику. Для организованной преступности, проявляющейся в сфере терроризма, характерны наличие объединения лиц для занятия именно терроризмом, устойчивость групп (организации, группировки), налаженная система связей участников террористических организаций, распределение между ними ролей и т.п. Главным является то, на что направлена деятельность организованных преступных группировок. При коррупции – это накопление, увеличение доходов, полученных преступным путем и влияние на власть с использованием нажитого капитала. Из этого следует, что коррупцию, организованную преступность (и организованную экономическую преступность) проблематично отделить друг от друга, как и от терроризма. У коррупции, организованной преступности и терроризма одно общее «криминальное» поле.

Феномен организованной преступности связан не только с терроризмом и коррупцией, но и процессом становления самого преступного объединения, его существованием длительный период с соответствующей криминальной деятельностью в разных сферах. Однако социальная подоплека организованной преступности и спектр ее возможностей заложены именно в коррупции, а отсюда к терроризму – короткий путь.

Когда в экспертной среде речь идет об организованной преступности, которая связана с коррупцией, то указывают на следующие особенности:

- организованная преступность, связанная с теневой экономикой, поставяет товары, полученные в обход требований закона, преступным путем, предлагает соответствующие услуги, осуществляет уголовную деятельность рационально и планомерно, определяет цели и задачи, способы и средства их достижения и решения;

- доминантой таких преступных деяний выступают корыстные мотивы;

- для реализации нелегальных товаров, предложения нелегальных услуг организуются криминальные группировки, построенные на распределении ролей – каждый участник специализируется либо на организации и планировании преступлений, либо на их реализации.

Преступники, совершающие преступления в составе организованной группы, – это, прежде всего, профессионалы, получающие средства к существованию от преступной деятельности, в основном, в течение длительного времени. Речь идет об уголовном профессионализме и преступной специализации. Такие профессионалы освоили технику совершения преступлений, овладели специальными приемами и имеют высокий статус в преступном мире. Они культивируют в своей среде криминальную систему ценностей, стремятся максимально усложнить раскрытие совершенных ими преступлений, стремясь не допустить вмешательства в свою деятельность официальных инстанций, особенно правоохранительных органов, используя для этого коррупционные связи.

Проблема организованной преступности рассматривается в той же плоскости, что и теневая экономика преступного бизнеса. Организованная преступность, отмечает А.И. Долгова, вплелась в экономику, захватила сферу

национальных отношений, политику, стремясь контролировать властные, управленческие и хозяйственные структуры. Ей удастся использовать эти структуры с целью собственного незаконного обогащения, она формирует стиль дельца теневой экономики [4, с.6]. В.В. Лунеев, характеризуя организованную преступность, указывает, прежде всего, на ее связь с криминальной экономикой и нелегальными финансовыми потоками, при этом отмечая, что ограбления, насилие на улицах, заказные убийства, похищения людей, захват заложников, рэкет, терроризм – все это входит в сферу этого вида преступности [2, с.288]. Экономика, финансы, собственность – основные приоритеты организованной преступности. Наблюдается также новая тенденция организованной преступности – стремление преступных группировок завладеть национальным достоянием, и в этом особое место занимает коррупция [5, с.369-371]. Более масштабные проявления коррупции связаны именно с организованной преступностью. Коррупция используется как способ поставить экономику под контроль криминальной среды, то есть организованной преступности.

Ученые выражают разное отношение к организованной преступности, правда воспринимая однозначно ее критерии определения, в которых акцентируется на коррупции. Так существуют ли здесь еще какие-то связи?

Как пишет Ю.В. Латон, если неоинституционалисты уподобляют криминальную деятельность рынку, то на этом рынке должны действовать товаропроизводители разной степени концентрации. В легальном бизнесе спектр возможных видов организации производства в любой отрасли варьируется от чистой конкуренции (множество мелких фирм) до чистой монополии (единственная крупная фирма). Отвечая на вопрос «как организовать преступный бизнес?», ученый обращает внимание на то, что преступления совершают не только преступники-одиночки, но и преступные организации разного масштаба и степени стабильности. Соотносятся понятия «преступная организация» (типа мафиозной «семьи») и «фирма», по мнению Ю. Латона, исходя из двух подходов: одни ученые фактически ставят между ними знак равенства, другие считают, что мафиозная «семья» ближе к финансово-промышленной группе [6, с.62-63]. На самом деле, однозначно трактовать здесь нельзя, ведь встречаются примеры и того, и другого рода. Мир организованной преступности можно рассматривать как сеть таких фирм, производящих запрещенные законом товары и услуги и стремящихся контролировать рынок. К этим товарам и услугам относят не только наркобизнес, торговлю людьми, но и все, что связано с уголовно-наказуемыми действиями: трансплантация органов или тканей человека, использование принудительного труда, организация и содержание мест употребления наркотиков, а также похищение людей, сексуальная эксплуатация лиц [7, с.44-46]. Часто, говоря об организованной преступности, речь идет о «преступлениях с жертвами» и «преступлениях без жертв». По нашему мнению, деяния организованной преступности всегда связаны с жертвами. Если во взаимосвязи этого вида преступности с

коррупцией жертвы просто «невидимы», то при взаимосвязи с терроризмом – явны.

Терроризм, на наш взгляд, можно считать видом организованной преступности, ведь террористические акты совершают как преступники-одиночки, так и преступные террористические организации. Существуют крупные и устойчивые организации, наряду с которыми действуют и немногочисленные криминальные группировки.

Определяющей чертой организованной преступности становится ее политизация, по сути, происходит процесс обращения, перемещение преступного капитала из теневой, криминальной сферы – в легальную, чему способствуют настроенные коррупционные связи. У организованной преступности, связанной с коррупцией и терроризмом, всегда просматривается политический оттенок. Преступность – явление в достаточной степени политизированное. Как отмечают некоторые авторы «политизированная преступность – криминальный феномен, который тесно связан со сферой государственного управления. Политическая преступность многоплановая. В узком смысле этим понятием охватывают преступления, совершаемые по политическим мотивам, в широком – все преступления, совершаемые в политической сфере, в области государственного и социального управления» [5, с.439]. Существуют преступления, связанные с решением политических проблем, что дает основания говорить о политизации организованной преступности. В то же время и терроризм тесно связан с политикой.

В этом контексте интересную позицию отстаивают польские ученые. Они, рассматривают взаимосвязь организованной преступности и терроризма, через призму совершения преступлений организованными преступными группами и террористическими организациями, и те, и другие не отличаются «технологией» совершения. Характеризуется сложной криминологической активностью, и разнообразными формами насилия [8, с. 7-8].

Учитывая различия цели и мотивов действий, проявляются характерные черты преступных организаций. Политическую цель (в случае терроризма) и имущественную цель (в случае организованной преступности) являются определяющими факторами. Принимая во внимание некоторое «приближение» друг к другу организованной преступности и терроризма, не исключено превращение одной формы преступной организации в другую. Довольно часто террористические группы (организации) и организованные преступные группы перенимают на себя близкие по значению, содержанию преступные действия, такие как: захват заложников, похищение людей и т.п. Обозначилась тенденция к преступному «взаимопониманию», преступному интеграционному сотрудничеству организованных преступных группировок и террористических организаций). Довольно часто они «подписывают» своеобразный «договор» о совместных действиях. Применяемые в рамках организованной преступности деяния террористического характера направлены на защиту их господствующего положения. Допуская в рамках

терроризма преступления, совершаемые организованной группой, террористические организации еще больше укрепляют свое положение, силу своего влияния.

Список литературы

1. Агаев Г.А., Зорина Е.А. Научные взгляды о структуре уголовно-правовой нормы // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-vzglyady-o-strukture-ugolovno-pravovoy-normy> (дата обращения: 26.07.2023).
2. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ / Виктор Васильевич Лунеев. – М., 1997.
3. Канарев В.А. Организованные преступные формирования : вопросы квалификации : автореф. дисс. на соиск. науч. степени канд. юрид. наук ; спец. 12.00.08. / В.А. Канарев. – М., 2002.
4. Организованная преступность – 2 / отв. ред.: А.И. Долгова, С.В. Дьяков; Российская криминологическая ассоциация. – М.: Криминологическая Ассоциация, 1993.
5. Криминология : учебник для студентов вузов / под. ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова ; [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Юристъ, 2012.
6. Латон Ю. В. Экономико-правовые концепции неоинституционализма / Ю.В. Латон // Вестник Юридического института МВД России. – 1998. – № 2. – С. 60-64.
7. Ахрамов Г. С. Организованная преступность и теневой бизнес / Г.С.Ахрамов // Организованная преступность и коррупция : Сб. науч. трудов. – 2004. – С. 44–46.
8. Антитеррор. – 2003. – № 1. – С. 7–8.

Ладыга Л.И.

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

В статье определены особенности использования информационных технологий для защиты национальных интересов России. Автором предлагаются рекомендации по внедрению эффективных политико-правовых и организационно-управленческих механизмов противодействия манипулятивным информационным технологиям в гибридной войне.

Ключевые слова: информационные технологии, гибридная война, информационная агрессия, национальная безопасность.

Ladyga L.I.

THE PROBLEM OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES TO PROTECT RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

The article defines the features of using information technologies to protect the national interests of Russia. The author offers recommendations for the introduction of effective political, legal, organizational and managerial mechanisms to counteract manipulative information technologies in hybrid warfare.

Key-words: information technologies, hybrid warfare, information aggression, national security.

Применение потенциала и средств информационных технологий в инфосфере усилит возможности России по своевременному выявлению и предотвращению западной информационной агрессии. Учитывая особенности регулирования информационных технологий, прежде всего,

определим основные подходы к организации информационного противодействия агрессору и методы защиты информационной среды нашей страны.

Для того, чтобы эффективно обороняться, в частности информационно, нужно понимать природу войн нового типа ... стороны заинтересованы в развитии «военного предпринимательства» (США, Великобритания, Турция, Болгария и др.), и не стремятся к выигрышу или проигрышу, как по политическим, так и по экономическим причинам. Причем выгоду от продолжающегося насилия получают не столько государства, сколько отдельные группы – как из вне, так и внутри обществ. Внутренней тенденцией таких войн является стремление не к «войне без ограничений», но к войне без конца. Поэтому подобные конфликты требуют создания общественного консенсуса вокруг них и продуцируют самовоспроизводящийся интерес к войне. Целью этого является воссоздание новой идентичности и достижение партикулярных политических и экономических интересов [1, р. 219].

Следовательно, регулирование и компенсация совокупности воздействий на информационную среду, направленных на искажение социокультурных и групповых идентичностей, уничтожение российского общества, создание конфликтогенной среды, и должно определять стратегии информационной политики.

Коллективный Запад провоцирует конфликт не для победы в классическом варианте, а для того, чтобы этот конфликт длился как можно дольше. Поэтому целью общества в таких условиях является выживание, успешное преодоление конфликтного состояния и инклюзивное политическое и экономическое развитие в новых условиях. Поэтому государственными институтами должна применяться комплексная информационная стратегия, направленная на противодействие самовоспроизведению и распространению конфликта. Эта стратегия должна базироваться на концепции равно стойкости информационной среды, то есть устойчивости всех компонентов этой среды в отношении любых возможных воздействий по всем направлениям. Стратегия информационной устойчивости должна быть направлена на противодействие влияниям, которые осуществляются на общество в рамках информационных войн.

Целью информационной политики в условиях современных конфликтов должно быть построение и поддержание устойчивой информационной политики. Ее задачи определяются необходимостью не только выработать «иммунитет» к разрушительным информационным воздействиям, но и сохранить возможность развития общества. Поскольку новые конфликты возникают вокруг идентичности – информационная политика должна быть направлена на комплексную поддержку идентичности, поддержку взаимосвязи самоидентификации с социальной идентичностью.

Если мы считаем, что целью войны нового типа является не победа, а насилие, то информационная политика должна быть направлена на

уменьшение приемлемости насилия во всех слоях общества. В рамках информационной политики должны поддерживаться постоянные связи между официальной информацией, экспертными оценками, публицистикой, журналистской информацией и новостями. Должно создаваться единое поле взаимосвязанной информации, с самоподдерживающимися обратными связями для выработки нужных для выживания страны и ее развития политических нарративов. Кроме того, обсуждение должно способствовать положительной демифологизации. Например, поскольку в войнах нового типа существует большая неточность статистики потерь, информационная политика должна способствовать повышению достоверности оценок параметров конфликта.

Считаем, что особенности использования информационных технологий для защиты национальных интересов России в условиях гибридной войны с Западом заключаются в необходимости формирования собственного мощного информационного пространства, способного эффективно противодействовать информационной агрессии. Формирование ценностных приоритетов общества, популяризация российской культуры, внедрение общегосударственного исторического просвещения и политического образования, медиаграмотности, распространение фактов о преступной деятельности украинского режима и т.п. должны быть отражены в государственных программах, стратегиях развития и концепциях государственной информационной политики. Наполнив российские книжные магазины, театры, кинотеатры, ТВ, радио, социальные медиа, рекламу и отечественный сегмент интернет-среды таким контентом, можно создать мощную конкуренцию западной продукции идеологического содержания.

Исследуя особенности использования информационных технологий для защиты национальных интересов России, важно обратить внимание на необходимость усиления приоритета общечеловеческих ценностей в противовес антиценностям «западного мира».

Сфера формирования ценностных нарративов является долговременной и тесно связана с личностными практиками, опытом и воображением индивида о культурных различиях. Известно, что зритель переживает те же эмоции, что и герой кинофильма, поэтому одним из самых эффективных инструментов формирования нужного эмоционального опыта и внутренних убеждений индивида и отдельных социальных групп является кино- и телесериальная индустрия (аудиовизуальные инструменты информационных технологий). Регулирование контента, недопущение распространения антироссийского кинопродукта в России, развитие и популяризация отечественного кинопроизводства требуют большего внимания органов государственной власти.

Следующим фактором применения информационных технологий в условиях гибридной войны является обеспечение легкого доступа к официальной информации российской власти. Популяризация общественных медиа способствует развитию транспарентности политической среды. И если государство не создаст условия и механизмы беспрепятственного доступа к

такой информации, то западные спецслужбы воспользуются этим пробелом создавая соответствующие ресурсы и наполняя российское медиапространство дезинформацией. Страны Запада давно внедрили цензуру в Интернете, блокировку интернет-ресурсов, как это делают США, Великобритания, страны ЕС. Например, проект «Золотой щит» полностью или частично блокирует доступ 300 млн китайских интернет-пользователей к общеизвестным популярным сервисам Google, Facebook, YouTube [2; 3].

Не запреты и блокировки, а информатизация общества, развитие и популяризация критического отношения к информации, к новым источникам информации способны создать предохранители против информационных атак. Противодействовать агрессивным информационным проявлениям следует, активно применяя инструменты информационных технологий: защищаться теми же механизмами, работать с теми же социальными группами, вести активный диалог в соцсетях, интернет-сообществах, активно использовать возможности социальной рекламы, поддерживать создание и деятельность общественных организаций тематического направления. И сделать медиаграмотность, и критическое отношение к информации общенациональным трендом.

Другая, весомая особенность информационных технологий, которые применяются в социальных медиа, – беспрепятственный сбор информации о тенденциях, намерениях, настроениях, пожеланиях и т.д. Лишившись такого инструмента измерения общественного мнения в виртуальном пространстве, власть теряет возможность объективно оценивать состояние общества.

Важно избавиться и от привычки подражать всему западному. Это касается не только большого количества нормативно-правовых актов (российская Конституция создавалась под контролем западных кураторов, поэтому сейчас пытаемся внести изменения в ее содержание), но и методов Запада по регулированию российской информационной среды.

Итак, особенностями использования информационных технологий для защиты национальных интересов России являются:

- добросовестное соблюдение демократических процедур общественного развития;
- внедрение стратегии и государственных программ развития информационной культуры в России;
- популяризация русскоязычного контента;
- развитие издательского дела и национального производства аудиовизуальных произведений;
- развитие российских медиа за рубежом;
- усиление влияния в интернет-среде;
- создание специальных органов противодействия западной информационной агрессии, управления информационными операциями, предотвращения антироссийской пропаганды и антиценностей Запада.

Информационные технологии должны быть направлены на формирование ценностных нарративов общественного сознания россиян и распространение фактов о разрушительности западной идеологии.

Эффективное предотвращение злоупотреблений информационными технологиями в условиях гибридной войны с Западом возможно в условиях усиления технологического потенциала и внедрения общегосударственных культурно-просветительских программ. Ведь сферой влияния информационных технологий являются не СМИ/СМК, а сознание человека, его ценностные приоритеты, принципы и культура. Через воздействие на индивида происходит воздействие на общество, и наоборот. Эффективное противодействие влиянию вражеских информационных технологий требует от России постоянного обновления технической базы, усиления антивирусной защиты, имплементации специальных технологических систем предварительного обнаружения и предупреждения кибератак. Государственные культурно-просветительские программы должны быть направлены на информационную интеграцию жителей Запорожской, Харьковской и Херсонской областей, ослабление влияния антироссийской пропаганды Запада, популяризацию общечеловеческих ценностей и распространение в России и мире фактов преступной деятельности Запада на нашей планете.

Данные культурно-просветительские программы должны достичь следующих задач: нейтрализация и противодействие информационному влиянию, несущему угрозу национальной безопасности России; укрепление чувства общности между русскими и русскоязычными жителями, проживающими на временно неподконтрольных России территориях, а также русскоязычных граждан, проживающих в других регионах под властью укро-западной диктатуры; создание в сознании граждан, проживающих на присоединенных территориях, положительного имиджа России; формирование устойчивого убеждения у граждан, проживающих в этих областях, что развитие этих областей возможно только в составе России; формирование устойчивого убеждения среди граждан, проживающих в этих областях, в безальтернативности интеграции с Россией; повышение уровня российской гражданской идентичности и сознания среди граждан, проживающих в этих областях; формирование устойчивого убеждения среди граждан, проживающих в этих областях, о невозможности существования нацистского украинского режима как отдельного государственного формирования; формирование устойчивого убеждения, что конфликт в Украине с начала 2014 г., – это гибридная война, начатая Западом против Русской цивилизации.

Одним из самых эффективных способов противодействия агрессивным информационным технологиям является информирование населения о методах и инструментах информационных технологий, применяемых Западом и Украиной. Демонстрируя правду, мы сможем развивать способность подсознательного обнаружения неправды. Чем больше люди будут знать правды о «достижениях» Запада и методах его пропаганды и на собственном примере убедятся в их полной противоположности общечеловеческим ценностям, правам человека, свободе слова, тем бессильнее станут западные информационные

технологии манипулирования массовым сознанием. Внедрение указанных мероприятий требует реформирования органов национальной безопасности, создания государственного органа по противодействию западной информационной агрессии, в состав которого должны входить представители ФСБ, МВД, Федерального агентства по делам СНГ, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Министерства науки и высшего образования, Министерства просвещения, Министерства культуры, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Главного управления специальных программ президента РФ, соответствующих комитетов и комиссий Государственной Думы Федерального Собрания РФ, ученые и эксперты. Создание единого центра принятия решений даст возможность оперативно реагировать на информационные вызовы и угрозы, возникающие перед российским обществом в условиях гибридной войны с Западом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Branscomb A. Law and culture in the information society / Colby H., Pukhov R. Brothers armed: Military aspects of the crisis in Ukraine. Minneapolis: East View Press, 2014. 229 p.
2. Китай и доступ к YouTube. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=267171> (дата обращения: 11.07.2023).
3. YouTube и Facebook отказали Пекину в цензуре китайских сепаратистов. URL: <http://nvua.net/world/YouTube-i-Facebookotkazali-Pekinu-v-cenzure-kitayskih-separatistov14848.html> (дата обращения: 19.07.2023).

Литвин Л.А.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются проблемы, риски и перспективы реализации электронного правительства как элемента современной информационной политики Российской Федерации. Рассмотрены понятие и сущность категории электронного правительства. Перечислены функции и основная задача электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство, цифровое правительство, информационная политика, цифровизация, информационные технологии.

Litvin L.A

IMPLEMENTATION OF E-GOVERNMENT AS AN ELEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION'S MODERN INFORMATION POLICY

The article analyzes the problems, risks and prospects of the implementation of e-government as an element of the Russian Federation's modern information policy. The concept and essence of the e-government category are considered. The functions and the main task of e-government are listed.

Keywords: electronic government, digital government, information policy, digitalization, information technologies.

За последние годы цифровая сфера сделала серьезный рывок, а ситуация, вызванная мировой пандемией коронавируса, еще более ускорила процесс цифровизации абсолютно во всех сферах жизни, так как возникла необходимость работать удаленно и получать целый комплекс услуг различного характера, не выходя из дома. Сфера государственного и муниципального управления также движется в ногу со временем и предоставляет сегодня целый комплекс цифровых услуг в онлайн формате [1, с. 65]. В данном контексте на практике реализовывается концепция электронного правительства.

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Прежде всего, в современном информационном обществе цифровые технологии играют все более важную роль в различных сферах жизни, включая государственное управление. Электронное правительство представляет собой современную парадигму государственной деятельности, основанную на использовании информационных технологий для обеспечения эффективного взаимодействия государства и граждан.

В условиях быстрого технологического развития и увеличения числа интернет-пользователей электронное правительство становится все более актуальным инструментом для обеспечения прозрачности, открытости и эффективности государственных служб. Оно позволяет улучшить качество предоставляемых государственных услуг, сократить бюрократическую нагрузку на граждан и предпринимателей, повысить доступность государственной информации и повысить уровень доверия к государственным органам.

Кроме того, внедрение электронного правительства способствует повышению эффективности государственного управления и принятию обоснованных решений на основе анализа больших объемов данных. Автоматизация и оптимизация процессов в государственном аппарате позволяют улучшить эффективность использования ресурсов, снизить коррупцию и повысить ответственность государственных служащих.

Проблематика электронного правительства привлекает внимание многих исследователей в области государственного управления. Этот вопрос так или иначе разрабатывается в работах В.И. Решетняка, Е.С. Смагиной, Р.Ф. Азирова, Л.В. Приходько, Е.Г. Васильевой, Д.В. Кононенко, М.Г. Васьковой, Н.Н. Ковалевой, А. Данилина, А. Слюсаренко, К.С. Дрогобыцкой, Д.О. Джорджано, М.Б. Понявиной и других авторов. В то же время в детальной теоретической разработке нуждаются механизмы построения общегосударственной системы общественного управления, реализующей решение полного спектра задач, связанных с управлением документами и процессами их обработки, а также определения рисков и перспектив внедрения электронного правительства в государственном управлении Российской Федерации.

Целью данной работы является анализ рисков и перспектив реализации электронного правительства как элемента современной информационной политики государства.

Сегодня электронное правительство представляет собой механизм функционирования государственных и муниципальных органов, основанный на широком применении информационных технологий и максимально ориентированный на предоставление услуг гражданам и организациям, в том числе посредством сети Интернет и специальных сервисов [2].

Данный элемент системы государственного и муниципального управления позволяет гражданам не только постоянно следить за работой государственных и муниципальных служб в разных областях деятельности, узнавать о новых мероприятиях, которые проводят Правительство РФ и органы власти различного уровня, но и получать широкий спектр государственных и муниципальных услуг в электронном виде, а также оставлять свои рекомендации, пожелания и требования на официальном сайте.

Можно выделить следующие основные аспекты электронного правительства: установление безопасной интрасети правительства и центральной базы данных для более эффективного взаимодействия между правительственными агентствами; предоставление услуг онлайн; использование электронной торговли для более качественной и быстрой правительственной транзакционной работы; цифровая демократия и большая прозрачность политики правительства [3, с. 7].

Функции электронного правительства: повышение качества предоставляемых государственных услуг, ориентация на пользователей; сокращение времени обслуживания клиентов; расширение перечня предоставляемых государственных услуг в электронном виде; рост вовлеченности граждан в демократические процессы.

Главная задача электронного Правительства – удовлетворение потребностей граждан РФ в виде предоставления качественных государственных услуг посредством информационных технологий и сети Интернета.

Внедрение данного инструмента в систему государственного и муниципального управления направлено на осуществление тех же самых услуг населению, какие были раньше, только уже более быстрым, качественным и надежным способом.

Электронное правительство – сложная технология, которая позволяет решить несколько задач и оказать множество различных услуг населению. В связи с этим в нее включены основные элементы национальной инфраструктуры. В настоящий момент выделяют пять таких элементов. Они в целом представляют собой единую информационно-технологическую и телекоммуникационную систему электронного правительства [4].

Основной задачей электронного правительства является информирование граждан и оказание государственных и муниципальных услуг через сеть Интернет для наиболее быстрого и качественного обслуживания населения.

При этом можно отметить, что наиболее востребованным элементом Электронного правительства является портал государственных услуг РФ. Число зарегистрировавшихся на данном портале к 2019 г. достигло 100 млн. чел. При том, что в 2017 г. количество пользователей составляло 65 млн. чел., а в 2018 г. – 86 млн. чел. С каждым годом их число увеличивается примерно на 20 млн. чел. Этот рост вызван неадминистративным фактором, а потребностью населения.

Вместе с тем, наблюдается рост возможностей информационных технологий, и связанное с ним повышение ожиданий общества от «электронного правительства». При этом некоторые области так и остались не реализованными:

1. Не произошло перехода большого числа граждан и организаций на цифровые каналы из-за недостаточной привлекательности систем электронного правительства. По данным Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ) только 19,5 % граждан России в 2015 г. пользовались электронными госуслугами, по данным Росстата эта цифра равна 39,6 %. Расхождения связаны с различными методиками оценки. В обоих случаях это означает, что сокращения издержек на оказание госуслуг не произошло, сохраняется необходимость поддержания традиционных каналов (телефонный канал, очный прием), обходящихся значительно дороже в сравнении с цифровыми технологиями [5].

2. Не создан удобный, интуитивно понятный интерфейс доступа к электронным услугам. Многие исследователи связывают это с тем, что они разработаны с точки зрения менеджеров, а не пользователей.

3. Не в полной мере проработана нормативно-правовая база функционирования «Электронного правительства», в частности, правовые вопросы юридической значимости документов, обращений (часто требуется предоставление бумажного документа с личной подписью).

4. Не обеспечена интеграция сайтов госуслуг с информационными системами госучреждений. Многие системы электронного правительства ориентируются на заполнение, а иногда и распечатку форм, которые затем обрабатываются традиционным образом.

5. Бизнес-процессы ведомств не преобразованы с целью полного перехода на цифровую концепцию. Быстро подав какую-либо заявку на сайте госуслуг, граждане сталкиваются с длительным ожиданием, так как административные процессы внутри госучреждений не изменились, поэтому значительных преимуществ в сравнении с традиционными каналами обращений они не получают.

6. Не работают в полном объеме система межведомственного электронного взаимодействия и единые базы данных, имеются только отдельные удачные проекты, не охватывающие всю систему в целом.

7. Не обеспечено преобразование административных процессов с целью их совмещения с мобильными приложениями и социальными сетями. Как отмечают в РОЦИТ, у 91 процентов населения страны есть мобильный телефон или смартфон, из них 33,5 процентов обращаются к интернету как

к источнику новостей почти каждый день. Время, проводимое российскими пользователями в Сети, ежегодно увеличивается на 10 процентов (в 2015 г. этот показатель достигал пяти часов в день) [6, с. 42].

8. Не решена проблема значительного неравенства в доступе к электронным услугам как по географическому, так и по социальному признаку, т. е. более зависимые от государственных услуг граждане имеют существенно меньшие возможности доступа к ним.

9. Актуальными являются вопросы, касающиеся низкого уровня цифровой грамотности населения. По данным РОЦИТ, в России в среднем он составляет 4,8 %.

В исследовании РОЦИТ отмечается зависимость цифровой грамотности граждан от таких факторов, как среднемесячная заработная плата, средний денежный доход на душу населения, конечное потребление домохозяйств на душу населения. Причем при их возрастании на одну единицу значение индекса увеличивается на 0,51 по каждому показателю [6, с. 428].

10. Не используются для анализа и поддержки принятия решений накопленные объемы данных.

11. Не создана эффективная система мониторинга показателей эффективности электронного правительства. Особенно ярко проявляются указанные проблемы на региональном уровне. Следует отметить, что по некоторым из них уже предприняты необходимые действия и разработаны проекты для их решения.

В результате анализа можно сделать вывод о том, что из шести компонент новой технологической платформы (облачные технологии, «большие данные» и аналитика, мобильность, социальные коммуникации, «интернет вещей», информационная безопасность) электронным правительством реализуются пока только две – облачные технологии и информационная безопасность.

Исследование проблем и причин недостаточной развитости электронного правительства показало, что необходима разработка концепции «цифрового правительства», в котором будет сделан акцент на информацию и данные. Отличие понятий «электронного» и «цифрового» правительств заключается не столько в их формулировке, сколько в подходах и способах реализации. В основе концепции «цифрового правительства» может быть использован «Системный проект электронного правительства Российской Федерации», разработанный Минкомсвязи по поручению президента России.

Необходимо пересмотреть и преобразовать все административные процессы для обеспечения тезиса «по умолчанию цифровые», при этом не нужно переносить старые неэффективные процессы на новую платформу. Реинжиниринг бизнес-процессов в сфере государственного управления должен проводиться таким образом, чтобы издержки на содержание госаппарата и поддержание его деятельности сократились в десятки раз за счет уменьшения избыточных, дублирующих и неэффективных функций.

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют это сделать.

Требуется также повышение уровня цифровой грамотности населения и доступности услуг «цифрового правительства».

Таким образом, можно выделить некоторые перспективные направления развития концепции и практики электронного правительства в России.

1. Построение общенациональной системы управления данными. При этом увеличится эффективность использования информации о предоставлении государственных и муниципальных услуг и функций.

2. Внедрение передовых технологий, например, блокчейн, машинное обучение, искусственный интеллект, для более результативного предоставления услуг.

3. Построение цифровых экосистем – платформ, объединяющих деятельность всех институтов государства и общества.

4. Разработка целевых моделей по оказанию государственных и муниципальных услуг и создание дорожных карт цифровой трансформации. В данных документах должны быть представлены перспективы развития Электронного правительства в системе государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аношина А.С. Электронное правительство в России: реализация и перспективы развития // Экономика нового мира.2022. № 1-2 (17). С.65.

2. Место и роль «Электронного правительства» в системе государственного управления. URL: <https://articlekz.com/article/12374> (дата обращения: 15.08.2023).

3. Мельникова Т.С. Электронное правительство: Учебно-методическое пособие / Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова. Саратов, 2018. 73 с.

4. Мамай Е.А. Электронное правительство в России: проблема определения критериев эффективности и достижения показателей // Legal Concept. 2018. Vol. 17. №. 4. С.42.

5. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительством Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р). URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 10.08.2023)

6. Городецкий А.Е. Государственное управление и экономическая безопасность. О дисфункциях государственного управления // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 6. С. 428.

Марков Е.А.

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН

В данной статье выполнен анализ причин возникновения и способов ведения современных гибридных войн, что представляется крайне актуальным делом, поскольку позволяет выработать методики, обеспечивающие безопасность России.

Ключевые слова: гибридная война, безопасность, Россия, НАТО, англосаксонский мир, США.

THREATS AND CHALLENGES FOR RUSSIA IN THE CONTEXT OF INFORMATION WARS

This article analyzes the causes and methods of conducting modern hybrid wars, which is an extremely urgent matter, since it allows us to develop methods that ensure the security of Russia.

Key words: hybrid war, security, Russia, NATO, Anglo-Saxon world, USA.

Основной причиной кардинальных изменений в системе современного миропорядка являются глобализационные процессы, которые были инициированы в 70-е годы XX в. наиболее развитыми в технологическом отношении странами с целью укрепления своего политического и экономического господства. Глобализация должна была, по замыслу США, как страны-инициатора формирования единого мирового экономического пространства, сохранить существовавший столетия порядок, при котором наиболее развитые страны обеспечивали свое развитие за счет использования природных и других ресурсов менее развитых стран. Технологически развитые страны сформировали такую систему международной торговли, при которой новые технологии стоят дорого и продавать их, безусловно, выгодно, а природные ресурсы и рабочая сила так называемых развивающихся стран стоят дешево, что и позволяет англосаксонским странам создавать тот самый «цветущий сад», каковым назвал Европу в своем выступлении Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель [1]. Сложившийся порядок в такого рода отношениях (колониальная/неоколониальная система), действует уже несколько столетий. Единственное отличие в том, что в условиях распада этой системы с конца 50-х гг. XX в. бывшие страны-метрополии перестали уничтожать коренное население и использовать труд чернокожих рабов, перевезенных из африканского континента в Европу и Америку. Но диспаритет цен в мировой торговле, выгодный для технологически развитых стран, сохраняется и до сих пор.

Но безотказно действовавшая система международных отношений, основанная на гегемонии стран из группы так называемого «золотого миллиарда», потребляющего примерно 80% всех ресурсов в мире, в последние два десятилетия стала давать сбои, потому что перестала устраивать остальной мир.

Сегодня можно говорить о том, что в мире столкнулись два подхода в развитии системы отношений между странами: теория однополярного мира и теория многополярного устройства.

Страны, поддерживающие теорию многополярного мира, привержены тому, чтобы выстраивать отношения между собой на справедливой и взаимовыгодной основе.

Страны англосаксонского мира, пытающиеся сохранить свое доминирование, используют все новые и новые способы борьбы с государствами, покусившимися на существовавший столетиями порядок.

Одним из таких способов является широкомасштабная гибридная война, в которой используются информационные и иные технологии с целью нанесения странам-противникам максимально возможного ущерба в самых разных сферах.

В последние 15 лет отношения между Россией и англосаксонскими странами становились все более напряженными на фоне произошедших в разных регионах мира трагических событий, виновницей которых были США со своими ближайшими союзниками.

Буквально разгромлены такие страны, как Ирак, Сербия, Ливия, Афганистан, Сирия. Во всех этих странах применялись вооруженные силы стран НАТО, которые оставляли после себя смерть, хаос, разрушения и многочисленные жертвы.

К сожалению, США и ее союзники не остановились и на этом. Продвигая военный блок НАТО на восточном направлении и включая в его состав все новые и новые страны, США своей главной целью поставили ослабление России, всего славянского мира, с последующим лишением его самостоятельности вплоть до полного разъединения и уничтожения. Блок НАТО, ведомый США, стал создавать очаги напряженности и в тех республиках, которые еще недавно входили в состав Советского Союза.

К сожалению, нашлась страна, руководство которой, попав под влияние амбиций политической элиты США, принесло в жертву национальные интересы, суверенитет, и даже свое население. Этой страной стала Украина. Еще с конца 90-х гг. Соединенные Штаты Америки планомерно внедряли в сознание украинцев националистическую идеологию, тем более, что некоторая питательная почва для этого уже имелась. Семена бандеровщины взошли вновь и дали свои плоды. Накачав Украину вооружением, США со своими союзниками удалось столкнуть ее в вооруженное противостояние с Россией. Безусловно, этот результат был достигнут с помощью использования средств гибридной/ информационной войны.

Технологии вмешательства стран западного мира во внутренние дела других, неудобных, стран с целью достижения своих интересов весьма разнообразны. В арсенале западных стран имеется целый комплекс методов и средств (экономических, информационных, идеологических и т.д.), с помощью которых они могут оказывать массированное давление на другие государства, ставя задачу оказания воздействия на их поведение вплоть до полного подавления суверенитета.

Вот лишь некоторые из них:

1. Информационные войны ведутся не на поле боя, а в информационном пространстве с помощью цифровых и интернет-ресурсов.

2. Сверхзадача, которую пытаются решить информационные агрессоры, – представление страны-противника в образе государства-изгоя, которому не может быть места в «цивилизованном» мире.

3. Широкое использование возможностей современных СМИ, способных распространять информацию на многомиллионную аудиторию и манипулировать общественным сознанием.

4. Установление контроля со стороны государства над деятельностью традиционных СМИ, интернет-изданий и социальных сетей.

5. Объединение усилий государств, направленных на управление информационными процессами (объединение информационных возможностей при информационных атаках).

6. Использование политики «мягкой силы». Привлечение в свою страну для получения образования представителей молодежи, которые, впитав в себя западные ценности, становятся своеобразными «агентами влияния» и возвратившись в родную страну невольно или преднамеренно ведут подрывную работу, участвуя в формировании «пятой колонны», используемой для развала действующего политического режима.

7. Воздействие на сознание молодежи с помощью распространения привлекательной информации о преимуществах западного образа жизни. Именно молодежь становится движущей силой революционных событий, которые приводят не к развитию страны, а к гражданским конфликтам и войнам.

8. Формирование у населения стран-противников, подвергшихся информационной экспансии, атмосферы сомнения в необходимости соблюдения традиционных ценностей, обеспечивающих единство и сплоченность государства.

9. Латентность проведения атак в информационном пространстве стран, подвергшихся нападению. Население может не замечать, что подвергается информационной экспансии, но постепенно в его сознании внедряются установки, помогающие противнику сеять в стране рознь и раздор [2, с.161-168].

России, как самостоятельной и великой державе, одному из центров силы, играющей особую роль в современном миропорядке, безусловно, нужно учитывать все возникающие вызовы и угрозы, научиться им успешно противостоять, чтобы обеспечить не только свою безопасность, но и помочь защитить интересы стран-союзников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боррель сравнил Европу с цветущим садом, а весь остальной мир — с джунглями. ТАСС. 13.10.2022. URL:<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16043897> (Дата обращения — 10.08.2023).

2. Марков Е.А. Россия как объект информационных войн. В сборнике: Управление коммуникациями - 2022 (Communications Management - Com-M-2022). материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 161-168.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Исходя из современных глобальных вызовов, таких как мировые конфликты, экономические кризисы и трансформация международных отношений, в статье рассматриваются основные изменения, происходящие в политической культуре российского общества и возможные последствия этих тенденций для политической стабильности и развития страны в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: политическая культура, субкультура, государство, политический процесс, социальная трансформация.

Mikhailovskaya O.G.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE POLITICAL CULTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF GLOBAL POLITICAL AND ECONOMIC INSTABILITY

Based on the current global challenges, such as world conflicts, economic crises and the transformation of international relations, the article examines the main changes taking place in the political culture of Russian society and the possible consequences of these trends for the political stability and development of the country in the context of global challenges.

Key-words: political culture, subculture, state, political process, social transformation.

Современный мир находится в постоянном состоянии перемен и нестабильности, оказывающих влияние на различные сферы жизни, включая политику, экономику и общественную динамику. В условиях глобальной политической и экономической нестабильности, российское общество сталкивается с рядом вызовов и возможностей, которые заметно отражаются в его политической культуре.

Тема развития политической культуры Российского общества становится особенно актуальной и интересной в свете глобальных трансформаций, которые затрагивают как международную арену, так и национальные реалии. Перемены на мировой арене, такие как международные конфликты, экономические кризисы и глобальные вызовы, влияют на национальные государственные системы, вызывая реакцию внутри самого общества.

Следует отметить, что темпы и характер политических преобразований, специфика политического процесса и развитие других сфер общественно-политической жизни тесно связаны с характером ценностей и уровнем развития политической культуры. Именно через призму политической культуры возможно понять, как эти изменения влияют на политическую динамику страны и ее общественно-политическую среду.

Таким образом, развитие политической культуры России в условиях глобальной нестабильности становится важным объектом исследования, позволяющим оценить изменения в сознании и поведении российских граждан, а также предсказать будущие тенденции и перспективы развития общества.

Мы рассматриваем политическую культуру как систему моделей социального поведения, обеспечивающую непрерывность и воспроизводство политической жизни, а также механизм коммуникации субъектов политического процесса. А. И. Соловьев говорит о политической культуре как о функциональном элементе, обеспечивающем интеграцию и адаптацию субъектов политической жизни [1, с. 56].

Как отмечает В. В. Ковалев, «политическая культура выполняет функцию программирования политической системы, в которой институт государства создает определенные правила игры, а также предоставляет предпочтения по отношению к определенным моделям социального поведения, нормам и ценностям, которые являются вектором политической активности индивида» [2, с. 90].

В периоды серьезных социальных трансформаций происходят сдвиги в устойчивых характеристиках политической культуры и массовых политических ориентациях. Это результат развития конкретных политических, социально-экономических и культурных процессов. Важно заметить, что в последние десять лет в России происходит переход от патриархально-авторитарной социокультурной модели взаимодействия власти и населения к умеренно-демократической. Тем не менее, существуют фундаментальные ценности, на основе которых сформировался определенный консенсус в обществе. К ним относятся требования по обеспечению порядка в стране, высокого уровня жизни, сохранению традиционных ценностей и престижа России в мире.

Современные россияне продолжают рассматривать государство как субъект, ответственный за социальную защиту и обеспечение определенного уровня жизни для всех. Это проявляется в их ориентации на коллективизм, сильном влиянии патернализма и вере в то, что большинство проблем должно решаться на верхнем уровне власти. Несмотря на это, традиционная политическая культура России находится в процессе изменений. Реформы привели к резкому изменению моральных установок общества и вызвали конфликт между разными представлениями о морали, духовности, справедливости, прогрессе и традиционалистских ценностях. Это разделение специфицирует современное состояние российской политической культуры.

В современной России существуют элементы различных типов политических культур и их субкультур. Политическая культура формировалась в условиях сильного централизованного государства, объединяющего различные этнические, конфессиональные и культурные сообщества.

Политическая культура России формировалась в условиях особой роли государства, противопоставляемого обществу. Это связано со своеобразным геополитическим положением страны и изначальной этнической неоднородностью населения, что вызвало потребность в жесткой власти, способной структурировать и организовать географическое и социальное пространство.

Сильное централизованное государство по-прежнему служит объединяющим принципом различных этнонациональных, конфессиональных, культурных и других сообществ, которые часто противоречат друг другу в отсутствие каких-либо влиятельных социальных механизмов и структур примирения.

Политическая культура может выполнить свое предназначение как инструмент консолидации общества и его переустройства только при условии доминирующего процесса умеренности - преодоления противостояния разных направлений, их взаимодействия на основе общей объединяющей идеи, поиск которой сегодня активно ведется всеми политическими силами.

Появление негативных явлений, характерных для политической культуры современного российского общества, на наш взгляд, объясняется наличием целого ряда причин. Одним из них является деятельность многих средств массовой информации, особенно телевидения и радио. Обрушивая на граждан вал низкокачественных, адаптированных к худшим западным образцам программ, фильмов, пропагандирующих насилие, демонстрирующих хулиганство некоторых политических деятелей, заменяющих нормальную человеческую речь откровенной непристойностью, они тем самым разрушают традиции и ценности российского общества, которые сформировались за его многовековую историю, формируют политическую бескультурье, невежество, провоцирующее агрессию, неуважение к властям и т.д.

Сегодня нельзя не отметить влияние социальных сетей, что приводит к изменениям в информационном пространстве и влияет на формирование общественного мнения и политической культуры. В условиях глобальной нестабильности социальные сети становятся мощным инструментом мобилизации и влияния на общественное мнение. Важно отметить, что информационные платформы также сталкиваются с вызовами дезинформации и манипуляций. Например, в России наблюдается рост активности политических дискуссий и онлайн-активизма, что оказывает существенное влияние на восприятие политических процессов и формирование общественных предпочтений.

Полностью соглашаться с тем утверждением, что дальнейшее развитие общества неразрывно связано с особенностями формирования его политической культуры, политическими ценностями, социально-политической ориентацией, выбором и отношением к власти. Не подлежит сомнению, что культура общества проистекает из его истории.

На протяжении истории русской культуры можно наблюдать ее взаимодействие с различными зарубежными моделями, начиная с византийской, золотоордынской, османской и заканчивая западноевропейской и американской. Однако Россия всегда оставалась уникальным обществом со своим собственным стилем. Поэтому можно предположить, что современная политическая культура России представляют собой типичное подобие других культур, внешне напоминающее зарубежные образцы, но в действительности обладающее высокой оригинальностью, не имитирующее ничего другого.

В настоящее время политическая культура современного российского общества находится в состоянии стагнации, подвергаясь влиянию различных факторов, таких как геополитические и исторические изменения. Особенно интересно изучение влияния СВО на политические настроения российского общества и, следовательно, на политическую культуру.

Важно отметить, что политическая культура российских граждан включает устойчивые черты прошлой авторитарной политической культуры, а также несформированные, меняющиеся черты новой, особенно присущей молодежной субкультуре радикально-демократической политической культуры, что свидетельствует о ее фрагментированном состоянии.

Следует отметить, что перспективы формирования новой политической культуры в России, характеризующейся индивидуализмом и осознанием своей субъектности населением, неразрывно связаны с возможностью преодоления различных трудностей и проблем, связанных с глобальными изменениями в мире. В условиях глобальной политической и экономической нестабильности государство должно активно использовать различные средства, включая идеологическую пропаганду, для формирования единой национальной идентичности и укрепления своей легитимности.

Таким образом, политическая культура современной России представляет собой культуру переходного типа, которая объединяет элементы авторитарной и демократической культур. Она состоит из различных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности, причем многие из них из них коренятся в прошлом. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что политическая культура современного российского общества находится в процессе формирования, оказываясь под влиянием различных геополитических и исторических факторов, что делает ее особенной и уникальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2003.
2. Ковалев В.В. Гражданская культура как базовый конструкт гражданского общества. – 2014. – № 1. – С. 90.

Николаев Ю. Б.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ: ОТ БРАТСТВА ДО РУСОФОБИИ

В процессе зарождения и развития националистического движения возникают идеологии, символы и ценности нового сообщества, которые со временем обретают новые смыслы, выражающие идеологию неофитов. Их проникновение на территории на этнические территории ранее существовавших сообществ способствует росту конфликтности ситуации между ними и появившимися неопитами. Перспективным направлением упреждения и разрешения этнополитических конфликтов, связанных с завоеванием жизненного пространства вновь созданными сообществами является своевременная борьба с распространением идеологии неофитов, их символов и ценностей.

Ключевые слова: украинцы, Украина, малороссы, Малороссия, этноним, котойконим.

TRANSFORMATION OF THE SEMANTICS OF UKRAINIAN- LANGUAGE TERMS: FROM BROTHERHOOD TO RUSSOPHOBIA

In the process of the birth and development of the nationalist movement, ideologies, symbols and values of the new community arise, which over time acquire new meanings expressing the ideology of the neophytes. Their penetration into the territories of the ethnic territories of pre-existing communities contributes to the growth of the conflict situation between them and the emerging neophytes. A promising direction for the prevention and resolution of ethno-political conflicts associated with the conquest of living space by newly created communities is the timely fight against the spread of the ideology of neophytes, their symbols and values

Keywords: Ukrainians, Ukraine, Little Russians, Little Russia, ethnonym, catonym.

Возникновение и развитие сепаратистских движений в условиях полиэтнических государств сопровождаются процессом, по меткому выражению чешского историка М. Гроха [3] получившего название «изобретения» националистических символов и ценностей. Помимо него это явление изучали Е. Ю. Борисёнок [2], А. Л. Котенко, О. В. Мартынюк, А. И. Миллер [6, с. 9-27], Э. Д. Хобсбаум [13],

Для русского человека исторически Украина являлась территорией, а сами украинцы – жители этой территории. Поэтому на русском языке мы говорим на Украине, понимая под этим топоним, т.е. территорию на карте. В этой модели украинец не являлся этнонимом, т.е. представителем некоего украинского этноса, а тем более государства. Равно также как сибиряк, уралец, помор и т.п. не являются этнонимами. Помор, сибиряк и украинец являются котойконимами, подразумевающими, что они являются жителями определённой местности в данном случае Поморья, Сибири, Украины.

С другой стороны, сепаратистский элемент, при поддержке Польши, Австро-Венгрии, Германии, а в последствии США постепенно насаждал представление об украинской государственности. В этой связи «выражение на Украине» трансформировалось «в Украине».

В своём словаре, изданном в 1949 г., С. И. Ожегов указывает, что малороссы – то же, что и украинцы [7].

Но понятие Малороссия возникло в начале XIV века как византийское церковно-административное определение Галицко-Волынского и Турово-Пинского княжеств [10]. Совершенно очевидно, что оно является исключительно территориальными несёт никакой этнической окраски.

После второго раздела Польши между Россией и Австро-Венгрией, которой по первому разделу отошла Галиция, образовалась общая граница, по обе стороны которой проживали русские, что представляло для австро-венгров очевидную опасность [1, с. 70-89]. Для борьбы с русофильскими настроениями в 1868 г. в австро-венгерской Галиции создаётся Товарищество «Просвита», которое сыграло ключевую роль в возникновении и продвижении украинства, не только в Австро-Венгрии, но и России.

«В 1890 году два галицко-русских депутата галицкого сейма - Ю. Романчук и А. Вахнянин - объявили с сеймовой трибуны, "от имени"

представляемого ими населения Галичины, что народ, населяющий ее - не русский, а особый, украинский»[9, с. 53]. Оба заявителя являлись руководителями опекаемого австро-венгерскими властями Товарищества «Просвита» разного уровня и по своему этническому происхождению были русинами. С этого момента началась трансформация катойконима «украинец» в этноним. При этом новоросс продолжало оставаться катойконимом. Таким образом, тождественность слов украинец и новоросс с 1990 года начинает утрачиваться. И это отличие С. И. Ожегов проигнорировал в своём словаре.

В книге «Феномен советской украинизации 1920-1930-е годы Е. Ю. Борисёнок, ссылаясь на канадца украинского происхождения, указывает: «Согласно переписи 1897 г., на Большой Украине проживали не только украинцы (73%), но и русские (12%), евреи (8%), а также немцы, поляки, белорусы (всего около 7%)». [2, с. 3] В переписных листах 1897 года имеются графы вероисповедание и родной язык национальность, а вот графа национальность или этническое происхождение отсутствует.

Очевидно, что Б. Кравченко всех указавших в своих анкетах малороссийский язык в качестве родного назвал украинцами. Правомерно ли это?

Президент Российской Федерации в своих выступлениях неоднократно заявлял, что украинцы и русские являются одним народом.

С точки зрения этнополитологии это значит, что украинцы являются субэтносом русского суперэтноса. С точки зрения лингвистики украинский является диалектом русского языка.

Необходимо отметить, что германские диалекты имеют гораздо большие различия чем русский и украинские языки. В то же время при значительной схожести и минимуме отличий арабские признаны не диалектами, а отдельными языками. Из этого следует, что решение по поводу того является ли конкретная знаковая система языком или диалектом в каждом конкретном случае является политически-обусловленным и его принимают не лингвисты, а политические лидеры.

Ни в работах К. Маркса, ни в программах российских-социал-демократов мы не находим идей создания этнических республик после победы социалистической революции. И если реализовывать идею создания таких республик, то логично создавать их на территориях, на которых конкретные народы являлись автохтонным населением. Но в состав Украины были переданы территории Слобожанщины и Новороссии. Большая их часть вошла в состав России вместе с присоединением Крымского ханства и по результатам русско-турецких войн. И украинцы там были пришлым населением.

Ответ мы найдём в Меморандуме Парвуса от 9 марта 1915 года, в котором говорилось о совпадении интересов Германии и российских социал-демократов [12, с. 352-367]. По существу, в этом документе Парвус предлагал немцам использовать лидеров российских социал-демократии в качестве агентов влияния для осуществления беспорядков на территории

Российской империи и её выходу из войны в обмен на помощь германской стороны. В этом документе гарантировалось предоставление независимости Финляндии и ещё не созданной Украине. В то время идея создания независимой Украины широко пропагандировалась австро-венгерскими и немецким властями. С 1905 по 1915 год в Вене один раз в две недели выходил немецкоязычный журнал "Ukrainische Rundschau". С 1908 по 1915 год на первой странице его обложки печаталось изображение карты Украины восточная граница которой заходила далеко за Волгу. Вопросы сотрудничества германских властей и российских социал-демократов изучали З. Земан и В. Шарлау [4], В. А. Космач [5], Э. Л. Хереш [12], Д. Н. Шуб [14] и др.

27 января 1918 немцы и их союзники подписали мирный договор с Украиной, в котором говорилось об установлении между подписавшимися сторонами консульских соглашений. А в статье 6. договора от 3 марта 1918 г. те же союзники обязали признать независимость Украины.

Таким образом территорию Украины большевики верстали по немецким калькам. И политика коренизации была обусловлена тем, что на присоединённых к Украине территориях украинцы находились в меньшинстве. Южные территории Новороссии вовсе не были индустриально-развитыми, как это легендировали советские власти.

С учётом событий, связанных с СВО, становится особенно очевидным, что произошедшая трансформация терминов от молороссов к украинцам имеет идеологическое содержание. В этих условиях возврат в языковой оборот на территории Российской Федерации исконных русских слов малоросс и Малороссия стал бы ударом по продвижению идеологии украинства. При этом признание себя малороссами или украинцами способствовало выявлению сторонников украинской идеи и этнополитической реабилитации юго-восточных регионов Российской Федерации. Ведь между русскими и малороссами и в политике, и в обыденной жизни отсутствовала какая-либо ощутимая разница, а между русскими и нынешними украинцами разверзлась непреодолимая пропасть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринов, И. И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма / История и современность. – 2012. № 1 (15) – С.70–89.
2. Борисёнок, Е. Ю. Феномен советской украинизации, 1920-1930-е годы. – М. : Европа, 2006. - 241с.
3. Грох, М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе / Нации и национализм // Б. Андерсон и др; - М.: Праксис, 2002. – С. 121-145
4. Земан З., Шарлау В. Купец революции. - Л. : Оксф. Юнив. Пресс, 1965. -330с.
5. Космач, В.А. Большевики и Германия в годы Первой мировой войны / Псковский военно-исторический вестник. Вып. 2. Псков: Изд. Региональное отд-е ООГО Российское военно-историческое общество в Псковск.обл. 2016. – С.195-209.
6. Котенко А.Л.и др. «Малоросс»: Эволюция понятия до Первой мировой войны // НЛЮ. – М., 2011. – № 108. – С.9–27

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд. – М. : Мир, 2015. – 1375с.
8. Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. 2-е изд. М.: Русская Идея, 2005. – 400с.
9. Тёрох И. И. Украинизация Галичины. / Пути истории. Т.1. под. ред. О.А. Грабаря Н-Й. : изд. Свободного слова Карпатской Руси, 1977. – 304с.
10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 Т. /– 4-е изд. – М. : Астрель; АСТ, 2007.
11. Хавкин, Б.Л. Денежный транзит революции: Германия-Россия, Россия-Германия. 1914-1918 гг. Исторический вестник. Т 23. 2018. – С.104-121
12. Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 380с.
13. Хобсбаум Э, Д. Нации и национализм после 1780 года.- СПб. : Алетейя, 1998. - 305с.
14. Шуб Д. Н. Политические деятели России (1850-х – 1920-х гг.) Сборник статей Изд-е «Нового журнала». – Н-й. : 1969. –400с.

Сковиков А.К.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Акцентировано внимание на процесс формирования многопартийности и консолидацию российских парламентских партий при принятии законопроектов в условиях турбулентности мирового политического процесса. Есть необходимость в популяризации позитивного опыта партий в общественно-политической жизни с целью выхода на уровень принятия решений в представительные органы власти.

Ключевые слова: Россия, гражданское общество, политические партии, политическое развитие, политическая турбулентность.

Skovikov A.K.

POLITICAL PARTIES IN MODERN RUSSIA: ORIENTATIONS AND PROSPECTS

Attention is focused on the process of forming a multi-party system and the consolidation of Russian parliamentary parties when adopting bills in the face of turbulence in the world political process. There is a need to popularize the positive experience of parties in socio-political life in order to reach the level of decision-making in representative authorities.

Key-words: Russia, civil society, political parties, political development, political turbulence, sanctions.

Политические партии представляют собой один из институтов гражданского общества. Отличительной особенностью является борьба за власть в представительные органы власти всех уровней, а также поддержка и/или выдвижение кандидата на пост Президента РФ. Партии являются связующим звеном между властью и обществом, так как в ходе конкурентной борьбы электорат может доверять, на установленный законом срок, принятие законов, наделив мандатом парламентария. «Востребованность института партий – прежде всего в повседневной реализации более чем полутора десятков партийно-политических функций. В этом смысле сложившийся институт политических партий — это второй по значимости политический

институт после института государства, причём выдвинутый из глубин гражданского общества» [1, с. 103-104].

С последнего десятилетия XX века и по настоящее время идет активный процесс партийного строительства в стране. На его вектор существенное влияние оказывает правящий класс, который заинтересован в сохранении властных полномочий и прогнозируемого общественно-политического развития страны, повышения уровня благосостояния граждан. Деятельность политических партий изначально регламентировалась Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ, а в дальнейшем Федеральным законом «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. В последний неоднократно вносились поправки, которые оказывали существенное влияние на процесс их регистрации и деятельности. До 2011 г. в стране было сложно зарегистрировать новую политическую партию. На политическом ландшафте шел процесс их сокращения. В то время как с 2011 г. произошла «либерализация» посредством внесения поправок в федеральный закон, которая снимала ограничения в массовой их регистрации, а в дальнейшем регламентировала их деятельность с учетом нормативно-правовой базы. Однако массовой регистрации не произошло по ряду причин – норма постоянного участия в выборах представительных органов власти; финансирование; электоральная поддержка и другие. На 18 августа 2023 г. в стране Министерством юстиции РФ зарегистрировано 25 политических партий [2]. При этом большинство их не узнаваемо среди граждан страны, что позволяет сделать среднесрочный/долгосрочный прогноз в их дальнейшем сокращении на политическом поле России. В мае 2022 г. «рейтинг доверия к политическим партиям в России составил немного больше 39%» [3, с. 183].

В современных условиях политической турбулентности парламентские партии несмотря на идеологические и иные различия объединились и консолидировали свои усилия по оперативному принятию необходимого законодательства с целью защиты как государственного суверенитета, так и интересов большинства граждан. При этом парламентарии учитывают общественно-политические реалии современности и моделируют различные ситуации в среднесрочной/долгосрочной перспективах. Таким образом, федеральные законы депутаты принимают обдуманно и аргументированно. Еще на стадии их подготовки в Государственной Думе РФ идет активная работа с представителями Совета Федерации РФ. Установившаяся законотворческая практика способствует оперативному обсуждению, принятию законопроектов в верхней палате парламента и передачи их на рассмотрение Президенту РФ.

От интересов правящего политического класса многое зависит, в том числе и дальнейший вектор партийного строительства. Сохранятся ли на партийном ландшафте современной России политические партии с богатой историей или будут ликвидированы в установленном порядке. Будет ли обобщен прогрессивный опыт российских партий? В частности, среди всех действующих партий только в партии «Яблоко» есть гендерная фракция,

которая входит в Европейскую гендерную сеть. Гендерная политика не может быть полноформатно реализована в системе государственного управления без учета мнения представителей многообразных институтов гражданского общества.

В условиях политической турбулентности непарламентским партиям довольно-таки затруднено полноформатно функционировать. Например, партия «Яблоко» «продолжает действовать, несмотря на различные препятствия в ее постоянной деятельности: запрещение массовых мероприятий, преследования, давление, дискредитация в СМИ и нападки на депутатов» [4, с. 49]. Политолог Г. М. Михалева справедливо обратила внимание на сложности трудно преодолимые преимущественно непарламентскими партиями, в том числе изменения в электронной формуле и правил игры (электронное голосование, три выборных дня, введение единого дня голосования и т. п.). Есть разные позиции в отношении электронного голосования как среди академического и научного сообществ, руководства и членов партий, представителей Центральной избирательной комиссии РФ. Преимущественно дискуссии ведутся в отношении информационной безопасности, однако, есть риски использования административного и иного давления при дистанционном электронном голосовании. Ограничиваться только политической культурой, этикой без юридических гарантий защиты волеизъявления граждан при дистанционном электронном голосовании нельзя, так как всегда будет вопрос среди общественности о легитимности их результатов. Главным «препятствием электорального успеха является разочарование избирателей и их низкая активность, нежелание идти на выборы. Снижение («сушка») явки властями – всегда в пользу партии власти и в ущерб демократической оппозиции» [4, с. 50]. В то время, как парламентские партии обладают большими ресурсными возможностями, в том числе финансовыми, информационными, материальными и иными и могут позволить себе некоторые послабления в анализе своей работы. Политолог В. И. Тимошенко проанализировав программы парламентских партий выделил проблемное поле, а именно: «самый распространённый недостаток проанализированных программ заключается в том, что в них не подведены итоги предыдущей парламентской деятельности парламентских партий» [5, с. 122]. Руководство партий заинтересовано в сохранении своих властных полномочий. Для достижения поставленной цели необходимо провести большую партийную работу в популяризации позитивной парламентской деятельности как в интересах государства, так и общества и его граждан.

В третьем десятилетии XXI века между основными акторами, определяющими дальнейший вектор общественно-политического, экономического и культурного развития человечества, возникли противоречия, что привело к политической турбулентности в мировом политическом процессе. Разделяя позицию Б. Г. Златанова в отношении того, что политическая элита западноевропейских стран имеет сложноорганизованную структуру и «нет уверенности, что главы государств

(президенты, премьер-министры и т. п.) уверены в управлении политическим процессом» [5, с. 163].

В отношении Российской Федерации после начала СВО были введены многочисленные санкции со стороны элит недружественных стран, в том числе Европейского Союза и США. Руководство государственных органов власти и большинства представителей многообразных институтов гражданского общества активизировали свою работу направленную на поддержание в устойчивом равновесии сложившуюся политическую систему, минимизацию негативных проявлений для большинства граждан страны в условиях внутренних и внешних вызовов.

С. Ф. Жаворонков и А. В. Очкина обращали внимание, что в процессе работы российского парламента периодически возникают «противоречия между требованиями партийной дисциплины и индивидуальных убеждений депутата, между соображениями текущей рациональности и настроениями ядерного электората, на которые парламентарии обязаны ориентироваться» [6, с. 126]. Однако проведение СВО на Украине консолидировало депутатов всех парламентских политических партий при принятии основополагающих законов, направленных на экономическое развитие страны и повышение ее обороноспособности. Депутаты активизировали работу с электоратом, в частности, с молодежью. Органы государственной власти и члены всех парламентских партий заинтересованы в культивировании патриотизма среди граждан.

Проведенный анализ работы депутатского корпуса нижней палаты российского парламента позволяет выявить ряд задач, требующих оперативного решения. Одной из которых является омоложение руководящего состава партии.

В среднесрочной/долгосрочных перспективах политическим партиям необходимо учитывать динамику политического развития, последствия глобализации, усовершенствования информационных технологий и активно использовать достижения в сетевизации и цифровизации.

На данном этапе развития страны единственной массовой партией является «Единая Россия». На выборах представительных органов власти всех уровней ее поддерживают не только члены партии, но и большое число сочувствующего электората. Среди других парламентских и непарламентских партий есть потребность в расширении численности партии. При этом непарламентским партиям необходимо разработать эффективную стратегию популяризации своей деятельности в общество-политической жизни и активней использовать возможности Интернет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимошенко В.И. Характер и своеобразие партийной системы современной России // PolitBook. 2022. № 4. С. 98-107.
2. Политические партии URL.: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения 18.08.2023).
3. Степанова С.С. Политические инновации как фактор изменений института парламентских партий в современной России // PolitBook. 2022. № 4. С. 182-194.

4. Михалева Г.М. Партия «Яблоко»: история выживания в непригодной для существования среде // Публичная политика. 2021. Т. 5. № 1. С. 30-51.
5. Тимошенко В.И. Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. № 4. С. 104-124.
6. Златанов Б.Г. Политическая элита: теоретическое измерение // PolitBook. 2022. № 3. С. 159-168.
7. Жаворонков С.Ф., Очкина А.В. Парламент как социальный механизм представительства интересов граждан // PolitBook. 2022. № 2. С. 114-127.

Телятник Т.Е.

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В статье говорится об основных целях социальной политики российского государства, достижение которых становится особенно актуальным в условиях внешнеполитической напряженности. Автор упоминает ключевые векторы развития социальной политики российского государства и показатели ее эффективной реализации.

Ключевые слова: внутренняя политика; социальная политика; социальная безопасность; реализация национальных программ; внешнеполитические процессы.

Telyatnik T.E.

THE MAIN OBJECTIVES OF THE SOCIAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE CONTEXT OF MODERN FOREIGN POLICY PROCESSES

The article talks about the main goals of the social policy of the Russian state, the achievement of which becomes especially relevant in the context of foreign policy tension. The author mentions the key vectors of the development of the social policy of the Russian state and the indicators of its effective implementation.

Key-words: domestic policy; social policy; social security; implementation of national programs; foreign policy processes.

В условиях внешнеполитической напряженности внутренняя политика государства приобретает особую значимость в вопросах обеспечения безопасности и стабильности для своих граждан. Сегодня наиболее актуальными являются проблемы обеспечения социальной безопасности и реализации основных направлений социальной политики.

В сфере влияния социальной политики входит ряд ключевых сфер жизнедеятельности государства, связанных с социальной безопасностью. Речь идет о социально-трудовых отношениях; вопросах демографии и миграции жителей; воспроизводстве населения и трудовых ресурсах; обеспечении благоприятных межнациональных взаимоотношений; охране природных ресурсов и окружающей среды. Содержание социальной политики должно не только помогать достигать непосредственно установленные цели, но и косвенно способствовать устранению ключевых проблем и угроз, связанных с социальной безопасностью. В то же время, при отсутствии существенных угроз появляется возможность реализации обоснованной социальной политики по множеству векторов и использования необходимых для этого ресурсов.

На сегодняшний день для России огромное значение имеет укрепление социальной безопасности, развитие и защита человека от социально-политических и экономических угроз[1]. В этой связи в социальной и экономической политике российского государства можно обозначить несколько наиболее важных векторов, призванных: повысить качество жизни граждан благодаря высоким стандартам жизнеобеспечения и гарантиям личной безопасности; обеспечить рост экономики за счет развития инновационной национальной системы и инвестирования в человеческий капитал; гарантировать развитие науки, образования, технологий, здравоохранения, культуры за счет усиления влияния государства и укрепления государственно-частного партнерства в этих отраслях; оптимизировать потребление, внедрить инновационные технологии, гарантировать целесообразное воспроизводство природно-ресурсного потенциала государства, обеспечивая рациональность природопользования, защиту и сохранение экологии живых систем.

Важной областью деятельности государства являются меры, предпринимаемые относительно лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья. Речь идет об инклюзии, которая включает комплекс принципов и мероприятий, обеспечивающих интеграцию отдельного человека в определенную группу или нескольких групп лиц в одну. В рамках социальной политики Российской Федерации, связанной с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья, предполагается устранить все обстоятельства, препятствующие их максимально полноценной жизнедеятельности [2,с.68].

На данный момент было реализовано множество проектов, предназначенных для обеспечения нужд различных категорий населения. Обеспечено широкое применение в социальной работе информационно-коммуникационных технологий. В частности, приняты меры к эффективному информированию лиц, нуждающихся в социальной помощи, о возможности и порядке ее оформления. Обеспечению комфортных условий для жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья также уделяется пристальное внимание. При этом в рамках разрешения вопросов, связанных с социальной защитой населения, ключевым моментом является гарантирование социальной стабильности для всех российских граждан, а не только для определенных социальных групп.

Следует отметить, что существует ряд показателей, по которым можно дать оценку тому, насколько эффективной является социальная политика государства. В частности, речь идет об уровне и структуре расходования (пища, одежда, бытовые потребности, образование, оздоровление, отдых, путешествия и проч.) реальных доходов граждан; характеристиках социальной структуры населения, положении среднего класса, степени социальной поляризации общества; демографическом состоянии и динамике демографических процессов (количестве и доле за определенный период браков, разводов, случаев рождения и смертей (в т.ч. среди младенцев, детей, молодежи), а также миграции населения (в т.ч. с точки зрения направления

миграционных потоков)); состоянии физического и духовного здоровья населения; степени девиации и криминализации общества; уровне социального доверия граждан к государственным и общественным структурам и институтам (правительству, политическим деятелям и партиям, правоохранительным органам и судебной системе, СМИ и т.д.)

Отметим ключевые цели социальной политики, реализуемые сегодня в Российской Федерации [3, с.15]. Это уже разработанные стратегические планы и задачи, которые должны позволить: максимально сохранить физический, интеллектуальный и духовный потенциал России; обеспечить трудовую мотивацию, отвечающую требованиям легального рынка, который должен быть направлен на достижение позитивного расширенного воспроизводства «человеческого капитала», являющегося залогом эффективности экономики, экономического подъема и полноценного рынка; сформировать социально-экономические, правовые, институциональные предпосылки для реализации интересов и потребностей отдельных граждан, разных групп, слоев и категорий общества, проявления активности и раскрытия личности всех людей. Все это обеспечивает возможности для развития гражданского общества, гарантирования личной свободы, достижения реальной демократии. При этом реализация социальной политики требует существенных затрат со стороны государства. Естественно, с увеличением масштабности социальной политики и степени важности ее целей количество ресурсов, выделяемых на ее осуществление, должно пропорционально возрастать. В то же время, оправданность инвестирования общественных богатств именно в социальную политику не вызывает сомнений.

Социальная политика реализуется по нескольким ключевым направлениям, призванным обеспечить улучшение жизни населения. В частности, она призвана регулировать доходы и обеспечивать благосостояние граждан; координировать занятость и позволять контролировать условия труда лиц, работающих по найму; гарантировать жизнеобеспечение и социальную защиту, в том числе тех, кто в силу обстоятельств лишен возможности заработка (нетрудоспособные граждане, пенсионеры); гарантировать социальную поддержку для семей; обеспечивать управление в сферах ЖКХ, здравоохранения, образования, социокультурной области.

Поиск политических и экономических решений в рамках социальной политики всегда предполагает опору на общечеловеческий, гуманитарный потенциал, а также «заботу» и «помощь» в гарантировании жизнеспособности населения, осуществляемые непосредственно или опосредованно. Уровень развитости экономики, структура управления и собственности, морально-культурные нормы, исторически сформированные традиции, без сомнения, влияют на реализацию социальной политики в политическом аспекте. Однако ключевым моментом здесь является выбор конкретного политического вектора, например, определяющего уровень воздействия государства на социальную обеспеченность населения, что

закрепляет определенное положение граждан в системе общественных взаимоотношений.

Сегодня в любом государстве роль социальной политики, выступающей важнейшим элементом государственного управления, чрезвычайно велика. Социальную политику можно охарактеризовать в виде деятельности государственных органов, направленную на развитие социальной сферы, улучшение качества, уровня и условий жизни населения, обеспечение гражданам социальной защиты, поддержки и помощи[4, с. 23].

Следует отметить, что между принципами социальной справедливости и индивидуальной социальной ответственности существует теснейшая взаимосвязь. Последний предполагает, что каждый отдельный человек, семья или малая группа лиц должны прилагать максимум усилий к самообеспечению и самопомощи. Круг задач власти любого уровня (МСУ, региональной, государственной) ограничивается предоставлением отдельным гражданам и семьям только такой помощи, которая не может быть самостоятельно ими обеспечена, в соответствующих объемах; а также содействием в устранении проблем, находящихся за пределами компетенции отдельного гражданина или семьи; вмешательством в нестандартных ситуациях.

Несмотря на максимальное развитие самообеспечения, взаимопомощи и самопомощи, всегда будут люди и семьи, которые нуждаются в регулярной адресной социальной поддержке от государства для выживания. Необходима широкомасштабная организационная и воспитательная работа с целью внедрения устойчивого понимания индивидуальной социальной ответственности в психологию людей, а также создания необходимых юридических, экономических и организационных условий для ее реализации.

Гарантированный и равный доступ ко всем социальным благам является наиболее эффективным способом предотвращения социальной нестабильности и преступной деятельности [5]. Поэтому, в случае невозможности полностью искоренить нищету, социальное государство осуществляет перераспределение материальных ресурсов в пользу нуждающихся.

Кроме перечисленных аспектов, необходимо подчеркнуть ряд более узких принципов, связанных с социальной политикой:

1. Обеспечение гармонии между целями и возможностями осуществления социальных задач, как в рамках времени, так и с учетом доступных ресурсов.

2. Продвижение открытости и свободного выражения позиций всех слоев общества по вопросам социальной политики, а также установление «обратной связи» между властными органами и гражданами.

3. Соблюдение демократических принципов в формировании и реализации социальных задач, включая открытое обсуждение крупных социально-политических программ и решений, а также всесторонний учет общественного мнения по ключевым вопросам социальных преобразований.

4. Реализация эффективного общественного контроля над процессами воплощения социальных задач в жизнь.

Следовательно, можно заключить, что российское государство придает огромное значение обеспечению социальных нужд граждан и эффективной реализации социальной политики. Тем не менее, в ситуации сложных вызовов, порожденных сложными процессами социально-исторического развития, необходимо уделить особое внимание преобразованию социальной сферы через воплощение национальных проектов, направленных на преодоление бедности, улучшение здравоохранения и образования, а также существенное повышение жизненного уровня широких слоев населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скворцов И. П. О взаимосвязи социальной политики и социальной безопасности // Культурная жизнь Юга России. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzaimosvyazi-sotsialnoy-politiki-i-sotsialnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 08.08.2023).

2. Лупеева О.Ю., Иванова О.В. Социальная защита населения Российской Федерации как одна из важнейших функций государства // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. №18-2. С.68-69.

3. Марат Вильданович Саудаханов Человек и социальная политика государства // Закон и право. 2019. №11. С.15-17.

4. Блохина И.М., Дрофа М.А., Задорожный Д.А., Заремук А.А. Социальная политика и ее основные направления в Российской Федерации // Вестник Академии знаний. 2021. №3 (44). С.256-260.

5. Демченко С. Г., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Социальная политика и социальная справедливость как индикаторы социальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-i-sotsialnaya-spravedlivost-kak-indikatory-sotsialnoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 09.08.2023).

Тимощук А.С.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Государство, с логической точки зрения, это совокупность формализованных социальных механизмов, норм и наказаний. Вместе с тем, человек, жизнь которого призвана упорядочивать государство, остаётся личностью с присущими субъективностью, нарративизацией действительности. В статье рассматривается конфликт ценностного и институционального, *forum internum* и *forum externum*.

Ключевые слова: механизмы власти, *forum externum* – внешняя система власти, *forum internum* – внутренняя система власти.

Timoschuk A.S.

POLITICAL, ALL TOO HUMAN

The state, from a logical point of view, is a set of formalized social mechanisms, norms and punishments. At the same time, a person whose life is designed to regulate the state remains a person with inherent subjectivity, narrativization of reality. The article deals with the conflict of values and institutional, *forum internum* and *forum externum*.

Keywords: mechanisms of power, *forum externum* – external system of power, *forum internum* – internal system of power.

Политический рынок, театр политики – данные образы нацеливают нас на персоналистическое восприятие системы власти, далёкое от формально-

абстрактных определений. Общественные отношения развиваются быстрее, чем разворачивается государственная машина, чем происходит правовая рефлексия, поэтому структурирование единого абстрактно-всеобщего масштаба регулирования *ex officio* не всегда соответствует динамике социальной жизни. В этих условиях теория обращается к сложным, гибридным, паранепротиворечивым конструктам.

В «Никомаховой этике» Аристотель сообщает о маневрировании естественного и условного в правосудии [1, с. 101-103]. Правосудное / неправоудное решение зависит от обстоятельств, от того, к кому оно обращено, в отношении себя или других. В церковном праве для описания дилеммы канонически-процедурного и непубличного используется оппозиция «*forum externum – forum internum*». В философии права и философии политики конструкция *forum externum / forum internum* применяется для градации степеней свободы, которой правоприменитель должен пользоваться при лавировании между правосудным и неправоудным решением, для дескрипции морально непротиворечивой системы власти, а также для оправдания государства (кратодицея). Исследователи концепта *forum externum / forum internum* связывают эти институты с наличием морального ядра у правоприменителей (совесть, нравственность, контроль, объективность, справедливость), а также свободой амбиверсии или способности переключаться с внутреннего на внешнее, потенциал интериоризировать публичные ценности и овнешнивать нравственные императивы [2]. *Forum externum / forum internum* означает, что холистический правоприменитель-амбиверт владеет системой ценностей, которые применяет как к себе, так и другим интегративно, нелицемерно, согласно нравственному императиву И. Канта. Возможность переключения с внутреннего суда на внешний суд ему даёт нравственная свобода и этическая эмпатия, позволяющие осуществлять правосудие в отношении других, честно оценивать обстоятельства принятия властных решений. При этом, «...идея признания непогрешимости обладающего властью субъекта, не относится исключительно к сфере права и правосудия, а является глубинным, доминирующим фактором, направленным, на уровне общества, на организацию процессов человеческой деятельности, а на уровне личности, на удобный механизм снятия с себя ответственности за совершаемые деяния» [3, с. 131].

Конфликт *forum externum / forum internum* имеет несколько частно-государственных измерений и проявляется в лоббировании, конфликте интересов, коррупции, использовании государства как инструмента личного и группового обогащения [5, 6, 7, 8]. Солидарность, устойчивое развитие – всё это хрупкие стратегии государственной эволюции, которым противостоят разрушительные корпоративные проявления воли военной аристократии, активизирующей самые неожиданные сценарии общественного развития. Сила гвардии заключается в её способности ускорять реформирование государственного механизма. Казацкие смуты, стрелецкие бунты, мятежи мамлюков, восстания янычар, гвардейские

перевороты – выступления военной знати требовали внимания власти к своим корпоративным проблемам и модернизации государственного механизма.

Однако военные корпорации не могут реализовать всю мощь *forum externum*. Будучи связанными *forum internum*, этикой военной элиты, воинские братства представляют разновидность ценностно-смысловой группы со свойственной для неё групповым (сектантским) мышлением. Так, до тех пор, пока группа «Вагнер» выполняла государственные задачи в серой зоне, её необычный неоязыческий стиль оставался лишь частью особого имиджа и яркой индивидуальностью. После мятежа 24 февраля 2023 г. антиномии государственного и частного стали рельефными, подсветив особенности корпоративного конструирования смыслов и его удалённость от *forum externum*, суждений общегосударственных.

В частности, аллюзии к германской нацистской идеологии давно сопровождают нарративы о создании ЧВК, чей легендарный родоначальник Дмитрий Уткин якобы увлечен символизмом и концептосфеой Третьего рейха. Само название «Вагнер» отсылает нас к композитору, который стал музыкальным олицетворением германского нацизма. Мертвая голова с шеврона «Вагнера» является неоднозначным символом, который в совокупности с названием ЧВК также вызывает ассоциации с мифологией нацизма. Несомненно, ЧВК отвергает свою связь с нацизмом и никаких прямых обвинений не может быть. Вместе с тем, используемая символика и отсылки «Вагнера» противоречивы и могут быть интерпретированы в русле мистицизма Третьего рейха и такие толкования не являются новеллой для зарубежной журналистики, обвиняющей «Вагнер» в конструировании неонацистской символики. Возможно, некоторое провокационное кодирование имеет место, что может быть связано с личностным, негосударственным началом подобных сообществ. Закрытое боевое братство не привлекало к себе внимание, что связано со спецификой особых задач, которые выполнял «Вагнер», сохраняя имидж частной, негосударственной, которой позволено иметь особый символизм в связи с исключительной стойкостью, профессионализмом, риском, граничащим с мистическим культом мёртвых героев.

Именно сектантский образ «Вагнера» и препятствует его успешному постпиару. Небывалая боеспособность и мотивация ценны только в связке с государственными задачами. «Вагнер» хотел, чтобы их марш справедливости воспринимался как выступление против некомпетентности, трусости и слабости верховной элиты. Однако, погрузившись в узкую среду группового мышления, «Вагнеру» не хватило политической культуры увидеть, что сектантские методы непригодны для государства. Одиночество заговорщиков есть результат недооценки *forum internum*. Государство может ошибаться, но оно не может торопиться с внутренним правосудием разных групп. Действительно, трудно представить, что Президент может под давлением даже прославленной боевой единицы, выдать для расправы генералитет и позволить существовать над законом. То, кто представляется

для группы как справедливость в терминах *forum internum*, не выдерживает испытания государственным *forum externum*.

Власть – это баланс между сектантством и публичностью. Кулуарность коридоров власти даёт основания толковать феномен контроля как исключительно персоналистский и групповой (келейный, партийный). Несмотря на это, характер общезначимых вопросов государственной политики, заставляет проверять *forum internum* с помощью универсалистской *forum externum*. Ибо группа заговорщиков, придя к власти, ломает *forum externum* для инкорпорирования своего сектанства, как это было, например, с большевиками, рушивших старый мир революционным правом (*forum internum*).

«Вагнер» был удобен тем, что решал вопросы в серой зоне как военная секта с присущими неправовыми методами допроса и неконвенциональным способом воздействия на недоброжелателей, с оперативными отделами в регионах по контролю за своими «бывшими». Выйти на уровень легальности для секты означает потерять свои возможности по контролю своих членов.

Сектантство и публичность взаимно стабилизируют и легитимируют конструкцию власти. Благодаря суперсистеме государства каждая система власти продолжает предыдущую, даже если они были антагонисты, как мы это увидели в символизме поднятия трёх флагов России разных эпох во время экономического форума в Санкт-Петербурге в 2023 г.

В секту вступают люди, ищущие корпоративной поддержки, недовольные традиционными институтами. Порой секты создают себе нереальные, идеальные представления о том, каким должно быть государство и управление, им важно получать подтверждение, что широкие массы их слушают, поддерживают и сопереживают [9, 10]. Секты поддерживают имидж борцов на истину, гонимых правдорубов, жертв козней противников. Успешность секты держится не только на деятельности харизматов, но и на эффективных фанатичных верующих в своё дело последователях. Своим адептам секта обещает принадлежность к успешной организации, высокую самооценку [4].

Для входа в секту необходимо принимать систему внутренней справедливости (*forum internum*), быть готовым защищать её в случае конфликта с *forum externum*, т.к. группа спасается сообща («груз-200 – мы вместе»). Коллективный апокатастазис – это лишь продолжение харизматического лидерства группы и её упорядоченной системы негласных правил. Для сохранения эффективности закрытая группа должна находиться на меже между оригинальностью и традиционностью идей, ведь перекокс в любую из сторон приведет к нарушению баланса *forum externum* / *forum internum*. Усиление модернизма ведёт к разрыву с традицией и внутренними устоями, а архаизация традиции делает группу вторичной на рынке, она теряет общезначимость *forum externum*.

Список источников

1. Аристотель. Никомахова этика. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 222 с.
2. Большаков Е.В., Назаров И.Д. Концепция *forum internum* и *forum externum* в теории и истории правосудия. – Владимир: Типография на Растопчина, 2023. – 276 с.
3. Большаков Е.В., Назаров И.Д. Принципы «внутреннего» суда (*forum internum*) через призму мировоззрения правоприменителя // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 4.– С. 127-136.
4. Тимошук А.С. Сектофобия и мифологическое сознание // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2008. – С. 204–214.
5. Alesina A., Rosenthal N. *Partisan politics, divided government, and the economy*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 280 p.
6. Bonotti M. *Partisanship and Political Obligation* // *Politics*. – 2012. – Volume 32. – Issue 3. – P. 153-161.
7. Bulman-Pozen J. *Partisan federalism* // *Harvard Law Review*. – 2014. – Vol. 127. – No. 4. – P. 1077-1146.
8. Schmidt M. *When parties matter: A review of the possibilities and limits of partisan influence on public policy* // *European Journal of Political Research*. – 1996. – Volume 30. – Issue 2. – P. 155-183.
9. Тульчинский Г.Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре // Человек. Культура. Образование. 2011. № 2. С. 5-13
10. Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое» // Полис. политические исследования. 1995. № 5. С. 5-14.

Турилова М. В.

УРОКИ ПОЛИТИНФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ И В НАШЕ ВРЕМЯ

В статье представлен обзор публикаций об уроках политинформации в советской школе и ресурсы, доступные в наше время. Материалы могут быть полезны учителям истории и обществознания, классным руководителям, обсуждающим со школьниками события новейшей истории.

Ключевые слова: история, обществознание, основы православной культуры, основы религиозных культур и светской этики, политинформация, русский язык, школа

Turilova M. V.

LESSONS OF POLITICAL INFORMATION IN SOVIET SCHOOL AND TODAY

The article provides a review of resources about lessons of political information in the Soviet school and today. These resources can be useful for teachers of History and Social Studies, homeroom teachers and tutors discussing the events of modern history with students.

Key words: Basics of the Christian Orthodox Culture, Basics of Religious Cultures and Secular Ethics, history, Political Information, Russian, school, Social Studies

Обучение в школе является одним из инструментов реализации государственной политики в области формирования личности взрослого самостоятельного гражданина. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации предусматривает обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и

культурно-исторических ценностей, защиту и поддержку русского языка как государственного языка Российской Федерации [1].

Одной из составляющих школьного образования являются гуманитарные предметы: история, обществознание, русский язык и литература, мировая художественная культура, основы религиозных культур и светской этики. В 10-м классе на уроках экономической географии затрагиваются вопросы мировой истории в связи с мировой экономикой и политикой. В 11-м классе изучается новейшая история России и мира. В условиях нынешней международно-политической напряженности подобные уроки очень важны. Современные события, происходящие в России и в мире, могут обсуждаться по инициативе классного руководителя на классных часах или изучаться факультативно, на дополнительных занятиях.

В СССР политинформация (политическая информация) проводилась в учебных заведениях, трудовых коллективах и армии, пионерских, комсомольских, партийных организациях. В школе уроки политинформации проходили за полчаса до начала занятий. Учителя и комсомольские активисты регулярно проводили беседы и лекции, делали обзоры новостей СССР и мира, комментировали их для формирования «советского» взгляда на происходящее. Для подготовки они использовали советские газеты и журналы, данные телепередач. Существовали учебники для подготовки библиотекарей, которые выдавали книги и периодические издания политинформаторам [2]. Идеологическая составляющая кратко очерчена в книге современного автора Юрия Беркова «Политинформация» [3].

Сегодня большинство стран так или иначе формирует «идеологически верные», то есть соответствующие их государственной политике взгляды населения на события мировой истории. К примеру, в Белоруссии в 2004 г. на всех предприятиях с числом сотрудников более 300 человек была введена должность заместителя директора по идеологической работе. Они должны разъяснять внешнюю и внутреннюю политику республики, беседовать с сотрудниками предприятий на актуальные темы, проводить обзоры политических событий, информировать СМИ о работе предприятий и т. п. [4].

В современной российской школе обязательных уроков политинформации нет. Помимо теленовостей и новостных обзоров информационных агентств, доступных в разных регионах, калужские педагоги и школьники имеют доступ к уникальным калужским ресурсам. Приведу несколько виденных мной примеров такой работы по знакомству школьников с современной политической и экономической «картой мира».

Несколько лет я была одним из организаторов двухнедельных городских летних учебных сборов «Школа одаренных детей» г. Калуги, в которых ежегодно принимали участие около 100 учащихся калужских школ. Для проведения лекций и занятий приглашали преподавателей вузов и учителей школ города, специалистов различных городских профильных организаций. В 2011 г. кандидат исторических наук, доцент КГУ им. К. Э. Циолковского, учитель истории и обществознания Лицея № 48 г. Калуги В. В. Курков прочел три курса политической истории: об Афганистане, Иране и Индии. Несколько

лет подряд он успешно читал лекции и проводил занятия об уроках и различных сражениях Великой Отечественной войны, их посещало множество школьников.

С 1995 г. в Калуге проходит конференция памяти русского правоведа, философа, политического деятеля, ученого Н.В. Устрялова (1890–1937). После поражения армии Колчака в 1920–1935 гг. он жил в Харбине, преподавал в китайских университетах, занимался научной работой. После возвращения в 1935 г. в СССР был расстрелян. Представлены исследования биографии, трудов об истории фашизма и нацизма и других, переписки Н.В. Устрялова, описаний его поездки в Японию, калужских связей ученого, отношений с русской диаспорой в Китае, современные разработки затронутых им тем [5].

Вопросы всемирной политической истории разрабатываются школьниками в учебно-исследовательских работах, которые они представляют на городских и областных школьных конференциях [6] [7].

Калужский объединенный музей-заповедник знакомит посетителей с событиями не только отечественной, но и мировой истории. В 1859–1868 гг. в особняке подполковника А. М. Сухотина (он называется «Домом Билибина» по имени первого владельца) на углу улиц Пушкина и Баумана жил в почетной ссылке имам Чечни и Дагестана Шамиль. Сейчас здесь находятся Музей оружия, выставки «Многоликая Россия» и «Калужская область в XXI в.» [8].

Калужская областная организация Общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана» сотрудничает с двумя молодежными историко-патриотическими поисковыми объединениями: «Звезда» (Кременская СОШ Медынского района, г. Медынь) и «Юхновчане» [9].

Помимо высших учебных заведений Калуги и Калужской области, вопросы всемирной истории в связи с историей Православной Церкви и других религий преподаются и изучаются духовными лицами [10] и другими сотрудниками Калужской Митрополии, преподавателями и студентами Калужской духовной семинарии [11] [12]. Соработничество светских и духовных учебных организаций, государственных властей, других структур и частных лиц позволяет проводить научные конференции, осуществлять многие российские и международные проекты.

Я благодарю Его Высокопреосвященство митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 / Администрация Президента России. М., 2021. В : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 31.07.2023).

2. Библиография общественно-политической литературы : Учебник для библиотечных факультетов культуры / Л. А. Левин, О. П. Коршунов, Р. М. Савицкая, Н. И. Сахаров; Моск. гос. ин-т культуры. В 2 ч. М. : Просвещение, 1968, 1976.
3. Берков Ю. Политинформация. ЛитРес, 2021. В : <https://www.litres.ru/book/uriy-berkov/politinformaciya-63697416/?ysclid=1157hzwo33747126768> (дата обращения: 10.08.2023).
4. «Каждый третий четверг месяца — политинформация»: План работы заместителя директора по идеологии сыродельного завода (Белоруссия) // Агентство «Регнум». 23.05.2006. В : <https://regnum.ru/article/644775?ysclid=1156unoj9g55658049> (дата обращения: 10.08.2023).
5. Материалы городской конференции памяти Н. В. Устрялова. Калуга, 1995–2023–. Вып. 1–9–.
6. Быков С. Вьетнамская война и американское общество во второй половине XX в. / 10 класс МБОУ СОШ № 23 г. Калуги, научный руководитель — А. Н. Капалин // Материалы XXIV Областной конференции «Молодость — науке». Калуга : КГИМО, 2014. С. 185–188.
7. Мельник О. Украденная слава : Документальный фильм о герое обороны Порт-Артура Тимофее Кустове / 11 класс МБОУ СОШ № 12 г. Калуги, МЭШДОМ — МБОУ ДОД ЦРТДиЮ «Созвездие» г. Калуги, научный руководитель — А. А. Хохлов // Материалы XXIII Областной конференции «Молодость — науке». Калуга : КГИМО, 2013. С. 320–321.
8. Дом И. Г. Билибина / Калужский объединенный музей-заповедник. Калуга, 2023 г. В: http://kaluga-museum.ru/dom_bilibina (дата обращения: 10.08.2023).
9. Военно-патриотическое воспитание / Калужская областная организация Общероссийской общественной организации «Российский союз ветеранов Афганистана и специальных военных операций». Калуга, 2023 г. В: <http://rsva-kaluga.ru/vpvozpitanie/> (дата обращения: 10.08.2023).
10. Климент (Капалин), митрополит Калужский и Боровский. Православие в Русской Америке: этапы становления. Калуга : Калужская духовная семинария, 2020.
11. Богословско-исторический сборник. Калуга : Калужская духовная семинария, 2003–2023–. Вып. 1–29–.
12. Труды по русской патрологии. Калуга : Калужская духовная семинария, 2019–2023–. Вып. 1–18–.

СЕКЦИЯ 2

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ:
ПРОБЛЕМЫ
ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ**

РОССИЙСКО-КЫРГЫЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1991-2014 ГГ.

В статье представлен анализ специфики двусторонних отношений между Российской Федерацией и Кыргызской республикой. Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей ролью государств Среднего Востока в мировой политике и расширению значимости интеграционных объединений, функционирующих в регионе.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Кыргызстан, сотрудничество, партнерство, интеграционные объединения.

Dibas O.A.

RUSSIAN-KYRGYZ RELATIONS 1991-2014

The article presents an analysis of the specifics of bilateral relations between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The relevance of this study is due to the increasing role of the Middle East states in world politics and the expansion of the importance of integration associations operating in the region.

Key-words: Russian Federation, Republic of Kyrgyzstan, cooperation, partnership, integration associations.

В конце XX века одним из главных изменений, повлиявшим тем или иным образом на систему международных отношений в целом был процесс деконструкции СССР. При этом наибольшее влияние данный процесс оказал на республики, входившие в состав единого советского государства, которые столкнулись с необходимостью выстраивания системы функционирования как ново созданных независимых государств так и выстраивать в новых реалиях двустороннее сотрудничество. Не стал исключением и Кыргызстан, который после приобретения суверенитета столкнулся с серьезными трудностями, которые включали в себя необходимость создание новых институтов управления и власти, разрешение вопросов по форме правления, а также установление отношений с соседними государствами и мировым сообществом с нуля.

Изучением развития двусторонних отношений Российской Федерации и Кыргызской Республики посвящен ряд работ российских исследователей Верещагина А.А., Зверева Р., Ормоновой А.А., которые занимались комплексным изучением российско-кыргызских отношений.

Кыргызстан – достаточно небольшое государство, образовавшееся в современных границах после деконструкции СССР. Если учитывать площадь государства, а также обеспеченность полезными ископаемыми, то может сложиться впечатление о достаточно ограниченном влиянии и значении Кыргызстана. Также Кыргызстан удален от важнейших транспортных магистралей, по которым осуществляется основной транзит товаров из азиатского региона в страны большого Юга и ЕС. Негативно сказываются на статусе и экономическом и политическом потенциале страны неутрачивающие конфликты и политическая нестабильность в регионе. Сама Кыргызская республика с 1991 года переживает достаточно сильные трансформации, вызванные формированием национальной политической элиты и необходимостью выстраивать действующую вертикаль управления, а также

налаживания экономической жизни в стране. В изучаемый период республика пережила две «цветные революции» и столкнулась с глубоким экономическим кризисом, выйти из которого ей помогала Российская Федерация, оказывая значительную экономическую помощь [1].

Эти проблемы были усугублены разрушением экономики и принятием стратегии шоковой терапии как способа развития страны. Это объясняется тем, что к моменту получения независимости экономика Кыргызстана была интегрирована в аграрно-индустриальный комплекс бывшего Советского Союза и зависела на две трети от импорта оборудования, в основном из России. Введение экономических реформ сталкивалось с объективными трудностями, такими как разрыв традиционных хозяйственных связей, потеря рынков сбыта и уход квалифицированных кадров [2].

При этом стоит отметить, что традиционно регион Среднего Востока в целом и Кыргызстана в частности после деконструкции СССР стал объектом пристального внимания как со стороны Российской Федерации, так и США и КНР, которые прикладывают значительные усилия для наращивания своего присутствия в регионе.

Россия считается одним из ключевых стратегических партнеров Киргизии в настоящее время. С распадом СССР и созданием Российской Федерации возникла необходимость расширения правовой базы для двусторонних отношений между двумя странами. Весной 1992 года были заключены протоколы о установлении дипломатических отношений между Республикой Кыргызстан и Российской Федерацией, а также о сотрудничестве и координации деятельности между министерствами иностранных дел. Два месяца спустя был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи [1].

Двусторонние отношения усложнились в связи с накапливанием долгов Кыргызстана и невозможностью их погасить. Также периодически в повестке двусторонних отношений возникает проблема регулирования и упорядочивания миграционного потока из Кыргызстана в Россию.

Стоит отметить, что часть проблем двусторонних отношениях удалось устранить только с помощью «доброй воли» российской власти, которая пошла на реструктуризацию накопившихся долгов (1996 г.), что сняло определенную напряженность в двусторонних отношениях и позволило их выстраивать на партнерской основе.

Характеризуя двусторонние отношения в период президентства Бориса Ельцина можно отметить, что российской стороной предпринимался ряд шагов для становления взаимовыгодных российско-кыргызских отношений, однако на качественно новый уровень отношений государства вышли после избрания Владимира Владимировича Путина на должность президента Российской Федерации. Владимир Владимирович уделял особое внимание сотрудничеству с Киргизией, так как одним из приоритетов внешней политики было выбрано наращивание сотрудничества со странами Центральной Азии. Усилия МИД, правительства России были направлены на расширения взаимодействия с бывшими советскими республиками –

Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном. В связи с этим было принято решение о необходимости установления официального статуса стратегического партнерства между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой, что было реализовано в рамках подписания совместной декларации 27 июля 2000 года.

При этом не стоит забывать о попытках нарастить свое присутствие в регионе со стороны США и КНР. Так в период активизации антитеррористической деятельности под эгидой США после событий 11 сентября 2001 года, на территории Кыргызстана была открыта американская авиационная база в Манасе (2001), просуществовавшая под разными названиями на территории республики до 2014 г., и только впоследствии закрытая, а инфраструктура передана Национальной гвардии Кыргызстана [3].

Выше обозначенные действия США активизировали процессы по защите российских интересов в регионе. Для этого был осуществлен ряд действий, наиболее значимым из которых стал официальный визит Владимира Путина в Бишкек в 2003 году. В рамках визита была открыта российская авиабаза в окрестностях города Кант, которая стала одной из действующих составляющих ОДКБ [1].

Появление данной авиабазы усложнило двусторонние отношения между государствами, российская сторона прикладывала ряд усилий для прекращения деятельности подобного объекта на территории страны-партнера (была оказана безвозмездная помощь в размере 150 млн. долл., выделен льготный кредит в размере 300 млн. долл., а также кредит в сумме 1,7 млрд. долл. на строительство одной из крупнейших в регионе Камбаратинской ГЭС-1). Однако, как достаточно часто было в рамках двусторонних отношений на постсоветском пространстве, экономическая помощь от Российской Федерации принималась, а взятые на себя обязательства не исполнялись. Американская авиационная база была окончательно закрыта лишь в 2014 году [1].

В период 1991-2014 гг. Кыргызстан, так же как и большинство стран постсоветского пространства и Среднего Востока пережил период политической турбулентности, которая проявлялась как в «цветных революциях», которые приводили к смене власти в стране, так и жесткой избирательной кампании. При этом все лидеры Кыргызстана – А.А. Акаев, К.С. Бакиев, Р.И. Отунбаева и А.Ш. Атамбаев отмечали огромное значение Российской Федерации в укреплении и поддержании государственного суверенитета страны [4].

Россия на протяжении практически всего периода независимости Кыргызстана оказывает значительную экономическую помощь государству, выделяя на протяжении всего изучаемого периода значительные денежные средства как в рамках льготного кредитования, так и на безвозмездной основе.

При этом значимость российско-кыргызских отношений и налаженного сотрудничества не стоит преуменьшать, так как Кыргызстана (Киргизия) все

время выступает с поддержкой российских интеграционных проектов на евразийском пространстве в рамках становления системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве (ОДКБ). Также немаловажна роль Кыргызстана в деятельности ШОС, СНГ и иных интеграционных объединений евразийского пространства, которые являются площадками для установления крепких торгово-экономических и культурных отношений между странами региона, а также установлении партнерских отношений между странами-участницами.

Список литературы

1. Зверев Р., Савин И., Беляев В. Российско-киргизские отношения: история и современность // Международная жизнь. 2018. №1. С. 106-125.
2. Верещагин А.А. Кыргызско-российское двустороннее сотрудничество на начальном этапе (1991–1994 годы) // Вестник КРСУ. 2010. Том 10. № 7. С.57-61.
3. Президент Киргизии: Американской авиабазы в нашей стране не будет // Военное обозрение URL: <https://topwar.ru/188364-prezident-kirgizii-amerikanskoj-aviabazy-v-nashej-strane-ne-budet.html> (дата обращения: 02.08.2023).
4. Ормонова А.А. Роль России в становлении современной киргизской государственности (1991–2015 гг.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Специальность: 07.00.02 - Отечественная история. М.2016

Игнатьева Л.Н.

ЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ ИЗ КАЗАХСТАНА: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ

Русские в Казахстане на протяжении более чем двух веков играли значительную роль в экономической, политической, культурной и других сферах жизни. Несмотря на достаточно сбалансированную национальную политику, проводимую руководством страны, эмиграция русских была и остается одной из самых значительных на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: эмиграция, миграция, численность населения, этнос, сальдо миграции, миграционная политика

Ignatyeva L.N.

EMIGRATION OF RUSSIANS FROM KAZAKHSTAN: CAUSES, DYNAMICS, PROBLEMS

Russians in Kazakhstan have had a significant role in economic, political, cultural and other spheres of life for more than two centuries. Despite a fairly balanced national policy pursued by the country's leadership, Russian emigration has been and remains one of the most significant in the post-Soviet space.

Key words: emigration, migration, the population, ethnos, net migration, migration politics

История русских в Казахстане насчитывает не одно столетие. Русские на территории современного Казахстана стали появляться в XVIII в. Это были старообрядцы, которые бежали от гонений властей и оседали на юге Западной Сибири. Строительство Петром I Иртышской линии способствовало переселению в регион казаков для её охраны. Крепости, заложенные при императоре, стали крупными современными

промышленными и культурными городами. Стихийные и организованные крестьянские переселения шли в течение всего XIX в. и по данным переписи 1897 г. русских в пределах территории Казахстана насчитывалось 539,7 тыс. человек. [1, с. 520] Распределение русских было неравномерным, большая их часть проживала в Акмолинской (32,3 %) и Уральской (29,8 %). В начале XX в. переселения носили в основном организованный характер. Крестьянские переселения происходили в рамках столыпинской реформы.

Необходимо отметить особую роль казаков, так как на территории Казахстана располагались три казачьих войска: Сибирское, Семиреченское и Уральское.

В результате всех потрясений начала века, по данным переписи 1926 г. число русских составило 1275654 чел., т.е. увеличение в 2,4 раза. [1, с. 521] Их основная масса была сосредоточена в Акмолинской и Семипалатинской областях (62,1 %). Данная тенденция сохранится и в дальнейшем. Русские будут сосредоточены в основном на севере и востоке республики.

Перекося в этническом распределении населения республики связан с тем, что в процессе административно-территориального размежевания 1921-1922 гг. часть земель населенных казаками, русскими крестьянами, а также города Иртышской линии (с преимущественно русским населением), относящиеся административно к Омской, Томской и Астраханской губерниям были переданы в состав Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики.

В советское время русские переселялись на территорию Казахской ССР в результате насильственных переселений (кулаки) и организованных (оргнабор 1930-х и 1950-х гг., а также освоение целинных и залежных земель). Причем самый большой приток приходится именно на 1950-е гг., когда население республики увеличилось почти на 2 млн. человек.

К моменту распада СССР доля русских в составе населения Каз. ССР составляла 37,8 % или 6534616 чел. [2, с. 7-70] Таким образом в республике была сформирована значительная миграционная ниша, которая сработала после развала СССР.

Русских как мигрантов условно можно разделить на две группы. Первая группа – это русские и их потомки, которые переселялись на территорию Казахстана в XX веке. Эта группа миграционно более активна. Вторая – это русские, чьи предки осваивали данную территорию с XVIII в. Эта группа миграционно более пассивна. Но здесь нужно отметить, что такое деление условно, все зависит от конкретной ситуации, в которой находится человек.

Миграционный отток так называемого пришлого населения начинается с 60-х гг. XX в. С этого момента в республике отмечается отрицательное миграционное сальдо. При этом на протяжении почти 200 лет Казахстан был реципиентом населения с территории Российской империи и Советского Союза.

Начало так называемого «исхода» отмечается в конце 80-х годов перед распадом СССР. Пик пришелся на середину 90-х гг. XX в. Развал Советского

Союза стал спусковым крючком для активизации миграции не только русских, но и других «некоренных» этносов. Рост национализма вытеснял русских (и не только их) с южных регионов республики.

В целом среди причин эмиграции русских можно назвать неуверенность в завтрашнем дне, экономические проблемы, разрыв связей с Россией, объявление казахского языка государственным, провозглашение Казахстана в Конституции государством самоопределившейся казахской нации и т.д. Все это привело к массовому оттоку русских и других нетитульных этносов в начале 90-х годов из республики. На 1994 г. приходится пик миграционной активности, когда миграционное сальдо составило 406679 человек, а число выбывших 804391 чел. [3, с. 7-8] На волне этих событий, а также с учетом внутренней ситуации в стране в 1995 г. была принята новая Конституция, по которой признавалось, что Казахстан многонациональное государство и речь велась уже о казахстанцах.

В результате демографических процессов, происходивших в 90-е годы население республики сократилось почти на 2 млн. человек (с 16 млн в 1989 г. до 14 млн в 1999 г.), а численность русских стала 4489705 чел. (сокращение более чем на 2 млн чел.) [4, с. 8] Для характеристики миграции 90-х гг. XX в. необходимо отметить наличие значительной эмиграционной ниши, а также то, что эмигрантами становились русские, имеющие связь с Россией, т.е. это казахстанцы в первом или втором поколении.

К началу XXI в. внешняя миграционная активность населения Казахстана пошла на спад и с 2004 г. миграционное сальдо становится положительным. К этому времени стабилизировалась экономическая ситуация, русский язык оставался основным языком общения, национализм по мере возможности сдерживался государством.

Вторая волна миграции русских начинается с 10-х гг. XXI в. Ее особенностями является значительно сократившаяся эмиграционная ниша, а также то, что эмигрантами становятся «коренные» русские, которые уже не имеют связей с Россией. Для этой волны основными причинами эмиграции становятся: будущее детей, ограничение роли русского языка в сфере государственного управления, образования, ограничение доступа к государственному управлению и т.д. По масштабам вторая волна значительно уступает первой. На 2021 г. русских в Казахстане осталось 2981946 человек.[5]

Что касается направлений миграции русских, то в подавляющем большинстве эмигранты переселяются в Россию.

Эмиграция русских и других этносов из Казахстана обернулось для Казахстана множеством проблем. Миграционная политика руководства республики на заре независимости была направлена на привлечение в страну этнических казахов, тем самым увеличивая численность титульного этноса. Массовая же эмиграция пришлых этносов не очень беспокоило правительство. К началу XXI в. стало понятно, уезжают специалисты с образованием, трудоспособного возраста, а равного замещения иммигрантов нет. В связи с этим меняется миграционная политика государства.

Приоритетом становится привлечение не просто этнических казахов, а желательно специалистов. Причем для специалистов этническая принадлежность становится не главной составляющей, а для мигрантов вводятся квоты и принудительное распределение по регионам, нуждающимся в специалистах.

В результате эмиграции русских самыми «пострадавшими» оказались северные и восточные регионы Казахстана. При этом государство в своей миграционной политике никогда не ставило задачу предотвращения эмиграции некоренных этносов. Исходя из миграционной политики, проводимой властями Казахстана, эмиграция русских будет продолжаться.

Список литературы

1. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001
2. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Алма-Ата, 1991
3. Демографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Астана, 2011
4. Этнодемографический ежегодник Казахстана. Статистический сборник. Алматы, 2006
5. Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/ru/national/2021/>

Котляров И. Д.

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ И СОЮЗНИКИ РОССИИ

В статье показано, что антироссийские санкции, введенные коллективным Западом, не являются международными. Позиционирование их как международных представляет собой инструмент пропаганды и может быть использовано партнерами России как повод для отказа от обязательств перед нашей страной

Ключевые слова: антироссийские санкции, международные санкции, пропаганда

Kotliarov I. D.

ANTI-RUSSIAN SANCTIONS AND RUSSIAN ALLIES

The present paper demonstrates that anti-Russian sanctions imposed by the collective West are not international. Positioning these sanctions as international is a propagandist tools and can be used by Russian tool as a reason to cancel their obligations towards Russia

Key words: anti-Russian sanctions, international sanctions, propaganda

После начала специальной военной операции (СВО) на Украине Российская Федерация столкнулась с беспрецедентным противодействием со стороны коллективного Запада, которое, в том числе, включает по себя мероприятия, направленные на подрыв экономического потенциала нашей страны [1] (прежде всего путем жесткого ограничения доступа России к импортным и экспортным рынкам [2, 3]). Политика коллективного Запада по экономическому давлению на Россию в мировых и российских средствах массовой информации чаще всего именуется политикой международных санкций. Признание международного характера этих санкций позволяет представить Россию в качестве изгоя, исключенного из мировой экономической системы, подтверждает их правомерность и побуждает

другие государства присоединиться к ним. При этом вопрос о том, действительно ли эти санкции являются международными в строгом смысле слова, фактически не ставятся – как противники России, так и (что удивительно) ее сторонники принимают тезис о международной природе этих санкций как данность.

В данной работе мы попытаемся показать, что введенные против России экономические санкции не являются международными, и дать с учетом этой точки зрения оценку действий государств, позиционирующих себя как партнеров России, но при этом декларирующих свою готовность соблюдать эти санкции.

Санкции против России были введены коллективным Западом, т. е. США и их союзниками. Поскольку в политике санкционного давления на Россию участвует значительное количество государств, формально можно говорить о том, что эти санкции действительно могут считаться международными. Тем не менее, по нашему мнению, ситуация носит более сложный характер. В рамках ялтинского миропорядка (который продолжает существовать и в наше время), международными санкциями являются только те санкции, которые одобрены большинством мирового сообщества и вводятся по решению Совета Безопасности ООН. Очевидно, что против России такие санкции введены быть не могут, поскольку наша страна обладает правом вето в Совете Безопасности ООН, что позволит ей заблокировать любые попытки организации санкционного давления. Все остальные санкции носят исключительно национальный (если они вводятся одной страной) или межгосударственный (блоковый) характер (при их введении группой стран). Таким образом, утверждение о международной природе санкционного давления против России не соответствует действительности и должно восприниматься как инструмент пропаганды коллективного Запада (а использование этого утверждения в российских средствах массовой информации указывает на успех этой пропаганды и на готовность российского общества уступить ей). С точки зрения опирающейся на ООН системы мироустройства эти санкции являются нелегитимными, и опираются не на международные правовые нормы, а на техническую возможность стран, вводящих данные санкции, придавать своим национальным (или межгосударственным – в случае Европейского Союза) правовым актам экстерриториальный характер.

Данный вывод позволяет говорить о том, что присоединение той или иной страны к политике санкционных ограничений против России в прямой (введение собственных санкций, соответствующих мерам коллективного Запада) или косвенной (готовность соблюдать меры, принятые коллективным Западом) форме должно рассматриваться не как юридически правомерное и легитимное соблюдение единой политики мирового сообщества, а как выбор стороны в текущем конфликте, т. е. как однозначно недружественный шаг по отношению к Российской Федерации.

Особый интерес в сложившейся геополитической ситуации представляют решения стран, формально позиционирующих себя в качестве

партнеров Российской Федерации (и имеющих с Россией договорные отношения, налагающие обязательства по взаимному укреплению экономических и иных связей). Примером такой страны является Казахстан. Это государство входит в Евразийский экономический союз, Организацию договора коллективной безопасности и ряд других межгосударственных объединений, предполагающих тесное партнерство с Россией. Тем не менее, руководство этой страны декларирует свою готовность соблюдать санкции коллективного Запада против Российской Федерации (и постепенно ужесточает требования к организации торговли с Россией), и рассматривает эти санкции именно как международные (а не блоковые). Фактически можно говорить о том, что Казахстан в рамках своей многовекторной стратегии[4] столкнулся с противоречием между двумя типами межгосударственных ограничений в своей внешней политике:

- явные и зафиксированные в соответствующих межгосударственных договорах обязательства по развитию и укреплению экономических связей с Россией (что, очевидно, исключает участие в санкционном давлении против Российской Федерации);

- необходимость присоединения к межгосударственным (блоковым, но позиционируемым как международные) санкциям против России, не обусловленная договорами со странами коллективного Запада, но связанная со стремлением сохранить дружественные отношения с этими странами и с желанием избежать риска вторичных санкций (это присоединение предполагает признание международный характер антироссийской санкционной политики – и руководство Казахстана описывает санкции именно как международные, что, как было сказано выше, не соответствует действительности).

При этом одни из этих межгосударственных отношений (с коллективным Западом) Казахстан рассматривает не как межгосударственные, а как международные (т. е. имеющие более высокую важность).

Иными словами, при выборе между двумя типами равнозначных межгосударственных обязательств (более того, формально договорные отношения с Россией являются обязательными к исполнению, тогда как присоединение к санкциям носит добровольный характер, т. е. отношения с Россией могут рассматриваться как формально приоритетные), Казахстан отдает предпочтение неформальным обязательствам перед коллективным Западом (отказываясь от обязательств перед Россией). Это указывает на то, что договорные отношения с Россией не выступают в качестве обязательных к исполнению даже для государств, позиционирующих себя как партнеров нашей страны. Одной из причин этого является то, что отношения с Россией, вероятно, воспринимаются руководством Казахстана как межгосударственные, тогда как политика коллективного Запада (несмотря на ее исключительно блоковый характер) – как международная (хотя, как было сказано выше, в обоих случаях речь идет исключительно о

межгосударственных, блоковых отношениях)). Такое восприятие политики коллективного Запада может объясняться следующими причинами:

- эффективная пропаганда коллективного Запада;
- необходимость сохранения отношений с Западом в условиях его геополитического доминирования;
- восприятие доминирующего игрока как устанавливающего мировые правила поведения (т. е. решения данного игрока де-факто являются международными);
- стратегическая ориентация партнеров России на сотрудничество с Западом, тогда как связи с Россией носят исключительно прагматический характер;
- высокие риски отказа от присоединения к санкционному давлению (вторичные санкции);
- стремление оправдать свой отказ от обязательств по отношению к России путем позиционирования обязательств перед коллективным Западом как более приоритетных (за счет представления их в качестве международных, а не межгосударственных).

Такое поведение Казахстана (и других государств, выбравших сходную стратегию) однозначно указывает на то, что данные страны не могут рассматриваться в качестве партнеров России.

На основе сказанного выше можно сделать следующие рекомендации:

- позиционирование антироссийских санкций как международных представляет собой инструмент пропаганды коллективного Запада (на самом деле эти санкции носят межгосударственный, блоковый характер);
- позиционирование антироссийской санкционной политики как международной дает формальным партнерам России удобный повод для отказа от своих договорных обязательств по отношению к нашей стране;
- России необходимо указывать на межгосударственный (блоковый), а не международный характер санкционных ограничений, и на их нелегитимную природу;
- Соблюдение санкций является однозначно недружественным шагом по отношению к России, о чем необходимо информировать государства, рассматривающие возможность введения ограничений;
- Хотя в настоящее время Россия основное внимание уделяет разработке инструментов обхода санкций [5, 6, 7], следующим шагом в стратегии обеспечения национального суверенитета и безопасности нашей страны должно стать формирование моделей по недопущению уклонения партнеров России от обязательств по отношению к России (т. е. по созданию основы для более высокой важности сотрудничества с Россией по сравнению с партнерством с другими глобальными игроками). Иными словами, ущерб от нарушения обязательств перед Россией должен быть больше, чем ущерб от отказа от сотрудничества с другими игроками.

Список литературы

1. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. 2016. № 3. С. 45-56.
2. Капустина И. В., Григорьева К. А. Импорт автокомпонентов как фактор лабильности рынка автомобилестроения // Beneficium. 2022. № 3. С. 49-56.
3. Никифорова Ж. А. Анализ влияния антироссийских санкций на экономику Королевства Швеция // Бюллетень транспортной информации. 2021. № 1. С. 11-15.
4. Юнеман Р. А. Реализация концепции многовекторности во внешней политике Республики Казахстан на примере голосования по резолюциям ГА ООН // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 1. С. 151-169.
5. Курочкина А. А., Семенова Ю. Е., Бикезина Т. В. Параллельный импорт как условие обеспечения экономической безопасности России // Наука и бизнес: пути развития. 2022. № 11. С. 69-72.
6. Плещенко В. И. Параллельный импорт и челноки: реактуализация старых схем организации товародвижения в условиях санкционных ограничений // Логистика сегодня. 2022. № 3. С. 180-184.
7. Плотников В. А., Цехомский Н. В. Проблемы финансового сопровождения хозяйственных операций в условиях экономических санкций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6. С. 68-72.

Милокост Л.С.

РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1992–2003 ГГ.

В статье рассматривается история становления и развития российско-грузинских отношений в конце XX – начале XXI вв. Указывается, что нормализация ситуации в Абхазии и Южной Осетии стала основой формирования договорных отношений Москвы и Грузии.

Ключевые слова: Южный Кавказ, российско-грузинские отношения, политическое взаимодействие, экономическое взаимодействие, вооруженный конфликт, Б. Ельцин, З. Гамсахурдия, Э. Шеварднадзе.

Milokost L.S.

RUSSIAN-GEORGIAN RELATIONS

The article examines the history of the formation and development of Russian-Georgian relations in the late XX – early XXI centuries. It is indicated that the normalization of the situation in Abkhazia and South Ossetia has become the basis for the formation of contractual relations between Moscow and Georgia.

Key-words: South Caucasus, Russian-Georgian relations, political interaction, economic interaction, armed conflict, B. Yeltsin, Z. Gamsakhurdia, E. Shevardnadze.

В условиях изменений, происходящих в системе международных отношений и её структуре, с учётом текущей военно-политической обстановки на Южном Кавказе, можно констатировать продолжающуюся борьбу за доминирование в регионе глобальных актеров. При этом Южный Кавказ – регион, который характеризуется нестабильностью и повышенным уровнем конфликтности, что создает не только хроническую напряженность, но и угрозу как региональной, так и глобальной безопасности. Необходимость усиления присутствия Российской Федерации

в регионе в сложившихся условиях связана, прежде всего, с обеспечением национальной безопасности.

В регионе наиболее проблематичным для России оказалось выстраивание отношений с Республикой Грузия. Это актуализирует необходимость рассмотрения истории развития российско-грузинских двусторонних отношений в конце XX – начале XXI вв. Именно история развития отношений Москвы и Тбилиси с 1992 по 2003 год является целью данного исследования.

Необходимо заметить, что комплекс существующих проблем и противоречий в российско-грузинских отношениях стал формироваться уже в период президентства Звиада Гамсахурдиа. Однако в результате государственного переворота 6 января 1992 г. и изгнания З. Гамсахурдиа к власти в Грузии приходит Э. Шеварднадзе. Об определенных пророссийских «симпатиях» нового руководителя Грузии свидетельствует назначения министром иностранных дел Грузии А. Чикваидзе, который, как утверждает З. З. Бахтуридзе, был одним из наиболее пророссийски настроенных грузинских политиков того времени [1, с. 65]. Однако, несмотря на то, что Российская Федерация и Республика Грузия действительно получили шанс приступить к более конструктивному диалогу, необходимо констатировать отсутствие существенного динамизма в этом процессе. Во многом это объясняется внутренней ситуацией, которая существовала в этот период как в России, так и в Грузии. Кроме этого, динамика российско-грузинских отношений уже в этот период определялась во многом развитием ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии.

Следует отметить, что на встрече между Б. Ельциным и Э. Шеварднадзе в Сочи 24 июня 1992 года основными темами обсуждения, помимо проблем двусторонних отношений, стала именно ситуация вокруг Южной Осетии. Российский президент прилагал усилия для достижения прекращения вооруженного конфликта в Южной Осетии и при этом выступал с рядом выгодных предложений для грузинской стороны [2]. Ключевым итогом данной встречи стало подписание «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта». Однако, Тбилиси, пытаясь, по сути, уйти от решения основных причин конфликта в Южной Осетии и в Абхазии, главную ответственность за ситуацию в двух республиках возлагала на действия российского руководства. Это привело к активизации антироссийских настроений в Грузии.

С целью определенной нормализации российско-грузинских отношений и поисков урегулирования абхазского конфликта 18 февраля 1993 г. состоялся визит в Тбилиси С. Шахрая, но достичь реального улучшения двусторонних отношений не удалось. 25 февраля 1993 г. Парламент Грузии поручил Э. Шеварднадзе начать переговоры о выводе российских войск из республики. Однако, в условиях внутреннего кризиса, отсутствия существенной поддержки со стороны стран Запада, 8 октября 1993 г. в Москве в ходе встречи Б. Ельцина с Э. Шеварднадзе грузинский лидер заявил о намерении Грузии присоединиться к СНГ и попросил

российской помощи грузинским беженцам из Абхазии, ситуация с которой усугублялась в связи с продолжающимися боями правительственных войск и формирований сторонников З. Гамсахурдиа [3].

После московской встречи 1993 г., результаты которой можно рассматривать как возможность начала конструктивного политического диалога между Россией и Грузией, Москва не только оказала действенную помощь в вопросе грузинских беженцев, но и предоставила военную помощь грузинской центральной власти в ликвидации мятежа звиадистов в Западной Грузии.

В феврале 1994 г. состоялся официальный визит Б. Ельцина в Тбилиси, в ходе которого был подписан «Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» [4], который являлся базовым документом, подтверждающим выход российско-грузинских отношений на новый качественный уровень. В дополнение и развитие Договора был подписан большой пакет документов по различным вопросам двусторонних российско-грузинских отношений. При содействии Российской Федерации в Москве 29–31 марта 1994 г. состоялся третий раунд переговоров по полномасштабному урегулированию грузино-абхазского конфликта под эгидой ООН.

Существенное влияние на развитие российско-грузинских отношений в этот период стала оказывать ситуация в Чечне, так как начало чеченской кампании воспринималось грузинской стороной как повод для определенного пересмотра позиции России в абхазском вопросе. Необходимо заметить, что с 1997 г. в Тбилиси начало действовать «полномочное представительство Ичкерии», которое стало центром координации финансовой помощи чеченским бандформированиям.

В сентябре 1995 г. был подписан Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о российских базах на территории Республики Грузия, в котором Россия и Грузия конкретизировали деятельность российского военного контингента в статусе военных баз, которые будут располагаться в городах Батуми, Ахалка-лаки, Вазиани, Гудаута и других (ст. 2) [5]. Однако, рамочный «Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» от 3 февраля 1994 г. так и не был ратифицирован российскими законодателями, что негативно сказалось на развитии российско-грузинских отношений. По мнению Зураба Абашидзе, посла Грузии в РФ, именно этот фактор способствовал активизации западного вектора внешней политики Грузии в ущерб российско-грузинским связям [6].

С 1995 г. грузинская сторона начала активно поднимать вопрос о выводе с территории Грузии российских военных баз. Уже в ходе стамбульской сессии ОБСЕ в ноябре 1999 г. были достигнуты договоренности по данному вопросу, в соответствии с которыми Российская Федерация брала на себя обязательства осуществить поэтапное сокращение обычных вооружений и военной техники до 31 декабря 2004 г. Первый

раунд переговоров по военным вопросам состоялся 20–21 апреля 2000 г. в Москве. В ходе второго раунда в Тбилиси (24–25 июня 2000 г.) российская сторона представила планы-графики вывода российских военных баз Вазиани и Гудаута [7].

В период начала второй чеченской компании Россия обратилась к грузинскому руководству с просьбой разрешить российским войскам вторжение в Чечню с грузинской территории, но эта просьба не была удовлетворена. В соответствии с информацией российского правительства, в Панкисском ущелье было сконцентрирована значительная группа вооруженных боевиков. В виду отсутствия конструктивного диалога между грузинской и российской сторонами по данному вопросу с октября 2000 г. между Тбилиси и Москвой начались активные переговоры об изменении режима пересечения российско-грузинской границы. В результате с 5 декабря 2000 г. Российская Федерация ввела визовый режим в отношении Грузии [8]. В сентябре 2002 года В. Путин предупредил ООН и ОБСЕ о возможности начать силовую антитеррористическую операцию в Грузии из-за наличия активных чеченских боевиков на её территории [9].

В исследуемый период не просто складывались и торгово-экономические отношения между Россией и Грузией. В начале 1990-х годов сложно оценить динамику развития российско-грузинских отношений в сфере торгово-экономических связей, так как как Москва и Тбилиси сосредотачивались на внутренних экономических вопросах и создании рыночной экономики. Однако уже к середине 1990-х годов Российская Федерация стала вторым по объему внешнеторгового товарооборота партнёром Грузии, оказываясь одновременно основным источником валютных поступлений в экономику Грузии.

Бесспорно, существенное влияние на уровень торгово-экономического сотрудничества оказало подписание Соглашения о свободной торговле и Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве. Дефолт 1998 г. значительно отразился на уровне российско-грузинских торговых связей. Так, объем экспорта в 1999 г. снизился на 38% по сравнению с 1997 г., но значительно больше пострадал объем импорта, который упал на 51%. При этом сумма товарооборота до конца президентства Э. Шеварднадзе не превысила докризисного показателя [10]. Основную долю российского экспорта занимали продовольственные товары (более 50%), что было характерно также и для импорта, в котором более 80% составляла продукция алкогольной промышленности и минеральные воды. Помимо этого, российское ОАО «Газпром» являлся основным поставщиком природного газа на территорию Грузии. Учитывая географическое положение Грузии, которое позволяло ей активно использовать выгоды от транспортировки российского газа, в 2003 г. Э. Шеварднадзе рассматривал возможность подписания договора о стратегическом сотрудничестве с «Газпром» [11].

Таким образом, несмотря на то, что Российская Федерация и Республика Грузия приступили к формированию межгосударственных

отношений в 1992 года, необходимо отметить отсутствие существенной динамики в этом процессе до 1994 года. В исследуемый период на развитие российско-грузинских отношений оказывали значительное воздействие следующие факторы: ситуация в Абхазии и Южной Осетии, вопрос о нахождении российских военных баз на территории Грузии, чеченский вопрос, возросший интерес к Грузии со стороны Вашингтона и Брюсселя.

Стимулирующее воздействие на динамику торгово-экономических отношения между Россией и Грузией оказало подписание Соглашения о свободной торговле и Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве, однако по объемам торгово-экономических отношений Грузия занимала последнее место среди стран-партнеров России по СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтуридзе З. З. Внешняя политика Грузии в контексте развития международных отношений на постсоветском пространстве: дис. ... док.полит. наук. СПб(б), 2015. 316 с.
2. Соглашение в Сочи. URL: https://bookcheba.com/mejdunarodnyie-otnosheniya_1247_1249/soglashenie-sochi-42241.html (дата обращения: 12.12.2022).
3. Россия окажет помощь грузинским беженцам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/61554> (дата обращения: 23.12.2022).
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 3 февраля 1994 г. URL: <https://base.garant.ru/1148098/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/1> (дата обращения: 03.01.2023).
5. Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о российских базах на территории Республики Грузия. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-35/47960?_storageviewer_WAR_storageviewerportlet_advancedSearch (дата обращения: 18.01.2023).
6. Борис Ельцин – первый и последний визит в Грузии первого президента РФ. URL: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20161012/233479420/Boris-Elcin-pervyj-i-poslednij-vizit-v-Gruziju-pervogo-prezidenta-RF.html> (дата обращения: 19.01.2023).
7. Об итогах российско-грузинских переговоров по военным вопросам. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwHHxf8KDaOY/content/id/602272 (дата обращения: 20.01.2023).
8. О введении визового режима между Россией и Грузией. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/ge/-/asset_publisher/uwHHxf8KDaOY/content/id/594560 (дата обращения: 21.01.2023).
9. Путин известил Совбез ООН о возможной операции в Грузии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/949029> (дата обращения: 22.01.2023).
10. Российский статистический ежегодник, 2007. URL: <http://istmat.info/node/21311>(дата обращения: 10.04.2023).
11. Грузия подпишет с «Газпромом» соглашение о стратегическом сотрудничестве. URL: <https://civil.ge/ru/archives/158592> (дата обращения: 10.02.2023).

РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СПЕЦИФИКА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Автором изучены тексты научных монографий по вопросам внешней и внутренней политики России, изданных ведущими украинскими научно-исследовательскими и академическими организациями в 2014-2022 гг. Установлено, что геополитическая картина мира, представленная в этих работах, отличается от официальной отношением к европейской и евроатлантической интеграции, конфликту с Россией, вопросу выбора союзников и другим критериям. Будучи частью «эпистемного сообщества» экспертов-международников украинские учёные могут влиять на внешнюю политику своей страны, исходя из собственных секьюритизированных геополитических представлений.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины, геополитическая картина мира, украинская политология.

Onopko O. V.

RUSSIAN DIRECTION OF UKRAINIAN FOREIGN POLICY EXPERTISE: THE SPECIFICS OF FUNDAMENTAL STUDIES

The author studied the texts of scientific monographs on of Russia's foreign and domestic policy, published by leading Ukrainian research and academic organizations in 2014-2022. It has been established that the geopolitical picture of the world presented in these papers differs from the official one in perception of European and Euro-Atlantic integration, conflict with Russia, choosing allies, and other criteria. Being a part of the "epistemic community" of the foreign policy experts, Ukrainian scientists can influence the foreign policy of their country basing on their own securitized geopolitical images.

Key words: foreign policy expertise, foreign policy of Ukraine, geopolitical picture of the world, Ukrainian political science.

По мере затягивания и разрастания конфликта между Россией и Украиной всё большее значение приобретает необходимость глубокого понимания образа мышления и действий украинской политической элиты в таких сферах, как военная и внешняя политика, политика безопасности. Такое понимание позволит хотя бы отчасти предвидеть дальнейшие стратегические действия украинской стороны и принимать эффективные контрмеры, направленные на обеспечение национальной безопасности России, защиту её национальных интересов на постсоветском пространстве и в Европе. Отсюда одной из приоритетных задач научной и аналитической деятельности российских политологов-международников должно стать изучение тех лиц и институтов, которые участвуют на Украине в процессе выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений, в частности украинских экспертов и экспертных структур, консультирующих политиков и государственные органы страны по вопросам внешней политики и международных отношений. Значительное влияние на формирование их геополитических картин мира [6] и особенно геополитических представлений о России оказывает украинская национальная школа политической науки, которая, хотя и имеет некоторые признаки нахождения в состоянии

академической колониальной зависимости от западной политологии [9], но тем менее обладает собственной инфраструктурой [8].

В современной отечественной политической науке изучение украинских научных и академических политологических структур как действующих лиц политических процессов практически не ведётся. Тем более не отслеживается состояние научных исследований, ведущихся на Украине в сфере российской внутренней и внешней политики. В современных условиях это является непростительным упущением, негативно сказывающимся на правильном понимании мотивов и намерений украинской стороны, её образа действий в международной среде.

Принимая это во внимание, автор преследовал цель выявить специфику геополитической картины мира, существующей в современных фундаментальных исследованиях, ведущихся на Украине в рамках российского направления внешнеполитической экспертизы. Для этого были проанализированы политологические работы по российской тематике, изданные в ведущих украинских научных и академических структурах в 2014-2022 гг. Анализ осуществлялся на основе синтетического теоретико-методологического подхода, сочетающего в себе отдельные положения теорий «эпистемных сообществ» П. Хааса [1], критической геополитики Дж. О'Тоала [3] и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера [2]. Согласно нему, фундаментальные исследования России и, в частности российской политики, проводимые украинскими политологами, являются частью «высокого уровня» [4] национального геополитического дискурса Украины, её геополитической традиции [6]. В них находят своё отражение геополитические представления о России (в т.ч. секьюритизированные), которые характерны для ведущих представителей украинской политической науки, коллективов научно-исследовательских и академических структур. Будучи частью национального «эпистемного сообщества» экспертов-международников, данные лица не только генерируют и обмениваются указанными представлениями, но и осуществляют влияние на акторов украинской политики и экспертное сообщество, выполняют функции агентов политической и профессиональной социализации для будущих политологов.

В настоящее время на Украине фундаментальными политологическими исследованиями российской политики занимаются Национальный институт стратегических исследований, Киевский институт международных отношений, Дипломатическая академия им. Г. Удовенко при Министерстве иностранных дел Украины, Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса Национальной академии наук Украины, Институт всемирной истории Национальной академии наук Украины, Львовский национальный университет им. И. Франко, Ужгородский национальный университет, Киево-Могилянская академия и др. Анализ текстов научных монографий по вопросам российской внутренней и внешней политики, изданных в данных структурах, позволил выявить следующие особенности представленной в них геополитической картины мира:

- геополитическая картина мира, представленная в научных изданиях, крайне простая, хорошо структурированная и схематичная. В центре неё находится Россия. Достаточно конкретные геополитические представления существуют о государствах Балто-Черноморского региона, а также о нём в целом как о ключевом пространстве противостояния Запада и России (при этом украинские учёные описывают данный регион польским концептом «Междуморье»), ЕС и НАТО, США. О самой же Украине геополитические представления крайне размыты: это и «щит западной цивилизации», и «жертва агрессии», и «страна с самой мощной армией в Европе»;

- Россия рассматривается как ключевая угроза безопасности не только Украины и Запада, но и международной системы в целом. Именно Россия, по мнению украинских политологов, ответственна за дестабилизацию миропорядка, пересмотр устоявшихся норм поведения государств, принципов мировой политики, существующих границ между странами. Россия якобы ведёт против всего мира «мировую гибридную войну» [5], «горячими фронтами» которой являются конфликты на Украине, в Африке, Сирии и Закавказье, при этом именно «украинский фронт» является важнейшим;

- в своих работах украинские учёные в абсолютном большинстве рассматривают Россию как экзистенциальную угрозу для украинской нации и государства. Это секьюритизированное геополитическое представление прямо подтверждается в экспертных опросах. В частности, по итогам одного из них, проведённого Центром Разумкова с 26 февраля по 15 марта 2023 г., 75% украинских экспертов-международников считают, что целью проведения Россией специальной военной операции является «уничтожение украинской нации и украинской государственности» [7]. В опросе приняли 40 экспертов по международным отношениям и внешней политике: работники исследовательских научных учреждений и организаций, преподаватели высших учебных заведений, специалисты по вопросам международных отношений областных администраций, специалисты Министерства иностранных дел Украины, Офиса Президента.

- милитаризм, в основе которого лежит геополитическое представление о нецелесообразности и невозможности переговоров с российской стороной и дипломатического урегулирования конфликта как такового. «Победа» Украины представляется украинскими политологами как полное военное поражение России, которое приведёт к дезинтеграции страны и выводу её из числа акторов мировой политики;

- реваншизм: военное противостояние, считают на Украине, должно продолжаться не до установления контроля над утраченными территориями, но до уничтожения/переформатирования существующей российской государственности;

- наступательный реализм и утилитарное отношение к коллективному Западу, его структурам и отдельным странам. В своих работах украинские политологи часто полагают, что их стране нужно использовать любые возможности для борьбы с Россией и при любой удобной возможности

наращивать военную мощь, искать союзников. При этом НАТО, ЕС, США, Великобритания и др. полезны ровно настолько, насколько они помогают Украине. Европейская и евроатлантическая интеграция рассматриваются не как самоцель внешней политики (как это отражено, например, в конституции Украины), но исключительно как средства повышения военной и экономической безопасности страны в условиях конфликта.

На основании выявленных особенностей геополитических представлений, существующих в фундаментальных исследованиях по российской тематике, опубликованных украинскими политологами, можно сделать следующие выводы:

1. На «высоком» уровне украинского национального геополитического дискурса воспроизводится геополитическая картина мира, которая отличается от официальной отношением к европейской и евроатлантической интеграции, конфликту с Россией, вопросу выбора союзников и другим критериям;

2. Активная вовлечённость учёных, представляющих научно-исследовательские и академические структуры, в процессы профессиональной и политической социализации и образовательной подготовки политологических кадров для государственных органов, политических партий и других политических институтов Украины будет в дальнейшем способствовать усилению во внешнеполитическом экспертном сообществе милитаристских и реваншистских настроений, росту его политической и психологической готовности к максимально долгому военному противостоянию с Россией;

3. Участие украинских учёных в консультировании государственных органов по вопросам внешней политики, обороны и безопасности будет усиливать указанные настроения среди политического класса и, в частности лиц, занимающих государственные должности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Haas P. M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy // *Coordination. International Organization*. 1992. 46 (1), P. 1–35.

2. *Security: A New Framework for Analysis* / Buzan, B.G.; Wæver, O; de Wilde, J.H. London / Boulder, CO : Lynne Rienner, 1998.

3. Tuathail G. Ó., Agnew J. Geopolitics and discourse // *Political Geography*. 1992. 11(2). P. 190–204.

4. Tuathail, G. Ó. (1999) 'Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society', *The Journal of Strategic Studies*, 22, pp. 107–124, DOI: 10.1080/01402399908437756 (P. 109).

5. Горбулін В.П. Світова гібридна війна: український фронт. – К.: НІСД., 2017. – 496 с.

6. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // *Политическая наука*. – 2011. – № 4.: Региональное измерение политического процесса. – С. 31–52.

7. Проблеми зовнішньої політики та безпеки країни: думки та позиції експертів (лютий–березень 2023 р.) [Електронний ресурс] <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/problemy-zovnishnoi-politykuta-bezpeky-krainy-dumky-ta-pozytsii-ekspertiv-liutyi-berezen-2023r> (дата обращения: 08.08.2023)

8. Фокин, И. А. Институциональная инфраструктура политической науки в современной Украине / И. А. Фокин // Политическая наука. – 2015. – № 3. – С. 252-266.
9. Шепелев, М. А. Академическая колонизация украинской политической науки / М. А. Шепелев // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2, № 2. – С. 999-1013.

Светлакова М.А.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ПРИЧИНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В современных условиях колоссальное влияние на экономику многих европейских стран оказал энергетический кризис. После мировой проблемы с коронавирусом застоем 2020 года, на смену пришел энергетический кризис в 2022 году. Глобальная мировая экономика предстала перед новыми вызовами. Во многих странах инфляция начала расти быстрыми темпами, чем не оправдала прогнозы экспертов и их реакции на кризис 2022 года. Ввиду этого, энергетическая безопасность и связанные с ней угрозы являются одним из наиболее важных вопросов, которые стали на повестке дня у руководства большинства европейских правительств и правящих режимов в мире.

Ключевые слова: энергетика, кризис, политический фактор, политическое противостояние, энергетический кризис, энергетическая безопасность.

Svietlakova M.A.

ENERGY FACTOR WHAT A REASON FOR POLITICAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND GERMANY

In modern conditions, the energy crisis has had a tremendous impact on the economies of many European countries. After the global problem with the coronavirus stagnation of 2020, the energy crisis came to replace it in 2022. The global world economy is facing new challenges. In many countries, inflation began to grow at a rapid pace, which did not justify the forecasts of experts and their reactions to the 2022 crisis. In view of this, energy security and related threats are one of the most important issues that have become on the agenda of the leadership of most European governments and government regimes in the world.

Key words: energy, crisis, political factor, political confrontation, energy crisis, energy security.

На рубеже XX-XXI веков в силу определенных геополитических и экономических условий именно энергетическая безопасность заняла ведущее место в обеспечении национальной безопасности государства. Ввиду этого, категория энергетики даже в самых развитых странах, которые импортировали энергоресурсы, стали зависимыми от национальной экономики и возможных сбоев в поставках энергии и топлива. Исходя из этого, решение любых вопросов в сфере энергетики стало выходить на новый уровень экономического сотрудничества.

Международное энергетическое агентство характеризует энергетическую безопасность как «надежный, доступный по цене доступ ко всем видам топлива и источникам энергии». Кроме этого, в Европейской стратегии энергетической безопасности ЕС (2014 года) подчеркивается особая важность стабильных поставок энергии для европейского развития и безопасности [1].

Как факт, энергетическая безопасность воспринимается европейским потребителем как должное. С другой стороны, даже частичные перебои в поставках энергии могут повлечь за собой серьезные последствия.

Европа стремится признать, что для достижения стабильности в сфере энергетической безопасности на всех уровнях, особенно с учетом широкого спектра рисков, с которыми она сталкивается сегодня нужно заново перестроить политику в области энергопоставщиков [2]. Геополитические проблемы, с которыми сталкиваются крупные производители, серьезные колебания цен на товары и услуги, являются прямой угрозой невозможности существования стабильной энергетической системы. Растущая зависимость Европейского энергетического союза от ограниченного числа поставщиков энергоносителей, в частности из России, привели к четкому европейскому заявлению о принятии новой стратегии, которая должна быть направлена на диверсификацию источников поставок.

Последствия европейской энергетической зависимости не ограничились только угрозой международной энергетической безопасности в целом, но и породили перспективу подорвать европейскую внешнюю политику. Это показала тенденция европейских государств минимизировать вмешательство в острые политические разногласия российской стороны, чтобы избежать влияния на их поставки энергии.

В свою очередь, Германия видела свои перспективы развития энергетики исключительно в контексте проведения, так называемой «зеленой политики» совместно с Европейским Союзом. Немецкое руководство в своих программных документах предвидела строительство в Европе качественно новой системы производственных стандартов, которая будет основана на углеродной независимости и постоянном использовании обновленных источников энергии. Такие планы были включены в коалиционный договор немецкого правительства, который был разработан руководством еще в 2021 году [2].

Как следствие, трансформация перехода Германии на полноценно «зеленый» уровень предусматривает наличие переходного этапа в плане энергетического обеспечения. В свою очередь, немецкое правительство хотело увеличить использование природного газа, в первую очередь, за счет увеличения поставок из Российской Федерации по газопроводу «Северный поток-2» [3].

Стоит отметить, что за последние 40 лет энергетический баланс Германии как государства трансформировался от первых рядов нефти и угля к серьезной диверсификации. Несмотря на это, топливо по-прежнему занимало ведущие позиции в энергоснабжении, в большей мере за счет внутренней добычи угля, а также импорта газа и нефти.

Как показывают статистические данные, то в 2018 году на топливо было выделено 80% полезных ископаемых, в тоже время на углеродные источники энергии отводилось 22%. Отдельно на ядерную энергетику, помимо выше обозначенных источников (которая была внедрена в 70-х годах после нефтяного кризиса) было выделено 13% [3].

Германия является страной, которая сильно зависит от количества ископаемого топлива и имеет серьезную проблему декарбонизации. Еще в 2010 году страна представила свой план энергетической трансформации для того, чтобы продвинуть свою энергоэффективность и обновить источники энергии. После аварии на атомной электростанции «Фукусима» в 2011 году Германия решила полностью отказаться от производства ядерной энергетики как раз к 2022 году, прислушиваясь к опасениям населения страны по вопросу ядерной безопасности[3].

Таким образом, было принято решение о поэтапном отказе от атомной энергетики, что усложнит задачу по строительству новой низкоуглеродной энергосистемы, которую планируют создать приблизительно к 2050 году. В связи с этим, Германия поставила перед собой цели по выполнению обновленных источников энергии в выработке электроэнергии к 2030 году до 50%, к 2040 году до 65%, и к 2050 году до 80%. Отметим, что в 2018 году цель была достигнута до 38% [4].

Чтобы успешно выполнять поставленные задачи, начиная с 2000 года Германия активно продвигает и внедряет новые источники энергии, например ветряные турбины в северных регионах, солнечные установки для производства электроэнергии, с учетом льготного тарифа и другие. Также с 2000 года увеличение новых источников энергии зачастую было компенсировано частичным отказом от ядерной энергетики. В том же 2018 году на природный газ и уголь, также было отведено 52% от общей суммы по выработке электроэнергии. При этом, исходя из своего политического долга, в пособничестве декарбонизации, Германия стала планировать плавный отказ от угля ориентировочно к 2038 году [4].

На сегодня, Германия выделила более 260 миллиардов евро (275 миллиардов долларов) на устранение непосредственных рисков энергетического кризиса, который был вызван специальной военной операцией России на Украине, но итоговое решение будет намного дороже, если у страны получится справиться с нарастающим кризисом.

По прогнозам печатного издания Блумберг, к 2030 году ожидаемая стоимость будущей защиты энергетической системы Германии составит более 1 триллиона долларов. Затраты включают в себя вложение в модернизацию электросетей, а также, создание плана поэтапного отказа от атомных и угольных электростанций. Помимо этого необходимо будет удовлетворить растущий спрос со стороны электромобилей и систем отопления и выполнения обязательств по климату. Как заявил вице-канцлер Германии Роберт Хабек, это достаточно смелое решение и проект со времен реконструкции Германии [4].

Правительство Германии, анонсировало, что в 2023 году будут подготовлены тендеры на газовые установки. В тоже время, для расширения использования возобновляемых источников энергии установка одной ветряной мельницы может занять до семи лет, чтобы устранить бюрократические препоны Германии.

Как следствие, отказавшись от ядерной энергетики и угля, Германия предприняла политику приобретения терминалов для импорта более дорогого сжиженного природного газа, стремясь обеспечить энергией свою экономику с высоким уровнем промышленного производства. В то же время, по оценкам правительства, к 2030 году спрос на электромобили, тепловые насосы и электролизеры для производства водорода увеличится на 33%.

В основе деятельности Германии заложены политические планы по поэтапному отказу от определенных источников энергии без четкого определения путей их замены. Последние три атомные электростанции страны могут закрыться, поэтому страна стремится ускорить отказ от угля до 2030 года. Проблема усилилась после того, как Россия — основной поставщик энергии в Германию до войны — сократила поставки газа [5].

Таким образом, рост цен, который мы можем наблюдать сегодня на энергоносители стал серьезным вызовом для энергетической политики Германии в целом. Высокие цены на энергоносители сейчас ложатся дополнительным бременем на прибыльность и конкурентоспособность Германии. В энергетическом кризисе страдает и социальная сфера, которая отображается на уровне безработицы в стране.

Отказ от российского газа, за который выступали представители партии «Зелёные» и несколько политиков из других партий, не стало на данный момент актуальной повесткой дня Германии. Следует отметить, что именно партия «Зелёные», которые в большинстве отвечают за профильные министерства, вынуждены отстаивать перед другими радикально настроенными политиками необходимость продолжения закупок газа у Российской Федерации. Потому как, по мнению даже достаточно радикальных немецких дипломатов отказ от российского газа не может произойти за один день, это продолжительный процесс длительностью в десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Europe's Energy History: a Story with Twists and Turns URL: <https://www.planete-energies.com/en/media/article/europes-energy-history-story-twists-and-turns> (дата обращения 27.07.2023).
2. Энергетическая безопасность по-европейски URL: <https://energypolicy.ru/energeticheskaya-bezopasnost-po-evropejski/gaz/2023/15/16/> (дата обращения 26.07.2023).
3. Information en zur Energie politikin Deutschland URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/866100/85305bd6308ed6d8e62af3eaf0214c49/WD-5-068-21-pdf-data.pdf> (дата обращения 02.08.2023).
4. Traufetter G. Wiesich Deutschland un abhangig von Russlands Energiemachen will URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/service/so-will-sich-deutschland-unabhaengig-von-russlands-energie-machen-a-ebd11ed6-44ac-4b7a-bc0b-1bd84a080bdf> (дата обращения 02.08.2023).
5. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения 21.07.2023).

СЕКЦИЯ 3

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

РОССИЯ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Создание евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией.

Ключевые слова: Россия, глобализация, расовая война, разнорасовый силовой центр.

Gaikin V.A.

RUSSIA IN THE PROCESSES OF GLOBALIZATION

The creation of the Eurasian Economic Union is not a "whim of the Kremlin elite", but a natural (intermediate) result of the world historical process. In this program of transformation of the Eurasian political space, reintegration in the space of the former USSR, Pacific Russia will be assigned an important role as an integrative subsystem that ensures economic cooperation with the Korean states and Japan.

Key words: Russia, globalization, race war, multiracial power center.

1. Историко-философские предпосылки моделирования

Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К.Марксу «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [1, с. 386, 387]. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие техники, технологий (компьютеризация, роботизация) выводит человека из сферы производства, эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество), как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества, коим была межрасовая конфронтация.

Целью расовой войны будет не захват рабов, создание империй или смена общественного строя. Этот конфликт станет самым страшным в

истории, главной и единственной целью которого будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста. Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события (расовой войны) нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте - с возрастающей скоростью (Рис.1).

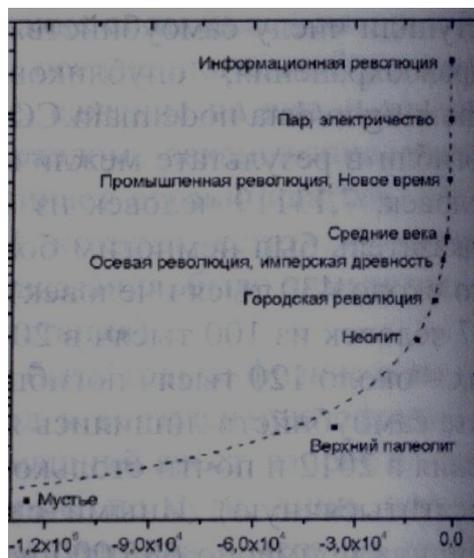

Рисунок 1. Экспоненциальная кривая развития технологий и общества по А.Д. Панову [2]

Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер - несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, и вступление человечества в (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080 – 2100 гг.)

Похожую дату предложил позже меня (возможно независимо от меня) известный общественник Гринин, согласно которому, завершающая фаза кибернетической революции приходится на 2060-е, 2070-е годы. Правда в отличие от меня Гринин не даёт никаких логических или математических обоснований этой даты и не связывает комплексную автоматизацию производства с качественно новым этапом человеческой истории[3, с.177].

2. Моделирование глобализации

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003г. была найдена

ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона[4]). Её содержание составляют тысячи математических формул, вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г. Такие «экзотические» гипотезы, основанные на библии, астрологии и др. не принято считать заслуживающими внимания научными теориями, поэтому я цитирую выводы Ньютона, просто как удивительное совпадение прозрений гениального учёного и наших скромных концепций.

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080-2100 гг.) и футурпрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события!, то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%). Такие «экзотические» гипотезы, основанные на библии, астрологии и др. не принято считать заслуживающими внимания научными теориями, поэтому я цитирую выводы Ньютона, просто как удивительное совпадение прозрений гениального учёного и наших скромных концепций.

Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Российско-белорусское союзное государство, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Белоруссия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты). Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. «Проект Туманган, как и последовавший за ним проект «Один путь – один пояс» (Евразийский транспортный коридор в обход России) это изоляция Союзного государства (Россия, Белоруссия), дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая. «Развитие трансевразийских торговых маршрутов сегодня отражает вторичные тренды внешнеэкономической жизни Китая. А вот втягивание соседей Китая в орбиту модели «Азия для азиатов» - тенденция первичная. Это не только шёлковый путь но и новая евразийская империя [5, с. 3]. Его антипод это Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глоболизирующегося мира, в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу (Рис.2).

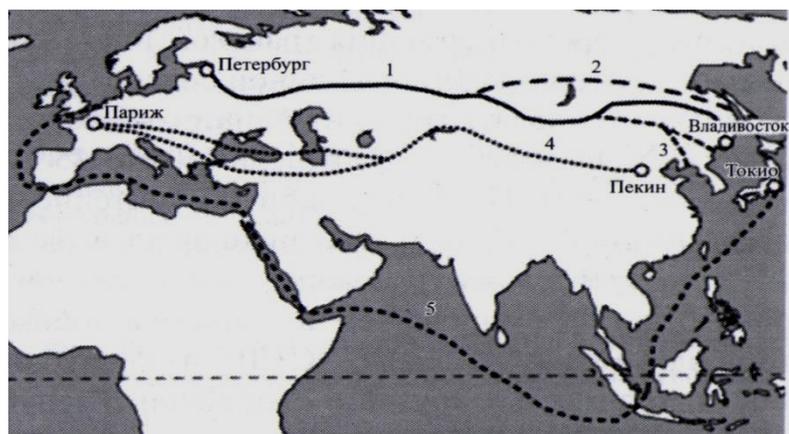

Рисунок 2. Евразийский транспортный коридор в обход Союзного государства (точечный пунктир)

Наша концепция о третьем силовом центре, снижающем уровень конфронтации между двумя конфликтующими доминантными полюсами нова только для европейской философской традиции. В древнекитайской философии констатация такой триады – аксиома. («противоположные поля инь и ян сливаются в единство и образуют новый ритм цзы. Вместе с инь и ян он составляет генетическую триаду культуры Дао: инь-цзы-ян»)[6].

Заключение

Создание евразийского экономического союза не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. В этой программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с Корейскими государствами и Японией.

Практическими «рычагами» интеграции будут строительство моста мыс Погиби - остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами. Аналогичная программа в отношении Корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские ж.д. состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистрали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М. 1970
2. Панов А.Д. Завершение планетарного цикла эволюции // Философские науки. 2005. №4. сс. 31 – 42.
3. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Кибернетическая революция и шестой уклад. // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. с. 172 – 181.
4. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 19.06.2007.
5. Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора азиатской политики России. М: Международные отношения, 2016.
6. Становление китайской философии. Культура Дао. Реставрация ... [Электронный ресурс] <http://www.bibliotekar.ru/filosofiya/13.htm> (дата обращения: 10.10.2015).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

В современной теории международных отношений диапазон теоретических интерпретаций и подходов к анализу российской внешней политики довольно велик – от открытого неприятия, враждебности и предельной ангажированности до демонстрации нейтральности и научной объективности. При этом, как это не парадоксально, тема «непонимания» основных интенций внешнеполитического курса России нередко выглядит неким общим моментом, сближающим позиции западных специалистов. В настоящее время можно вполне констатировать, что в теоретическом плане концепция конкуренции мировых держав достигла пика популярности, что нередко вызывает различного рода преувеличенные оценки и реакции.

Ключевые слова: внешняя политика, мировые державы, конкуренция, либерализм, международный анализ, политический реализм, политическая теология.

Gutorov V.A., Shirinyants A. A.

RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF COMPETITION OF WORLD POWERS: A CRITICAL ANALYSIS OF WESTERN CONCEPTIONS³

In the modern theory of international relations, the range of theoretical interpretations and approaches to the analysis of Russian foreign policy is quite wide - from open rejection, hostility and extreme bias to the demonstration of neutrality and scientific objectivity. At the same time, paradoxically as it may seem, the topic of “misunderstanding” of the main intentions of Russia's foreign policy often looks like a kind of common moment that brings together the positions of Western experts. At present, it can be fully stated that, theoretically, the concept of competition between world powers has reached its peak of popularity, which often causes various kinds of exaggerated assessments and reactions.

Keywords: foreign policy, world powers, competition, liberalism, international analysis, political realism, political theology.

В теории международных отношений в последнее десятилетие XXI в. анализу сложных проблем внешней политики России уделяется особое внимание. Нарастание кризисной ситуации, связанное с украинским военным конфликтом и глобальным противостоянием России и Запада, стимулирует стремление ученых, придерживающихся самых различных идеологических позиций, лучше понять причины данного конфликта путем изучения тех условий, в рамках которых формируется и реализуется внешняя политика России в отношении США, стран Европы, Дальнего и Ближнего Востока, Африки др., включая аналитику реальных институтов, непосредственно участвующих в ее формировании – государственных структур, дипломатии, армии, средств массовой информации (см., например: [1, 2, 3, 4, 5]). Диапазон теоретических интерпретаций и подходов к анализу российской внешней политики довольно велик – от открытого неприятия, враждебности и

³ Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет-2030»; The publication was supported by the MGIMO University «Priority-2030» programme.

предельной ангажированности до демонстрации нейтральности и научной объективности. При этом, как это ни парадоксально, тема «непонимания» основных интенций внешнеполитического курса России нередко выглядит неким общим моментом, сближающим позиции западных специалистов. Данная тенденция очень рельефно выражена в книге Магдалены Лейхтовой «Непонимание России: российская внешняя политика и Запад»: «Российская Федерация для меня – увлекательный объект исследования. Ее размеры, ее мощь и слабость, ее международные значимость и бессодержательность – все это объединяется в уникальный ансамбль, который едва ли можно понять с помощью традиционных аналитических инструментов... В международной политике Россия резко опустилась по лестнице глобального влияния с самого высокого положения до уровня региональных держав – позиции, которую Россия, однако, не желает занимать и вести себя соответствующим образом. Россия – страна, бросающая вызов всем классификациям, имеющимся в области политической науки и теории международных отношений... Она имеет рыночную экономику и является членом Всемирной торговой организации (ВТО), но в то же время ее экономическое выживание зависит от деятельности государственных компаний. Россия демонстрирует ряд признаков, типичных для демократических институтов, но она не демократична по западным меркам. В случае России с большей очевидностью, чем в других, обозначенные выше подходы к внешнеполитическому анализу, придающие значение лишь отдельно взятым аспектам обоснования и применения последнего, оказываются бесполезными»[6, р. 1].

Сформулированная М. Лейхтовой позиция, на наш взгляд, выглядит правомерной лишь в одном отношении: в ней, несомненно, присутствует ощущение невозможности свести воедино западные концепции российской внешней политики, которые очевидно противоречат друг другу. Такое ощущение отражает вполне реальное положение вещей. В этом плане наиболее надежным и простым выходом является последовательный анализ основных векторов континуума теоретических интерпретаций с предварительным выделением крайних «точек», между которыми они располагаются. На наш взгляд, одна крайняя точка обозначенного выше континуума объединяет многообразные интерпретации представителей различных версий концепции «политического реализма»; на другом конце континуума находится конгломерат, объединяющий сторонников традиции политического идеализма и инновационных направлений политической теологии.

Новейшая попытка анализа глобальных аспектов внешней политики России с позиций *политического реализма* представлена в редакторском предисловии Валентина Наумеску к сборнику «Внешняя политика великих держав: на подступах к глобальной конкуренции и войне России против Запада»: «Упадок мультилатерализма, открытого общества и международной системы, основанной на правилах, равно как и обесмысливание либеральных ценностей в мировой политике последнего десятилетия вызвали

обеспокоенность относительно перспектив глобального либерального порядка... Российское вторжение в Украину, начавшееся 24 февраля 2022 г., хотя оно изначально рассматривалось как региональная попытка России восстановить свою сферу влияния в Восточной Европе и сохранить буферную зону с НАТО, также представляет собой глобальный вызов для международного порядка. По сути, вторжение в Украину — это атака на европейский порядок безопасности, сложившийся после окончания “холодной войны”. Стратегическое сближение России и Китая может сигнализировать о новой и растущей угрозе глобальному либеральному порядку и господству Запада. Молчание Глобального Юга разочаровывает. Иногда трудно провести четкую границу между соперничеством великих держав и международным ревизионизмом. От ревизионизма до войны всего один шаг» [7, р. 1].

Сторонники *политико-теологического* подхода, напротив, стремятся связать сформировавшуюся в последние два десятилетия концепцию российской внешней политики с идеей «консервативного поворота», в основе которого лежит традиция христианской эсхатологии и мессианизма. По их мнению, новая тенденция в российской политике обусловлена возвращением к культурно-политической идеологеме «катехона» (от греч. ὁ κατέχων — «удерживающий»), которая была предложена рядом правых интеллектуалов в качестве фундамента новой государственной идеологии и политики безопасности России. Богословская концепция *Катехона*, защищающего мир от прихода *Антихриста*, берет свое начало в Византийской империи. В традиции русской политической мысли это понятие представлено в известном учении о Москве как «Третьем Риме», восходящем к XVI в. Сторонники подобной трактовки обычно подчеркивают, что термин «катехон» в современном российском политическом дискурсе является относительно новым и он тесно «привязан» к постсоветской рецепции политической теологии Карла Шмитта. В частности, Мария Энгстрём в статье «Современное российское мессианство и новая внешняя политика России» прямо утверждает, что концепция России как *Катехона* напрямую связана с политикой национальной безопасности и обороны и используется в качестве идеологической основы «новой волны милитаризации» (см. подробнее: [8, р. 356–379]).

Между обозначенными выше крайними пунктами теоретического континуума расположено множество концептуальных интерпретаций, векторы которых нередко направлены в противоположные стороны. На рубеже XX–XXI вв. кризис неолиберальной модели глобального порядка, составлявшей на протяжении нескольких предшествующих десятилетий идеологическую основу гегемонии Запада, способствовал радикальному пересмотру форм и способов аналитики феномена конкуренции в политической теории и социальных науках. Примечательным моментом данного изменения было стремление многих специалистов дистанцироваться от традиционной неолиберальной риторики и исследовать новейшие тенденции и модификации конкуренции на уровнях мировой и национальной

политики с принципиально новых методологических позиций. В настоящее время можно вполне констатировать, что в теоретическом плане концепция конкуренции мировых держав достигла пика популярности, что нередко вызывает различного рода преувеличенные оценки и реакции: откровенный научный энтузиазм довольно часто соседствует с крайним скепсисом и даже неприкрытым сарказмом. «Путь от свежей идеи к клише, - отмечает В. Наумеску, - иногда бывает сложным и удивительно коротким. Мы должны знать, как этого избежать, сохраняя суть и устанавливая различия. Конкуренция великих держав в настоящее время является интенсивно используемым термином. Мы живем в “эпоху соперничества великих держав”. На уровне правительств, дипломатии, аналитических центров, СМИ и научных кругов почти каждое мнение так или иначе затрагивает этот вопрос. Но откуда оно взялось и каковы были его первоначальные и нынешние значения?» [7, р. 7].

Истоки подобных скептических реплик вполне понятны. Как правило, их непосредственной причиной является явное противоречие между символическим значением понятия «конкуренция» с его многообразными «ритуальными коннотациями» в традиционной либеральной культуре и современным глобальным кризисом самой идеи и практик либерализма (см. подробнее: [9, р. 241–242, 279–280]). Тем не менее, на наш взгляд, либеральное утопическое восприятие идеи конкуренции, имеющее явно идеологический подтекст, ни в коем случае нельзя отождествлять с тем вполне прагматическим, сформировавшимся на протяжении многих десятилетий научным канонам ее интерпретации, дезавуировать который на данный момент никому из серьезных ученых не приходит в голову. Как вполне справедливо отмечал Пол Майкл Кеннеди еще в конце 1980-х гг., этот канон сконцентрирован, прежде всего, «на взаимодействии между экономикой и стратегией, поскольку каждое из ведущих государств в международной системе стремилось увеличить свое богатство и свою мощь, стать (или остаться) одновременно богатым и сильным. Относительная сила ведущих наций в мировых делах никогда не остается постоянной, главным образом из-за неодинаковых темпов роста различных обществ и технологических и организационных прорывов, которые предоставляют одному обществу больше преимуществ, чем другому» ([10, р. XV–XVI]; ср.: [11, р. 5]). Как показывает опыт, именно данное, обозначенное П. Кеннеди и его сторонниками, направление дискуссии вокруг глобальных проблем конкуренции, дает наилучшие результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gvosdev N.K., Marsh Chr. Russian Foreign Policy: Interests, Vectors, and Sectors. Thousand Oaks, California: CQ Press, 2014. 456 p.
2. Russia, Eurasia and the New Geopolitics of Energy: Confrontation and Consolidation. Ed. by Matthew Sussex, Roger E. Kanet. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 252 p.
3. Shifting Priorities in Russia's Foreign and Security Policy. Ed. by Remi B. Piet, Roger E. Kanet. Farnham; Burlington: Ashgate, 2016. 236 p.

4. Routledge Handbook of Russian Foreign Policy. Ed. by A.P. Tsygankov. London; New York: Routledge, 2018. 439 p.
5. Russia and the World in the Putin Era: From Theory to Reality in Russian Global Strategy. Ed. by Roger E. Kanet, Dina Moulioukova. London; New York: Routledge, 2022. 306 p.
6. Leichtova M. Misunderstanding Russia: Russian Foreign Policy and the West. Farnham; Burlington: Ashgate, 2014. 168 p.
7. Great Powers' Foreign Policy: Approaching the Global Competition and the Russian War against the West. Ed. by Valentin Naumescu. Leiden; Boston: Brill, 2023. 497 p.
8. Engström M. Contemporary Russian Messianism and New Russian Foreign Policy // Contemporary Security Policy, 2014. Vol.35. No.3. pp. 356 - 379.
9. Hearn J. The Domestication of Competition: Social Evolution and Liberal Society. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2023. 321 p.
10. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500-2000. London; Sydney; Wellington: Unwin Hyman, 1988. 677 p.
11. Nye J.S. Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China. Singapore: Springer, 2023. 208 p.

Панкратов С.А., Панкратова Л.С.

«ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ

В работе раскрываются факторы и условия, обуславливающие институциональный приоритет взаимодействия со странами Востока в современной внешней политики России как государства - цивилизации. Акцентируется внимание на технологиях соблюдения интересов и обеспечения безопасности РФ в контексте реализации санкционной политики со стороны недружественных стран.

Ключевые слова: внешняя политика, восточный вектор, Россия, цивилизации, приоритеты, безопасность, интересы, санкционная политика

Pankratov S.A., Pankratova L.S.

«EASTERN VECTOR» OF FOREIGN POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: CIVILIZATION FOUNDATIONS AND PRIORITIES

The article reveals the factors and conditions that determine the institutional priority of interaction with the countries of the East in the modern foreign policy of Russia as a state-civilization. The attention is focused on technologies for observing the interests and ensuring the security of the Russian Federation in the context of the implementation of the sanctions policy by unfriendly countries.

Key-words: foreign policy, eastern vector, Russia, civilizations, priorities, security, interests, sanctions policy.

Современное состояние мирового сообщества характеризуется конфликтностью межгосударственных интересов и приоритетов, во многом определяемых отношением правящих элит к объективному процессу трансформации однополярного мира к многополярной системе мироустройства. «Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные

возможности незападных мировых держав и региональных стран – лидеров» [1].

Следует признать, что именно Российская Федерация выступила одним из действенных субъектов по реструктуризации сложившейся и институционально закреплённой (в определенных исторических условиях) системы международных отношений, инициировав консолидацию усилий незападных стран в контексте формирования многополярности и «искоренения» гегемонии «мнимого превосходства» немногих во главе с США. Фактически «Россия стала первой крупной державой, которая, руководствуясь собственными представлениями о безопасности и справедливости, решила отказаться от благ “глобального мира”, создаваемых единственной сверхдержавой (США)» [2, с. 7].

С другой стороны, кризисное состояние России со странами «коллективного Запада» способствовало переосмыслению внешнеполитических приоритетов, дав стимул к активизации «восточного вектора» в реализации внешней политики, в том числе азиатского и тихоокеанского направлений. Однако, авторы статьи исходят из того, что данный «восточный поворот» имеет не сиюминутный (как считает ряд экспертов, вынужденный) характер, а базируется, в том числе, на глубоких историко-культурных, социально-политических основаниях. Важно подчеркнуть, что содержание и контуры «восточной политики» России менялись в исторической перспективе по мере включения в состав государства новых территорий, сохраняя при этом преемственность в осознании значимости многоликих (этнически, конфессионально и т.д.) «восточных соседей» с их многовековой цивилизационной спецификой в отстаивании собственных интересов [3].

В «Концепции внешней политики Российской Федерации», утверждённой в марте 2023 года, в этой связи обращает внимание целый ряд аспектов, в том числе: акцент на позиционировании России как государства – цивилизации, а также четкое ранжирование ее региональных приоритетов с учетом реалий первой трети XXI века и перспектив динамических изменений мировых политических процессов: ближнее зарубежье, Арктика, Евразийский континент, КНР, Индия, Азиатско-Тихоокеанский регион, исламский мир, Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, Европейский регион, США и другие англосаксонские государства, Антарктика [4]. С нашей точки зрения, использование цивилизационной составляющей при формулировании и реализации внешнеполитических приоритетов РФ расширяет возможности эффективного использования профессионального дипломатического инструментария и механизмов «мягкой силы» в условиях нынешней «турбулентной неопределённости» перехода от однополярности к многополярности. При этом важно учитывать, что доминирующие параметры миропорядка, основывающегося на «базовых индикативных показателях» европейской цивилизации, не только не признают, а скорее,

игнорируют достижения иных, тем самым способствуя воспроизводству «столкновения цивилизаций» [5].

Таким образом, «восточный поворот» во внешней политике РФ предполагает как в концептуальном и практическом смыслах, преодоление западнцентричного восприятия незападного мира, с одной стороны, так и переосмысление доминирующих альтернативных культурно-цивилизационных версий, одна из которых «полагала организующим принципом миропорядка противостояние унитарной и универсальной по своему потенциалу общечеловеческой цивилизации», а другая «исходила из сосуществования множественных цивилизационных проектов и предполагала, что основания нового миропорядка будут вырабатываться, а его перспективы проясняться непосредственно в процессе межцивилизационного взаимодействия» [6, с. 136].

Следует предположить, что «восточный вектор» во внешней политике России характеризует и поиск ответов на «прежние» вопросы, поставленные в процессе ее цивилизационного самоопределения. Социокультурно, историко-генетически и геополитически наша страна принадлежит и Западу, и Востоку, и ни тому ни другому в полной мере. По словам Н.Я. Данилевского «ни истинная гордость, ни истинная скромность не позволяют нам называть себя европейцами» [7, с. 60]. Вместе с тем Россию сближает с Востоком не только геополитическое соседство, но и политическая культура, примат государства над обществом, господство традиционных ценностей. При этом необходимо учитывать многообразие точек зрения при характеристике российской цивилизации в сравнении с иными цивилизационными образованиями, на которые совершенно справедливо акцентировал внимание В.Г. Хорос [8,9].

«Восточничество» русского социума неоднозначно (противоречиво) может восприниматься на столь обширном пространстве: двумя мировыми гигантами (Индия, Китай); экономическим центром (Япония) и странами Юго-Восточной Азии; гражданами двух корейских государств; представителями Афганистана и Пакистана (особенно после «бегства» американцев); при усилении влияния в региональной системе международных отношений Турцией и Израилем; Ираном, много лет находящимся под санкциями (и как утверждают ряд экспертов, РФ есть чему поучиться в свете проводимой русофобской политики недружественных стран); арабскими государствами, еще до конца не преодолевшими результаты и последствия «арабской весны». Что может предложить современная Россия и чем заинтересовать Саудовскую Аравию и Катар хотя бы в рамках проекта «Перспектива 2030», Ирак («План 2035»), Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Оман с их проектами до 2040 и 2050 гг. Более того, в контексте потенциальной смены (не исключая революционный путь) государственных и гражданских институтов, политических режимов и социально – экономических систем возникает проблема обеспечения устойчивости, стабильности и безопасности в системе глобальных и региональных координат.

В одном из ответов на вопросы журналистов Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что именно «недоговороспособность и лживость Запада... укрепляет нас в решимости в приоритетном порядке продолжать развивать южный и восточный векторы внешней политики» [10]. Следовательно «восточный вектор» современной России выступает проявлением отстаивания права на суверенность и многоаспектность сотрудничества странами не – Запада в условиях сопротивления «коллективного Запада» трансформации мира к многополярности. «При этом у России как государства - цивилизации есть внутренние (которые необходимо усиливать) и внешние ресурсы (которые необходимо расширять) для функционирования в качестве одного из ведущих центров притяжения в многополярном мире»[11, с. 234].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 02.08.2023).
2. Барабанов О. Н., Бордачёв Т. В., Лисоволик Я. Д., Лукьянов Ф. А., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н. Мир без сверхдержав. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodnyy-doklad/>(дата обращения: 02.08.2023).
3. Лукин А.В. Поворот к Азии. Российская внешняя политика на рубеже веков и ее активизация на восточном направлении / Дипломатическая академия МИД России. М.: Издательство «Весь Мир», 2014. 640 с.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>(дата обращения: 04.08.2023).
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33–48.
6. Лапкин В. В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
8. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 1. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. М.: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.
9. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. Кн. 2. Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.
10. Сотрудничество с «мировым большинством» и лживость Запада. Ответы МИД РФ на вопросы СМИ // URL: <https://tass.ru/politika/16915443>(дата обращения: 04.08.2023).
11. Панкратов С. А., Клинышанс Е. В. Россия в современной архитектуре международных отношений: прогнозные сценарии и границы допустимой реструктуризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 226–238.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА

Пространственный подход – один из основных в геополитических исследованиях. В то же время, отмечается своеобразная «боязнь географии», чрезмерное разграничение политики и географического пространства. Геополитика как таковая предполагает перманентное пространственное противостояние как своего рода норму общественно-политической борьбы. «Мечь географии» и «мечь геополитики» связаны с «возвращением» России в геополитику как её центрального объекта. «Оборончество» русского евразийства и проекты построения евразийской неоимперской системы под эгидой России выступают против агрессивного атлантизма.

Ключевые слова: политическое геопространство, геополитическая борьба, экспансия земного пространства, неоимперская геопространственная система.

Pozhidayev E. A.

THE RELEVANCE OF THE SPATIAL APPROACH IN THE STUDY OF THE GEOPOLITICAL CLASH BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

The spatial approach is one of the main ones in geopolitical studies. At the same time, there is a peculiar "fear of geography", excessive differentiation of politics and geographical space. Geopolitics as such presupposes permanent spatial confrontation as a kind of norm of socio-political struggle. "Revenge of geography" and "revenge of geopolitics" are connected with the "return" of Russia to geopolitics as its central object. The "defensiveness" of Russian Eurasianism and the projects of building a Eurasian neo-imperial system under the auspices of Russia oppose aggressive Atlanticism.

Keywords: political geospatial, geopolitical struggle, expansion of terrestrial space, neo-imperial geospatial system.

В условиях обострения геополитического противостояния России и Запада различные структуры политического пространства, их концептуальное осмысление подвергаются существенной корректировке. Происходит обновление политических пространств, возникают новые противоречия в их взаимодействии с национальными государствами. Привычные категории, процессы геополитики, подходы к их исследованию требуют нового осмысления.

С одной стороны, пространственный подход в политических исследованиях самых разных направлений, безусловно, уже завоевал достаточную популярность. Однако при этом политические географы отмечают «своеобразную «боязнь» географии, стремление отгородить терминологическим барьером политику от географического пространства. Для этого используется на первый взгляд тот же аргумент, что и при решении предыдущего вопроса, а именно разграничение понятий пространства и среды. Это действительно оправдано в случае рассмотрения лишь функционального политического пространства, без охвата вопросов политической географии и геополитики. В противном случае возникают противоречия» [1, с. 76].

Следует подчеркнуть в значительной степени определяющую роль геопроостранственного измерения в отношении содержательных и сущностных параметров многих политических явлений, так же как и наоборот – отражение политики в геопроостранстве. Исследование механизмов и форм контроля над геопроостранством – одна из основных задач геополитики, утверждают ведущие политические географы России [2, с. 21]. Однако, как механизмы, так и формы контроля над пространством меняются со временем. Поэтому особо акцентируется внимание на смене концепции сплошного контроля над пространством в прикладной геополитике, свойственной для системы «метрополия – колония», концепцией контроля над «линиями» – коммуникациями, материально-вещественными и информационными потоками, а также над геополитическими базами.

Геополитика как таковая предполагает перманентное пространственное противостояние как своего рода норму общественно-политической борьбы. В связи с этим, геополитическая оценка реальности зачастую подразумевает необходимость наступательных действий вследствие разделения пространства на «своё» и «чужое» – «природно» враждебное. На этом фоне, кстати, русское евразийство выделяется характерным для него «оборончеством». Это следует из утверждений евразийцев об объединительных свойствах пространства по отношению к обществам со схожими ценностями, а также о защитной функции пространственного месторазвития. Таким образом, евразийство, благодаря осмыслению пространственного аспекта геополитического противостояния, выступает непримиримой альтернативой вестернизации и атлантизму.

В новом столетии в научно-политический дискурс вошли выражения «месть географии» и «месть геополитики», как укор в недооценке географических факторов в политике, в соответствии с говорящими названиями статей западных публицистов Р. Каплана и Л. Бассетса. Особенно примечательно, что последний прямо увязывает ренессанс геополитики с «возвращением» России как её центрального объекта (в 2014 году!). И всё потому, что у России, которая по факту географии контролирует «Сердце мира» (“Heartland”), осталось стремление, а значит, и способность... организовать своё собственное пространство в его «моральных и материальных источниках» «соответственно его массе» [3]. Что, в свою очередь, перефразируя Р. Каплана, не только «делает идею Евразии как единого континентального органичного целого довольно рациональной», но и ставит под вопрос универсальность «моральных заповедей западной демократии» [4].

Контроль физического пространства и в XXI в. остаётся важнейшей формой геополитической борьбы. Контроль над ресурсами – сырьевыми, демографическими и пр. – даёт возможность усилить своё государство, в том числе, и за счёт других.

Одной из важнейших черт экономического и политического развития западных держав, ещё недавно по историческим меркам открыто бывших

метрополиями колониальных империй, являлась непрерывная, тотальная и неограниченная экспансия земного пространства, систематический захват и освоение новых источников сырья и рынков сбыта по всему миру. Прямая спатальная агрессия фактически легла в основу всего механизма самовоспроизводства их государственности. Сверхактивная экспансия ведущих капиталистических государств привела к кон. XIX – нач. XX вв., в частности, к разделу на сферы влияния почти всего пространства планеты.

Прерывание по каким-либо причинам этой тенденции, связанной с геополитической и геоэкономической глобальной экспансией грозило неизбежным крахом для всех этих «развитых капиталистических держав». Остановка либо существенное торможение данного процесса захвата и освоения «ничейных» пространств, означало для колониальных держав Запада неминуемый распад и гибель (что и подтвердили в той или иной мере события Первой Мировой войны). Геополитические и геоэкономические возможности поступательного экономического развития западных стран оказались в значительной степени исчерпаны к началу XX в., в связи с исчерпанием новых сфер геополитического и геоэкономического влияния за пределами границ «цивилизованных государств». При этом обеспечение и поддержание устойчивого развития по-прежнему требовало захвата новых пространств. Новый передел «зон интересов» потребовал развязывания масштабной глобальной войны.

С другой стороны, в основу геостратегии РФ на мировой арене положена концепция многополярности [5]. При этом, в геополитике РФ на постсоветском пространстве на протяжении как минимум последних 20 лет усматриваются попытки формирования неоимперской геопространственной системы, безусловно, под эгидой России [6]. Необходимость лидерства России в данном мировом регионе очевидным образом обусловлено как географическими и историческими факторами, так и спецификой сугубо геополитического расклада сил, возникшего не позднее эпохи начала так называемой «Большой игры» (имперского противостояния России и Британии в XIX в.).

Примечательно, что реализация проекта построения подобной евразийской неоимперской системы, по крайней мере, официально ориентируется на формировании разнообразных геопространственных структур, предусматривающих добровольное сближение постсоветских стран в направлении экономического, военно-политического, культурного и других видов сотрудничества. Такая схема межгосударственного взаимодействия, судя по всему, предполагает, *de facto* не только лидерство, но и гегемонию Российской державы в регионе, при сохранении суверенитета её союзников.

Основаниями для такого рода амбиций служит очевидный рост геополитической самостоятельности РФ и её дееспособности как одного из главных акторов в мировой политике. Обострение противоборства с коллективным Западом скорее подтверждает данный вывод. Российская Федерация сегодня повысила ставки в деле обеспечения своих геополитических интересов вплоть до готовности применять военную силу.

Всё более интенсивно генерируются идеи и символы неоимперского центра, прилагаются усилия по их распространению как на территории некогда постсоветского пространства, так и за его пределами. В результате, политика России существенно трансформирует геополитический порядок, прежде всего, вблизи её границ.

Таким образом, внимание к пространственному фактору в контексте геополитической борьбы представляется всё более актуальным. Особенно ярко борьба за геополитическое пространство проявляется сегодня в противостоянии России и Запада. Впрочем, основные принципы пространственного подхода в геополитических исследованиях являются, по своему, универсальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елацков А.Б. Геополитическое поле // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история № 3-4 (55), 2016 г. – С. 76–80.
2. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.
3. Бассетс Л. Месть геополитики. URL: <http://inosmi.ru/world/20140311/218428380.html>
4. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. URL: <http://www.rulit.me/books/mest-geografii-chto-mogut-rasskazat-geograficheskie-karty-o-gryadushchih-konfliktah-i-bitve-protiv-n-read-405600-1.html>
5. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1>
6. Гольцов А.Г. Трансформации геополитического порядка на постсоветском пространстве // Полития. – №1 (80) 2016. – С. 54–72.

СЕКЦИЯ 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РЕГИОНА ПУТЕМ РЕФЕРЕНДУМА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данный текст посвящен анализу референдумов, направленных на изменение политического статуса регионов. Автор ставит фундаментальный вопрос, возможно ли проведение таких референдумов на региональном уровне в ситуации, когда это не предусмотрено национальным законодательством. Для ответа на данный вопрос анализируются референдумы в Норвегии, Исландии, Северной Ирландии, Косово, Гагаузии и Испании. В заключении делается вывод о том, какие институциональные аспекты существуют при проведении референдумов об изменении политического статуса региона.

Ключевые слова: референдум, региональный референдум, политическая партиципация, Каталония, Гагаузия.

Aksenov I. V.

THE POLITICAL STATUS OF REGION CHANGING BY REFERENDUM: THE INSTITUTIONAL ASPECT

This text is devoted to the analysis of referendums aimed at changing the political status of the regions. The author raises the fundamental question whether it is possible to hold such referendums at the regional level in a situation where this is not provided for by national legislation. To answer this question, the referendums in Norway, Iceland, Northern Ireland, Kosovo, Gagauzia and Spain are analyzed. In conclusion, a conclusion is made about what institutional aspects exist when holding referendums on changing the political status of the region.

Keywords: referendum, regional referendum, political participation, Catalonia, Gagauzia.

В современном мире неуклонно возрастает интерес к институту референдума. В особенности – на региональном уровне. Актуальные исследования показывают, что данный процесс является следствием развития понятия о региональной идентичности как таковой. «В объективном плане региональная идентичность часто выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, когда данный регион становится институционализированным в определенном виде сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами и состоит из производства региональных границ, системы символов, смыслов и институтов» [1]. И если институт референдума зародился, отчасти, как способ реализации идей гражданского национализма, то процессы регионализации требуют его значимой реконцептуализации.

Для понимания особенностей воспроизводства референдума на уровне регионов, необходимо обратиться к актуальным типологиям. По мнению экспертов, именно классификации имеют наибольшее теоретическое и прикладное значение в анализе особенностей форм политического участия [2]. Базовая территориальная типология предполагает, что референдумы проводятся на национальном и местном уровне в унитарных государствах; на национальном, региональном и местном в федеративных [3; 18]. Подобный подход предполагает, что право на региональный референдум закрепляется,

прежде всего, в федеративных государствах. Однако практика показывает, что в унитарных оно может быть востребовано даже больше.

Существует множество примеров, когда самой целью проведения референдума становилось расширение возможностей для политического участия институционализированного региона. Например, в 2014 году в Гагаузии прошел референдум, целью которого было наделение региона правом участия во внешней политике [4]. Фактически плебисцит предоставлял населению правовые гарантии реализации принципа самоопределения народа при условии изменения политико-правового статуса страны. Он касался двух вопросов. Во-первых, вопросов ассоциации с ЕС и странами Таможенного Союза. Во-вторых, права сепарации в случае присоединения страны к Румынии. Примечательно, что реакция со стороны Молдавии была жесткой: голосование признано незаконным, а на основных организаторов возбудили уголовные дела.

Такая реакция властей страны объясняется не только политическими опасениями, но и фактическим отсутствием нормативно-правовой базы для проведения референдумов такого рода [5]. Это приводит к ситуации, когда право на волеизъявление граждан фактически не может быть реализовано

Похожая ситуация имела место быть в 2017 году в Испании. Результатом неудовлетворенности политикой центрального правительства стало проведение референдума о независимости Каталонии. В отличие от молдавского примера, предметом плебисцита стало прямое намерение выйти из состава государства. В обоих случаях голосования были поддержаны и организованы региональными органами публичной власти. Нормативно-правовая база для региональной репрезентации на национальном уровне отсутствовала.

Реакция на каталонский референдум также была жесткой: «Испанское правительство незамедлительно отреагировало на провокационный ход каталонского парламента в соответствии со ст. 155 Основного закона страны, введя в Каталонии прямое правление Мадрида и распустив региональные органы власти» [6].

Такие ситуации сложно укладываются в традиционные типологизации референдумов. С одной стороны, их можно классифицировать по формальным признакам. С такой позиции референдумы бывают следующих видов: конституционные, законодательные, международно-правовые, административные и по вопросам изменения административных границ [3; 16]. Но более целесообразной является попытка осмыслить данную ситуацию сквозь призму классификации, предполагающей выделение институциональных и внеинституциональных форм политического участия [2]. Под институциональными формами понимается такие варианты политического участия, которые полностью соответствуют принятому законодательству и санкционируются органами публичной власти. К институциональным формам политической партиципации традиционно относят избирательные кампании, выборы, участие в деятельности государственных и муниципальных органов и т.п.

Могут возникать ситуации, когда подобных форм недостаточно для реализации политических интересов граждан. Тогда возникает необходимость для внеинституциональных форм политической партиципации. Часто подобные формы имеют негативную окраску, маркируясь как «противоправные» [2]. Однако подобный подход представляется достаточно узким и не учитывает ситуации, когда формы политического участия реализуются вне действующих институтов, но обладают полной легитимностью.

Особую актуальность данный вопрос имеет на постсоветском пространстве, где политическое будущее отдельных регионов решалось именно на референдумах. Однако примеров достаточно и в практике дальнего зарубежья. Первым значимым прецедентом такого рода можно назвать голосование за независимость Норвегии в 1905 году. Голосованию предшествовал региональный кризис, когда норвежское правительство, являясь ассоциированным с Швецией, стало организовывать самостоятельные зарубежные учреждения, в частности – консульства. На данное решение было наложено вето со стороны короля, а само правительство отказалось продолжить работу. В качестве компромисса обеими сторонами было предложено провести всенародное голосование. Несмотря на то, что законодательной базы для него не было, а также существовали вопросы по поводу уровня инклюзии, оно было организовано и прошло с результатом в 99,95% в пользу независимости. Решение было признано Швецией, а Норвегия получила самостоятельность.

Также показательным примером является голосование за самостоятельность Исландии в 1944 году. На плебисцит были вынесены два вопроса. Во-первых, у избирателей спрашивали, стоит ли отменить существующий союз с Данией (фактически – объявить независимость). Во-вторых, есть ли необходимость принятия новой конституции. Оба вопроса были поддержаны избирателями при голосовании, за самостоятельность высказались 99,5% участников. Примечательно, что данный плебисцит был организован в ситуации, когда Дания находилось в состоянии войны, ее континентальная часть была оккупирована, а сама Исландия находилась под оккупацией США. Данный пример говорит о том, что региональная партиципация может быть признана даже в том случае, если голосование проходило в военное время, а на территории проведения референдума находились войска иностранных государств. По настоящее время, никто не оспаривает легальность и легитимность данного волеизъявления.

Референдум аналогичной фактуры прошел в 1973 году в Великобритании. Тогда жителям Северной Ирландии предлагалось определить свою дальнейшую политическую судьбу – быть частью Соединенного королевства или Ирландии. Так называемые «унионисты», то есть сторонники того, чтоб Северная Ирландия была в составе Великобритании, победили с результатом 98,9%.

Наиболее известным примером референдумов такого рода является прецедент Косово. Албанское население автономного края Косово и Метохии

инициировали проведение голосования о независимости от Сербии в 1991 году. Поддержка идеи о самостоятельности составила 99,98% голосов. Изначально, референдум признала только Албания. В последствии, количество признающих волеизъявление государств увеличилось – его признали основные страны Европы, США и множество других.

За время XXI века подобных референдумов в мире насчитывается более 22 [7]. В частности, можно упомянуть референдумы о самоопределении Сомалиленда (2001 год), Приднестровья (2006 год), Южного Судана (2011 год) Фолклендских островов (2013 год), Крыма (2014 год), Иракского Курдистана (2017), Новой Каледонии (2018 год) и, конечно же, голосования в Херсонской и Запорожской областях, Донецкой и Луганской Народных Республиках (2022 год).

Таким образом, наличие столь большого количества конкретных примеров свидетельствует о том, что региональный референдум об изменении политического статуса региона является устоявшейся международной практикой. Такие голосования имеют ряд отличительных особенностей:

Во-первых, как правило, голосование по таким вопросам проводится в ситуации отсутствия правовой базы для политической партиципации подобного рода. В большинстве из рассмотренных примеров у региона не было прямо закрепленного права на проведения референдума. Голосования проведенные вне правовой рамки могут быть успешно признаны мировым сообществом.

Во-вторых, голосования по вопросам изменения политического статуса региона зачастую происходят в ситуации противодействия со стороны центральной власти, но при высоком уровне общественной поддержки такие голосования могут проходить, а решения реализовываться.

В-третьих, признание результатов внеинституциональных референдумов основано на двух факторах. Прежде всего, процедурная сторона: уровень общественной поддержки, степень политической инклюзии, технический уровень сопровождения процесса волеизъявления. Кроме того, признание результата со стороны других государств. Также можно упомянуть фактор времени – большинство государств со временем признают сложившуюся фактически политическую реальность.

В-четвертых, голосования за изменения политического статуса регионов вызывают значимый интерес в обществе. Для референдумов характерен высокий уровень явки и значительный перевес одного из решений.

В-пятых, для обеспечения результатов голосования по изменению политического статуса региона необходимо внешнее вмешательство. Референдумы такого рода проходили и в условиях войны, и в условиях наличия иностранных вооруженных формирований на территории проведения плебисцита. Обеспечить несоответствующий настроению в обществе результат это неспособно, так как в случае насильственного голосования это оборачивается гражданским неповиновением, массовыми беспорядками вплоть до партизанской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепанов Г. С. Региональная идентичность как объект социологического исследования // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2009. № 1. С. 016-023.
2. Болховитина Т. С. Дискурсивные аспекты классификации форм политического участия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 3-1. С. 247-253.
3. Маклаков В. В. Референдум в зарубежных странах – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. – 128 с.
4. Биткова Т.Г. Гагаузские альтернативы // ИМЭМО РАН. 2015. №2 (49). С. 57-66.
5. Пономаренко А. Н. Конституционные и наднациональные стандарты в сфере референдума и право народов на самоопределение // Закон и право. 2019. № 5. С. 57-60.
6. Орлов А. А. Каталония в зоне турбулентности: новые грани напряженности // Обозреватель. 2018. № 11(346). С. 77-87.
7. Киселев С. Н. Референдумы XXI в. по изменению территориально-политического статуса регионов и двойные стандарты «мирового сообщества» // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15), № 2. С. 50-57.

Арутюнов А.Г.

ДЭГ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОЛЬЦО ПРОЗРАЧНОСТИ И СПИРАЛЬ НЕДОВЕРИЯ

В статье рассматриваются внедрения ДЭГ в региональную электоральную практику, его влияние на региональные избирательные системы, а также вопрос доверия, недоверия и поиска путей легитимации технологии в среде граждан и экспертном сообществе. Представлены некоторые элементы моделирования ситуаций отношения рядовых граждан и экспертно-профессионального сообщества к ДЭГ.

Ключевые слова: ДЭГ, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, выборы, электоральные кампании, избирательные кампании

Arutynov A.G.

REV IN THE REGIONAL LEVEL IN MODERN RUSSIA: THE RING OF TRANSPARENCY AND THE SPIRAL OF DISTRUST

The article discusses the introduction of REV into regional electoral practice, its impact on regional electoral systems, as well as the issue of trust, distrust and the search for ways to legitimize the technology among citizens and the expert community. Some elements of modeling situations of the attitude of ordinary citizens and the expert-professional community to REV are presented.

Key-words: REV, Russian Federation, subjects of the Russian Federation, elections, electoral campaigns, election campaigns

Дистанционное электронное голосование на выборах федеральной, региональной и муниципальной власти появилось в Российской Федерации не синхронно. Стоит отметить, что его реальному применению предшествовали «эксперименты» ЦИК РФ в некоторых регионах (не относящиеся к реальным избирательным кампаниям, а также проведение праймериз ВПП «Единая Россия» на электронных платформах). Первым реальным опытом ДЭГ в рамках официальной электоральной кампании стали выборы в Московскую городскую Думу в 2019 году. [1, с. 26]. В 2020 году ДЭГ был впервые опробован на нестандартном голосовании, а именно на

Общероссийском голосовании по поправкам в Конституцию РФ, после этого количество регионов, где ДЭГ был реализован в рамках стандартных голосований по выборам муниципальных и государственных органов власти РФ, поэтапно росло. В 2023 году в сентябре предполагается осуществить дистанционное электронное голосование в рекордном количестве регионов (почти двукратное увеличение по сравнению с совокупным количеством прошлых лет). Отметим также, что в Москве ДЭГ реализуется на отдельной от федеральной технической платформе.

При таком весьма динамичном распространении ДЭГ как технология вызывает ряд вопросов касательно проблемы легитимации результатов и повышения уровня доверия. Для выявления причин подобной ситуации было произведено качественное экспертное интервью с рядом экспертов (политологи и практикующие политики, представители экспертных структур при государственных органах) во Владимирской, Тверской, Московской, Псковской, Новгородской, Ульяновской областях, республиках Татарстан и Башкортостан, а также городе федерального значения Москва.

Было выявлено, что существует несколько особенностей организации ДЭГ, которые вызывают скепсис у экспертного сообщества и, как следствие, снижение уровня доверия у населения. Во-первых, эксперты отмечали непрозрачность подсчёта голосов и не возможность их проверки в том числе даже для судебных органов и региональных избирательных комиссий. Во-вторых, не понятен механизм наблюдения, поскольку наблюдение за «единым онлайн участком» сводится чаще всего к отслеживанию непоявления новых голосов в системе после закрытия участка. В-третьих, может быть нарушена тайна голосования, если осуществить решение первых двух проблем самыми простыми техническими средствами. Так, если перейти к созданию ключей дешифровки работы внутреннего алгоритма, будет нарушена тайна голосования. В то же время, эксперты отмечали возможность повлиять на избирателя при голосовании вне помещения для голосования. Совокупность этих явлений и вызывает эффект раскручивающейся спирали недоверия, вызывающей возрастание скептических настроений, т. к. большинство из этих тенденций находятся в причинно-следственных отношениях.

В то же время большинство экспертов отмечало, что принятие голосов и их совокупное количество, наиболее вероятно, является объективным и достоверным, т.е. ДЭГ принципиально не искажает результаты голосования. Отсюда возникает самодостаточная система напоминающее кольцо, когда с помощью блок-чейн технологии (пусть и односторонней по мнению некоторых экспертов), система работает как анонимный собиратель голосов показывая, наиболее вероятно, абсолютно правильный результат.

Если сравнивать проблемы и сильные стороны в формировании доверия к ДЭГ или безопасности его функционирования, то можно утверждать, что сильные стороны объективно перевешивают, однако проблемы и технические сложности должны быть решены, возможно, на более высоком технологическом уровне или с помощью совершенствования

процедуры. Некоторые попытки в этом направлении предпринимаются, например в сфере наблюдения за ДЭГ [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Набатникова, Е. А. ДЭГ (дистанционное электронное голосование) в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 26-30.
2. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023662955 Российская Федерация. «Мониторинг ДЭГ»: № 2023662051: заявл. 06.06.2023: опубл. 16.06.2023 / А. А. Баулина.

Багликова М.С., Крыжановская И.И.

ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

В данной статье рассмотрены процессы цифровизации, начавшиеся в новых регионах Российской Федерации. Выделены отдельные направления и проанализированы действия по их реализации, предпринимаемыми государственными и региональными органами власти на текущий момент. Показаны трудности и сложности процессов цифровизации в новых субъектах РФ. В результате авторами сформулирован вывод, что внедряемая в новых регионах цифровизация дает возможность более эффективно решать задачи по оказанию услуг населению, налаживать взаимодействие с государством, используя цифровые технологии.

Ключевые слова: процессы цифровизации, цифровые технологии, государственные информационные системы, многофункциональные центры, дистанционное электронное голосование

Baglikova M.S., Kryzhanovskaya I.I.

DIGITALIZATION PROCESSES IN THE NEW REGIONS OF RUSSIA

This article focuses on the digitalization processes that have begun in new regions of the Russian Federation. It identifies individual directions and analyzes the actions taken by state and regional authorities to implement them at the moment. The difficulties and complexities of digitalization processes in the new constituent entities of the Russian Federation are shown. As a result, the authors formulate the conclusion that the digitalization being implemented in the new regions makes it possible to more effectively solve the tasks of providing services to the population, to establish interaction with the state using digital technologies.

Key-words: digitalization processes, digital technologies, state information systems, multifunctional centers, remote electronic voting

В настоящее время цифровая трансформация всех сфер жизнедеятельности общества стала главным трендом в Российской Федерации. Масштабная реализация цифрового диалога публичной власти и населения позволяет оптимизировать цифровые платформы и сервисы обратной связи, государственные и муниципальные услуги, деятельность политических институтов, усовершенствовать механизмы работы с обращениями граждан. С вхождением в 2022 г. в состав России новых регионов, одной из главных задач перед органами власти стали процессы цифровизации, дающие возможности каждому гражданину с учетом своих потребностей быстро и качественно взаимодействовать с государством, сокращая временные затраты и коррупционные риски.

Под цифровизацией, в широком смысле, понимают процессы включающие внедрение и использование инновационных технологий в

разные сферы жизнедеятельности общества, сопровождающиеся автоматизацией и созданием современных систем, технологий и инструментов в целях повышения эффективности управленческих решений и предлагаемых услуг. В Российской Федерации процессы цифровой трансформации разрабатывались в рамках разных программ - «Электронная Россия» (2002-2010 г.)[1], «Концепции формирования в Российской Федерации электронного Правительства до 2010 г.»[2], «Информационное общество» (2014 г.)[3] и «Цифровая экономика Российской Федерации» (2018 г.) [4] и др., реализуемых в контексте Стратегий развития информационного общества в Российской Федерации на период 2008-2015 гг. [5] и 2017 - 2030 гг.[6].

Политика Президента и Правительства РФ в области цифровизации имела положительные результаты, как внутри страны, так и за ее пределами. Индикаторами ее успеха, стало вхождение России в разные мировые рейтинги. Так, в 2010 г. Россия заняла 59 место в глобальном рейтинге развития электронного правительства ООН (EGDI). Впоследствии, в период с 2012-2014 гг., по версии того же агентства, Россия закрепилась на 27 месте, среди 193 стран мира[7]. А, в 2022 по результатам международного рейтинга Всемирного банка «GovTech Maturity Index» (СТМИ) Россия уверенно вошла в десятку стран-лидеров из 198 стран мира[8].

На данный момент в России создана и успешно функционирует система национальных информационных платформ, включая: Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ); Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ); Национальная платформа распределенной обработки данных (НПРОД); Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА); Информационная система головного удостоверяющего центра (ГУЦ) и др.

Одним из первых направлений процессов цифровизации в новых субъектах России стало создание многофункциональных центров (МФЦ), где граждане могут получить целый спектр цифровых услуг. Наиболее востребованными из них, на данный момент, являются осуществление миграционного и регистрационного учета, выдача и замена паспортов, государственный кадастровый учет и регистрация недвижимости, получение СНИЛСа, ИНН, выдача сертификатов на материнский капитал, оформление разных видов выплат, пособий, страховых пенсий, компенсаций, полисов, помощь и регистрация на разных информационных платформах, включая ЕПГУ и ЕСИА[9].

Следует отметить, что процессы цифровизации на территории ДНР и ЛНР начались еще в 2017 г. в виде создания единого регистрационного центра (ЕРЦ), аналога МФЦ. С момента вхождения новых регионов в состав России, этот процесс значительно ускорился, и количество МФЦ возросло до 30 в ДНР[10], 28 - в ЛНР[11], 4 - в Запорожской области[12] и 5 в Херсонской[13]. Более того, планируется, что до конца 2023 г. общее количество многофункциональных центров в новых регионах увеличится до 90. Ожидается, что к концу года значительно расширится и спектр

федеральных услуг (с 39 до 51), достигнув стандартов, доступных в любых регионах России. Как отметил, министр экономического развития РФ М. Решетников, в многофункциональные центры за оказанием услуг на федеральном и региональном уровне уже подано 784 тысяч заявлений от граждан РФ в новых регионах. При этом, по словам замминистра экономического развития РФ А. Херсонцева, еженедельный прирост обращений в МФЦ составляет более 50 тысяч заявлений[14].

Альтернативным способом получения разных услуг в электронном формате является Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ)[15]. Для этого необходимо иметь подтвержденную учетную запись на платформе, выбрать перечень услуг и заполнить электронную форму, прикрепив необходимые документы.

Одновременно с организацией оказания электронных услуг населению, в новых субъектах начался и процесс цифровой трансформации деятельности исполнительных и региональных органов власти. Постепенно внедряются системы межведомственного электронного документооборота и отдельных цифровых сервисов. В частности, в ДНР создана «Платформа обратной связи» (ПОС), предполагающей взаимодействие граждан с органами региональной власти и местного самоуправления. Приложение есть в Google Play, App Store и RuStore и оно является подсистемой ЕПГУ[16].

К отдельному направлению процессов цифровизации в новых российских регионах можно отнести и внедрение электронных технологий в избирательный процесс. На федеральном уровне правовое регулирование электронного голосования закреплено в Законе от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[17], Законе от 22 февраля 2014 г. N 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [18], Законе от 23 мая 2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве»[19], Законе от 14 марта 2022 N 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[20]. Согласно законодательству, под электронным голосованием, понимается «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения». Экспериментальный характер использования разных технологических форматов показал успешность именно дистанционного электронного голосования (ДЭГ), реализуемого на практике в виде онлайн - голосования на государственных платформах последние пять лет. На сегодняшний день, в России действуют две системы электронного голосования в виде федеральной платформы (ЕПГУ) и московской (mos.ru), на которых можно проголосовать, имея подтвержденную учетную запись.

Одним из преимуществ ДЭГ является возможность проголосовать гражданам, проживающим за пределами РФ и тем, кто в силу объективных причин не могут прийти на избирательный участок. Именно эта возможность

и позволила в 2021 г. реализовать свое избирательное право гражданам РФ, постоянно проживающим на тот момент в ДНР и ЛНР. Благодаря поручению Президента РФ В.В. Путина правительству и ЦИК была утверждена соответствующая процедура голосования, предполагающая как традиционный, так и дистанционный формат голосования[21]. Избиратели были отнесены к Ростовской области и имели право проголосовать только по пропорциональной системе за любую из участвовавших в выборах партий. Для участия в удаленном голосовании необходимо было иметь подтвержденную учетную запись на портале «Госсуслуг» после проведения проверки заявлений в МВД РФ и в системе ГАС «Выборы». По данным ЦИК, общее количество избирателей от ЛДНР, принявших участие в выборах в Государственную Думу в сентябре 2021 г. составило около 210 тыс. человек. Причем, 151 тыс., а это 93% от поданных заявок, реализовали свое избирательное право в электронном формате[22].

Отдельно стоит упомянуть и применение технологий ДЭГ при внутрипартийном голосовании, используемых партией «Единая Россия». Так, на праймериз «Единой России» в ДНР, проходившего в мае 2023 г. приняло участие более 207 тысяч человек, четверть из которых выбрали своих кандидатов в электронном формате[23]. В Луганской республике удаленно проголосовали около 40 тысяч человек[24], в Запорожской - более 6 тысяч[25] и в Херсонской – 1875 человек[26].

Однако, несмотря на ускоренный процесс цифровизации новых субъектов России, существует немало факторов, которые в той или иной степени препятствуют или значительно усложняют внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь. Это, и постоянные обстрелы регионов и террористические акты с украинской стороны, острая нехватка не только квалифицированного персонала, но и специалистов с соответствующими цифровыми знаниями и навыками, отсутствие качественной оптоволоконной связи, разрушенная инфраструктура, отсутствие соответствующего технического и программного обеспечения, низкая цифровая грамотность пользователей. И, тем не менее, начатый недавно процесс цифровизации уже позволяет гражданам быстро и качественно решать разные проблемы, связанные с переходным этапом, участвовать в избирательном процессе и т.п. Факторами, способствующими цифровизации, могут быть как сложившиеся фактические условия проживания граждан в новых субъектах РФ, при которых именно она может обеспечить их безопасность, так и значительное повышение интереса жителей этих регионов к сервисам государственных услуг и платформам, техническая доступность и популяризация успешного опыта среди пользователей.

Таким образом, в 2022 г. ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области став частью России, приобщились к процессам цифровизации, получая уже сейчас возможность более эффективно взаимодействовать с государством используя те или иных цифровые технологии, сокращая тем самым временные и финансовые издержки, снижая коррупционные риски и

повышая уровень своей гражданской вовлеченности для дальнейшего улучшения разных процессов государственного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)» – URL: http://www.gov45.ru/assets/files/.electronic_government/.rost_prf_2002-01-28_65_v_red_2012-06-09_403_programma_e-r202-2010.pdf (дата обращения: 14.08.2023)
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.05.2008. №632 - р «Концепция формирования электронного правительства до 2010 года» – URL://government.ru/docs/.all/64062 (дата обращения: 14.08.2023)
3. Государственная программа «Информационное общество (2011-2020)» – URL://digital.gov.ru/ru/.activity/.programs/1/ (дата обращения: 14.08.2023)
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 №1632-р программа «Цифровая экономика Российской Федерации» – URL://static.government.ru/.media/files/.9gFM4FHj4PsB7915vLVuPdu4bvR7MO.pdf (дата обращения: 14.08.2023)
5. Указ Президента РФ от 07.02.2008 № 212 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» – URL://digital.gov.ru/uploaded/files/.strategiya_razvitiya_inf-obschestva_1.pdf (дата обращения: 14.08.2023)
6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. №203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» – URL://government.ru/docs/.all/111459/ (дата обращения: 14.08.2023)
7. Завьялова Е.А., Погадаева Н.Ю. Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т.6. №2, С. 219-228 – URL://<https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-2-219-228> (дата обращения: 16.08.2023)
8. Россия вошла в топ-10 стран-лидеров в области цифровизации госуправления – URL://digital.gov.ru/ru/events/42223 (дата обращения: 15.08.2023)
9. Полный перечень услуг, которые можно получить в отделениях МФЦ ДНР – URL://<https://dan-news.ru/official/polnyj-perechen-uslug-kotorye-mozhno-poluchit-v-otdelenijah-mfc-dnr/?ysclid=llgxv1rtj7677384853> (дата обращения: 15.08.2023)
10. В ДНР открыли 30-й по счету многофункциональный центр – URL://<https://tass-ru.turbopages.org/turbo/tass/ru/s/obschestvo/.18361245> (дата обращения: 15.08.2023)
11. Почти 30 отделений МФЦ работают на территории ЛНР – URL://<https://lugansk--news-ru.turbopages.org/turbo/lugansk--news/ru/s/society/.2023/05/30/64325/html> (дата обращения: 15.08.2023)
12. Четвертый МФЦ открыли в Запорожской области – URL://<https://www.zap/kp.ru/.online/news/5389643> (дата обращения: 15.08.2023)
13. В Херсонской области открылся пятый филиал многофункционального центра «Мои документы» – URL://<https://herson-kp-ru.turbopages.org/turbo/herson-kp-ru/s/daily/.27526.5/4790779> (дата обращения: 15.08.2023)
14. Граждане новых регионов подали в МФЦ около 800 тысяч заявлений – URL://https://www.economy.gov.ru/material/news/grazhdane_novyh_regionov_podali_v_mfc_okolo_800_tysyach_zayavleniy.html?ysclid=llhuan6j1665108831 (дата обращения: 15.08.2023)
15. Единый портал государственных и муниципальных услуг – URL://<https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 15.08.2023)
16. Жители ДНР теперь могут подать обращение в органы власти через Платформу обратной связи – URL://<https://dnr-news.ru/economy/2023/08/03/427959.html> 03/08/23 (дата обращения: 16.08.2023)

17.Федеральный закон от 12.06. 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» – URL://<http://www.kremlin.ru/acts/bank/18173>(дата обращения: 16.08.2023)

18.Федеральный закон от 22.02.2014 г. N 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» – URL://<http://www.kremlin.ru/acts/bank/38146> (дата обращения: 16.08.2023)

19. Федеральный закон от 23.05.2020 г. № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве» – URL://<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45539> (дата обращения: 16.08.2023)

20. Федеральный закон от 14.03.2022 N 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – URL://<http://www.kremlin.ru/acts/bank/47650> (дата обращения: 16.08.2023)

21. Там же.

22. На выборах в Госдуму проголосовали более 210 тыс. жителей Донбасса 20 сентября 2021 – URL://<https://www.rline.tv/news/2021-09-20-na-vyborakh-v-gosdumu-progolosovali-bolee-210-tys-zhiteley-donbassa/> (дата обращения: 17.08.2023)

23. Свыше 207 тыс. жителей ДНР проголосовало на праймериз «Единой России» – URL://<https://tass-ru.turbopages.org/turbo/tass/ru/s/politika/17865507> (дата обращения: 16.08.2023)

24. Около 40 тыс. человек проголосовало онлайн на праймериз «Единой России» в ЛНР – URL://<https://tass-ru.turbopages.org/turbo/tass/ru/s/politika/17855093> (дата обращения: 16.08.2023)

25. Свыше 78 тысяч человек проголосовало на праймериз «Единой России» в Запорожской области – URL://<https://www.zap.kp.ru/.online/news/5291838>(дата обращения: 16.08.2023)

26. В «Единой России» рассказали о праймериз в Херсонской области – URL://<https://ria-ru.turbopages.org/turbo/ria/ru/s/20230527/.prayeriz-1874543483.html> (дата обращения: 16.08.2023)

Внукова Л.Б.

ОТНОШЕНИЕ К АКТУАЛЬНЫМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ НА ДОНБАССЕ: ВЗГЛЯД ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ⁴

В тезисах рассматриваются некоторые результаты онлайн-анкетирования, проведенного в конце весны–летом 2023 г., касающиеся общих характеристик достигнутой аудитории, и выраженного отношения к важным социально-политическим событиям. Обсуждается проблематика проведения опросов в текущих условиях продолжающихся военных действий.

Ключевые слова. Донбасс, результаты опроса, онлайн-анкетирование, отношение к социально-политическим событиям.

⁴ Публикация подготовлена в рамках Государственного задания ЮИЦ РАН, № госрегистрации 122020100350-2.

ATTITUDE TO CURRENT SOCIO-POLITICAL EVENTS IN DONBAS: THE VIEW OF AN INTERESTED INTERNET AUDIENCE

The theses consider some of the online survey results conducted in late spring – summer 2023. These results concern the general characteristics of the reached audience and analyze expressed attitude to important socio-political events. The problems of conducting surveys in the current conditions of ongoing hostilities are discussed.

Key-words: Donbas, survey results, online survey, attitude to socio-political events.

Представляемые в данной работе результаты онлайн-анкетирования являются логическим продолжением исследования, опубликованного в главе монографии «Образ России, Украины и Донбасса в опросах студентов Ростова-на-Дону, Донецка и Луганска: анализ результатов пилотного исследования 2022 г.» [1]. Анкета, посвященная исследованию общественного мнения о событиях на Донбассе, была расположена на портале Анкетолог, куда респонденты переходили по ссылке. Онлайн-анкетирование проводилось с третьей декады мая по начало июля, ответили на все вопросы 282 человека (52,8% мужчины, 47,2% женщины). Данные охватывают в основном Ростовскую область (119 ответов), ДНР (52), ЛНР (9), Краснодарский край (26), другой регион (75), Крым (1). При этом более половины ответов дали молодые люди в возрасте до 24 лет (Таблица 1.) Таким образом, инструменты анализа количественного соцопроса не применимы, полученные данные можно использовать для качественного исследования на основе открытых вопросов.

Варианты	Количество ответов	Проценты
От 15 до 24 лет	163	57,80%
От 25 до 34 лет	26	9,20%
От 35 до 44 лет	36	12,80%
От 45 до 55 лет	36	12,80%
От 55 до 65 лет	16	5,70%
Старше 65 лет	5	1,80%

Таблица 1. Распределение ответов по возрастным группам

Тем не менее, если представить обобщенные данные по некоторым вопросам для характеристики охваченной аудитории, без претензии на репрезентативность, то 67% опрошенных постоянно интересуются политикой (22% время от времени); 55,3% часто обсуждают политические вопросы с друзьями (иногда – 37,6%). Таким образом, аудитория опроса в целом активно интересуется политическими процессами, что закономерно, так как исследование проводилось методом снежного кома – изначально анкета распространялась среди знакомых, а после прохождения, вместе с благодарностью, была просьба распространить ссылку на опрос. Такой метод

опроса был выбран из-за объективных обстоятельств, затрудняющих достижение респондентов на территории военных действий. Очевидно, что тратить время на заполнение анкеты будут только заинтересованные в тематике. В данных условиях невозможно оценить сколько людей не стали проходить онлайн-опрос по разным причинам. Однако на сайте Анкетолог отображается информация, что из 515 переходов по ссылке – 282 завершённых ответа. То есть это те, кто открыл ссылку прочитал вопросы и не стал заполнять, либо анкета была заполнена не полностью. В целом, об изменении условий проведения социологических исследований говорили на Грушинской конференции в 2023 г. и заседании НС ВЦИОМ «Ситуация интервью – что изменилось за год СВО?» 8 июня 2023 г.: «В ситуации уголовной и административной ответственности за высказанное мнение получаем рост уходящих в «затрудняюсь ответить». Респонденты реагируют, как будто их провоцируют дать какую-то негативную оценку власти, и они этого опасаются. Они готовы это сделать, но опасаются, потому что они думают, что они заходят на тему уголовного преследования. Ситуация интервью воспринимается как диалог с официальной организацией, властью, а не как ситуация непубличного разговора» [2].

На вопрос о том, каким источникам информации о событиях на Донбассе вы доверяете больше всего, самый популярный ответ – «Интернет СМИ, социальные сети, мнение блогеров, в том числе из Донбасса» – 58,5%. На второй позиции «Российское телевидение/официальная позиция России» (12,4%) и «Никаким» (12,1%). В этом контексте релевантны данные ВЦИОМ о пользовании социальными сетями и мессенджерами в России от 10.08.2023: «Большинство россиян пользуются социальными сетями и мессенджерами практически ежедневно», в среднем 4,5 часа в день. Лидером по потребляемому контенту являются **новостные сообщества, которые «возглавляют рейтинг самых популярных подписок российских пользователей социальных сетей (77%)»**[3].

Для понимания идеологических воззрений охваченной опросом аудитории, показателен анализ распределения ответов, отражающих отношение к ключевым событиям. Например, распад СССР отрицательно оценивают более шестидесяти процентов опрошенных (37,6% резко отрицательно, 22,7% скорее отрицательно). Затруднились ответить – 14,5%. Смену власти на Украине в ходе Майдана – 2014 отрицательно оценили более двух третей опрошенных (57,8% резко отрицательно, 12,1% скорее отрицательно). Затруднились ответить – 21,3%. Присоединение Крыма к Российской Федерации целиком положительно оценили 59,2%, скорее положительно 20,6%, то есть в сумме более трех четвертей всех опрошенных. Затруднились ответить – 9,2% – минимальный показатель из семи предложенных событий.

Две трети ответивших положительно оценили Образование Донецкой и Луганской народных республик в 2014 г. (44,7% целиком положительно 21,6% скорее положительно). Затруднились ответить – 19,5%. Примерно так же оценили вхождение в состав РФ новых субъектов в 2022 г. (целиком положительно – 52,8%, скорее положительно – 16,3%). Затруднились ответить –

11,3%. Таким образом, на основе отношения к этим событиям, можно предположить, что аудитория опроса патриотически настроена, лояльна курсу действующей власти.

Если обратиться к распределению ответов к событиям, которые уже в большей степени затрагивают повседневную жизнь рядовых граждан – проведение специальной военной операции (СВО) и мобилизации (частичной мобилизации), то оценки одобрения смещаются в меньшую сторону, усиливается часть, высказывающая отрицательное отношение и рост показателя «затрудняюсь ответить». Так, проведение специальной военной операции воспринимается в целом положительным образом – 36,2% – целиком положительно, 24,8% – скорее положительно, смещение в сторону смягчающей формулировки «скорее положительно» по сравнению с отношением к рассмотренным ранее событиям. Затруднились ответить –16,7%. Мобилизация (частичная мобилизация) стала самым неоднозначным событием среди опрошенных (Таблица 2.)

целиком положительно	скорее положительно	скорее отрицательно	резко отрицательно	Затрудняюсь ответить
16	21,6	16,7	28,4	17,4

Таблица 2. Отношение к мобилизации, %

Косвенно об альтернативных точках зрения, одновременно существующих в обществе, говорят и положительные ответы на вопрос «Были ли в кругу Вашей семьи и/или Ваших друзей/знакомых конфликты по поводу ситуации на Украине (в Донбассе)?» (да – 55%, при условии, что затруднились только 7,1%).

В данной работе рассмотрена часть обобщенных данных, полученных в ходе онлайн-анкетирования, касающаяся отношения к значимым социально-политическим вопросам и обсуждены объективные условия проведения подобных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внукова Л.Б. Образ России, Украины и Донбасса в опросах студентов Ростова-на-Дону, Донецка и Луганска: анализ результатов пилотного исследования 2022 г. // Русский Донбасс: фронты и фронтиры: монография / Р. А. Пупыкин, С. П. Поцелуев, М. С. Константинов и др.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. – 404 с. ISBN 978-5-9275-4332-8. С. 294-333.
2. Ключевые тезисы по теме СВО и ситуация интервью по итогам заседания НС ВЦИОМ «Ситуация интервью – что изменилось за год СВО?» 8 июня 2023 г. URL: https://geteml.com/ru/mail_link_tracker?hash=6p7sdsbepfxgmjtbww86wx3itpdtowrkwf4khrsxihh917b1a3rk7no16ry6qymq4buxn14kx4kkn1w4qayn54i7uwwsgc3kimh7fw47asnei545xx7no&url=aHR0cHM6Ly9jbG91ZC5tYWlsLnJlL3B1YmxpYy9wRVNaL3pyN3BrM2t3ej9ldG1fbWVkaXVtPWVtYWlsJnV0bV9zb3VyY2U9VW5pU2VuZGVyJnV0bV9jYW1wYWlnbj0yOTk3Mzg5MTQ~&uid=MzM0NDU2MQ~~&ucs=05742a62bb59618d44e2a68fa2d603fl (дата обращения: 17.08.2023).
3. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 17.08.2023).

ИНТЕГРАЦИЯ НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ СОДРУЖЕСТВА «ДОНБАСС»)

В данной статье рассматривается взаимодействие российских регионов с новыми территориями в формате Содружества «Донбасс». Это объединение имеет потенциал для возобновления активного партнерства в разных областях, основные направления и проблемы которого анализируются автором.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, интеграция, ДНР, ЛНР, Ростовская и Воронежская области

Kuznetsova Ye.V.

INTEGRATION AT THE INTERREGIONAL LEVEL (THE COMMONWEALTH «DONBASS»)

This article discusses the interaction of Russian regions with new territories in the format of the Commonwealth "Donbass". This association has the potential to resume active partnership in various fields, the main directions and problems of which are analyzed by the author.

Keywords: interregional cooperation, integration, DPR, LPR, Rostov and Voronezh regions

Межрегиональное сотрудничество способствует более эффективному развитию территорий и повышению благосостояния населения. Происходящие изменения повлияли на все аспекты жизнедеятельности и в определенной степени «оживили» интеграционные процессы на межрегиональном уровне. В связи с этим актуальным представляется изучение налаживания взаимодействия между российскими областями – Ростовской и Воронежской – и новыми территориями – Донецкой и Луганской Народными Республиками – в формате Содружества «Донбасс». Отметим, что межрегиональное сотрудничество направлено на получение синергетических эффектов и учет культурно-исторической близости, проявляющихся в общей ментальности и сложившихся экономических связях между регионами [1, с. 177]. Согласно концепции управления пространственной интеграцией экономики регионов РФ возрастание взаимосвязей и взаимозависимостей регионов постепенно выравнивает уровни их социально-экономического развития [2, с. 3].

Имея потенциал, но находясь сейчас в тяжелых условиях, новые республики стремятся интегрироваться в российское пространство и возобновить активное партнерство. Донбасс исторически всегда был связан с Россией. Многие помнят известный плакат «Донбасс – сердце России», на котором указаны взаимосвязи региона с остальными российскими территориями. Помощь в послевоенном восстановлении этого региона позволила ему стать одним из высокоразвитых в советский период. И сегодня Донбасс нуждается в поддержке, прежде всего, соседних территорий.

Инициатива сотрудничества вышеупомянутых приграничных территорий в таком формате не нова. В 2010 году было положено начало формированию еврорегиона «Донбасс» через подписание соглашения

между Луганской и Ростовской областями, к которому присоединились в 2011 году Донецкая область и в 2014 году Воронежская область. Основной задачей созданного трансграничного объединения была определена реализация совместных проектов в таких областях, как региональная экономика, новые технологии, коммуникации, транспорт, связь, наука, культура, образование, защита окружающей среды, ликвидация чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий [3].

Данный проект предполагалось реализовать как наднациональный экономический кластер, нацеленный на создание крупного транспортно-логистического и производственного узла. Поэтому первоочередной задачей в 2012 году стало создание транспортно-логистической инфраструктуры между областями, для чего были обустроены приграничные зоны на международных автомобильных трассах в пунктах пропуска Новошахтинск, Матвеев Курган, Весело-Вознесенка, а в 2013 году – зона сервисного обслуживания Новоазовск [4]. Помимо строительства дорог и обустройства приграничных пунктов пропуска, задачами региона «Донбасс» должны были стать кооперация местных предприятий, организация приграничной торговли, решение экологических проблем, в первую очередь, Северского Донца. Были реализованы проекты по расширению предприятий «Птицефабрика Шахтерская Новая» и «Мироновский хлебопродукт». На 2014 год был запланирован инвестиционный проект – трансграничный кластер «Агродорог» (Луганская область). Можно отметить, что на две области – Ростовскую и Воронежскую – были возложены зоны ответственности по сельскохозяйственному производству, а на Луганскую и Донецкую – по наращиванию промышленной продукции. Проекты в рамках данного еврорегиона планировалось включить в Стратегию социально-экономического развития ЮФО России на период до 2020 года и была подготовлена концепция размещения индустриальных парков приграничных территорий, но в 2014 году такой формат сотрудничества перестал существовать. Были попытки ДНР и ЛНР возобновить диалог. Отклик они нашли в 2022 году, когда губернатор Ростовской области В. Голубев (именно он был среди подписантов соглашения в 2010 году) заявил на образовательном форуме в Южном федеральном университете о заинтересованности в создании макрорегиона «Донбасс» или «Большой Донбасс». А уже в июле 2023 года на конференции регионального отделения «Единой России» было заявлено губернатором о проделанных шагах и предстоящем подписании соглашения.

29 ноября 2022 года в Ростове-на-Дону прошла VIII Межрегиональная конференция «Производственная кооперация и развитие промышленного потенциала предприятий», на которой обсуждалась интеграция на межрегиональном уровне и шаги по кооперации в рамках предполагаемого Содружества «Донбасс». В ней принимали участие представители региональных Торгово-промышленных палат, ростовские производственные компании и руководители предприятий ДНР и ЛНР и

рассматривались вопросы сотрудничества в сфере оборонно-промышленного комплекса и импортозамещение в гражданских отраслях в создавшихся условиях. Острой была названа проблема нехватки кадров. Для компаний Донбасса высока степень риска, что делает труднодоступными банковские кредиты. Отсутствие оборотных средств затрудняет создание и работу собственных предприятий, поэтому выходом могло бы стать их включение в технологические цепочки Дона с последующим обеспечением заказами. Было заявлено о формировании Донского химического кластера, который сможет развиваться в рамках Содружества «Донбасс», прежде всего, в силу производственных и технологических причин с предприятиями химического комплекса ЛНР. Перспективы интегрирования имеются и у машиностроительного комплекса. Так, было подписано Соглашение о взаимодействии между технопарком «Азовский» и региональным Министерством промышленности и энергетики. Инвестором выступила компания «Ростметсплав», специализирующаяся на переработке металлического лома и выпуске уникальной продукции для машиностроения, с вложением 1,1 млрд. руб. в проект по вторичному использованию цветных металлов[5]. К проекту планируется подключать и новые территории в части поставки сырья.

27 апреля 2023 года в Донецке состоялось подписание Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве между Ростовской областью и Донецкой Народной Республикой, которое было утверждено 25 июля 2023 года Законодательным Собранием Ростовской области[6]. Ключевыми направлениями для обмена опытом выделены сельское хозяйство и транспортная инфраструктура. Развитие экономических связей должно строиться на взаимовыгодной основе. Аналогичное соглашение было подписано между Ростовской областью и Луганской Народной Республикой в феврале 2023 года. Данные соглашения подготовили почву для укрепления взаимосвязей и для сотрудничества в рамках Содружества «Донбасс».

Воронежская область также заявила о готовности подключиться к этому проекту. Так, 10 июля 2023 года глава департамента экономического развития Воронежской области Д. Кустов представил проект соглашения о Содружестве «Донбасс» и заявил, что это «позволит возродить исторически сложившиеся связи четырех регионов и углубить дальнейшее сотрудничество, прежде всего, кооперации в области инвестиций, торговли, бизнеса и промышленности, а также науки, образования, медицины, культуры и спорта»[7]. Такие шаги способствуют интеграции новых регионов в российское пространство, обеспечивая переход к единым экономической, кредитно-финансовой, социальной, правовой системам.

Для реализации индустриального потенциала Донбасса необходимы инвестиции, что в нынешних условиях крайне затруднительно. Для привлечения внимания инвесторов создана свободная экономическая зона. Особыми зонами для распространения компетенций, обмена человеческим

капиталом и технологиями могут стать ТОСЭР – территории опережающего социально-экономического развития. Целью их создания является формирование на нуждающихся в поддержке со стороны государства территориях благоприятных условий для привлечения инвестиций, ускоренного экономического развития и улучшения социальных условий жизни населения. Для инвесторов предусматриваются налоговые льготы и административные послабления, существенное снижение ограничений для бизнеса, а также создание инфраструктуры за счет бюджетных средств. Среди возможных направлений сотрудничества регионов в рамках Содружества «Донбасс» выделяют агропромышленный, металлургический, транспортный и энергетический секторы.

Эффективная интеграция крайне затруднительна без развития объединенной транспортно-логистической сети между регионами. Отметим, что Ростовская область сразу стала логистическим хабом для республик. Также из порта Мариуполя уже отправляется в Ростов-на-Дону продукция металлургических комбинатов Макеевки, Енакиево, Алчевска, обратно доставляется строительный материал для восстановления разрушений в ДНР и ЛНР. Водным путем доставляется зерно новых российских территорий.

Еще одним совместным перспективным проектом станет строительство автодороги Ростов-на-Дону – Симферополь. Этот масштабный инфраструктурный проект позволит соединить скоростным сухопутным коридором два региона через Донбасс и Приазовье. Строительство автомагистрали позволит создать в будущем транспортное кольцо вокруг Азовского моря. В перспективе может быть рассмотрен проект создания расширенного интеграционного объединения по такому типу между Херсонской и Запорожской областями, или же совместно с Республикой Крым.

Перспективным представляется строительство асфальтовых заводов, которые, помимо создания новых рабочих мест, предоставят возможность отремонтировать дороги в регионах.

Отдельно отметим, что эти приграничные регионы сближает этнокультурное развитие. Поэтому культурно-образовательное сотрудничество может обогатить торгово-экономические связи территорий Содружества «Донбасс». Уже успешно проходят гастроли театров Донбасса в рамках масштабных федеральных программ – «Большие гастроли» (гастроли театров) и «Мы – Россия» (гастроли национальных коллективов). Активно взаимодействие между музеями и библиотеками регионов, а также научно-образовательными учреждениями и спортивными организациями. Развитие культурных связей может проходить в кластерном формате.

Заявлено, что подписание Соглашения о создании Содружества «Донбасс» будет приурочено к 80-летию освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков и пройдет 30 августа 2023 года в торжественной обстановке на территории народного военно-исторического музейного комплекса «Самбекские высоты».

Проекты и мероприятия, проводимые на межмуниципальном межрегиональном уровне, необходимо широко освещать в СМИ, прежде всего, в интернет-пространстве. Наиболее активны и готовы к диалогу молодые люди, поэтому их вовлечение в процессы межрегионального взаимодействия и продвижения интеграционных идей важно. Формирование положительного общественного мнения и широкая информационная поддержка сыграют свою положительную роль и будут содействовать активизации и укреплению межрегионального взаимодействия.

Итак, направленность деятельности Содружества «Донбасс» от угольной промышленности и сельского хозяйства до содействия развитию малого и среднего предпринимательства в регионах, налаживания связей в образовании и спорте, также решение экологических проблем, а в перспективе и сферы туризма. Реализация данного проекта позволила бы создать кластерные научно-промышленные производства в машиностроительной, каменноугольной и металлургической промышленности, а также в агропромышленном комплексе, что сделает возможным выход на рынки третьих стран, например, Китая, Ирана. Таким образом, это будет способствовать реализации внешней политики и расширению международных связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курушина Е.В., Петров М.Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 176–189.
2. Гагарина Г.Ю. Развитие методологии управления пространственной интеграцией экономики регионов России: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2013. 40 с.
3. О подписании Соглашения о создании Еврорегиона «Донбасс». 02.11.2010. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/ism_communication/1615223/ (дата обращения: 09.08.2023)
4. Митрофанова И.В., Ялмаев Р.А., Ялмаева М.А. Экономическая интеграция России и Донбасса: реальность и перспективы [Электронный ресурс] / И.В. Митрофанова, Р.А. Ялмаев, М.А. Ялмаева // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 6 (59). URL: <https://doi.org/10.24158/per.2018.6.9> (дата обращения: 29.07.2023)
5. VIII Межрегиональная конференция «Производственная кооперация и развитие промышленного потенциала предприятий». 30.11.2022. URL: <https://smr-gostov.ru/?p=19786> (дата обращения: 12.08.2023)
6. Областной закон Ростовской области от 01.08.2023 № 911-ЗС «Об утверждении заключения соглашения между Ростовской областью и Донецкой Народной Республикой о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6100202308010009> (дата обращения: 12.08.2023)
7. Воронежская и Ростовская области создадут вместе с ДНР и ЛНР содружество «Донбасс». 11.07.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/07/11/984808-voronezhskaya-rostovskaya-sozdadut-sodruzhestvo-donbass> (дата обращения: 03.08.2023)

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИКОВ КУЗБАССА НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ-2023

В статье уделяется внимание интернет-коммуникациям кандидатов в губернаторы на примере избирательной кампании 2023 г. в Кузбассе. Приводятся данные по ведению социальных сетей и контенту аккаунтов региональных политиков. Дается прогноз на основании эффективности ведения аккаунтов и выстраивания с пользователями каналов «обратной связи» результатов избирательной кампании.

Ключевые слова: выборы, регион, политики, кандидаты в губернаторы, аккаунты региональных политиков, интернет-коммуникации, социальные сети, каналы «обратной связи», Кузбасс.

Matveeva E. V.

INTERNET COMMUNICATIONS OF KUZBASS POLITICIANS ON THE EXAMPLE OF THE ELECTION CAMPAIGN-2023

The article focuses on the Internet communications of candidates for governor on the example of the 2023 election campaign in Kuzbass. Data on the management of social networks and the content of accounts of regional politicians are provided. A forecast is given based on the effectiveness of maintaining accounts and building feedback channels with users on the results of the election campaign.

Key-words: elections, region, politicians, gubernatorial candidates, accounts of regional politicians, Internet communications, social networks, feedback channels, Kuzbass.

Одним из важных направлений в деятельности политиков в период избирательного цикла является информирование электората о своих политических программах и приоритетах в случае избрания в органы исполнительной или законодательной власти. Для этой цели все большее внимание в последние годы уделяется не традиционным СМИ (ролики на телевидении, дебаты кандидатов на радио, программные заявления в печатных изданиях), а интернет-коммуникациям, представленным социальными сетями и блогами. В данной статье автор ставит задачу провести анализ включенности политиков в процесс избирательной кампании с помощью социальных сетей как одновременного информационного ресурса и средства выстраивания «обратной связи» с пользователями социальных сетей через формы активности пользователей (лайки, комментарии, репосты, просмотры) на примере избирательной кампании-2023 по выборам губернатора в Кемеровской области-Кузбассе.

В отличие от предшествующей избирательной кампании 2018 г., когда на должность губернатора Кузбасса претендовали шесть кандидатов, в текущем избирательном цикле были выдвинуты четыре кандидатуры от всех политических партий, представленных в Парламенте Кузбасса – действующий губернатор Сергей Цивилев (партия «Единая Россия»), депутат Парламента Кузбасса Екатерина Грунтова (партия «КПРФ»), заместитель председателя Парламента Кузбасса Юрий Скворцов (партия «Справедливая Россия - Патриоты - За правду»), депутат Законодательной думы Томской области Станислав Карпов (партия «ЛДПР») [1].

В российской политической науке проблематика интернет-коммуникаций политиков в социальных сетях разного уровня власти рассматривается с разных сторон. Не беря во внимание федеральный уровень власти, выделим несколько направлений исследований, связанных с региональной тематикой. Одним из таких направлений выступают исследования, в которых акцент ставится на анализе медиаактивности губернаторского корпуса и отдельных политиков от регионов – депутатов Государственной думы ФС РФ (работы А. В. Алагоз, Л. А. Зайцевой, А. С. Ломакиной, И. Г. Напалковой, О. Г. Филатовой) [2,3,4,5]. Появляются отдельные исследования, в которых рассматривается медиаактивность политических партий и их лидеров в региональном медиапространстве, в частности рассматривается деятельность партийных лидеров в качестве депутатов региональных парламентов (Е. В. Бродовская, Д. А. Ежов, А. С. Огнев, Д. Р. Мухаметов, Е. В. Савина и др.) [6,7,8].

Как отмечают в своем исследовании от 29 июня 2023 года эксперты Центра политической конъюнктуры, популярность среди кандидатов в губернаторы в социальных сетях в целом соответствует общероссийским тенденциям за последний год, а само распределение выглядит следующим образом: «ВКонтакте» – 63 кандидата (64 %), «Телеграмм» – 53 кандидата (54 %), «Одноклассники» – 22 кандидата (24 %). Среди общего количества кандидатов (94 человека) 24 человека не ведут социальные сети, что составляет 24 % [9].

Обратимся непосредственно к представленности кандидатов в губернаторы Кузбасса в социальных сетях. В табл. 1 показано наличие представленности политиков в трех социальных сетях – «ВКонтакте», «Телеграмм», «Одноклассники» и количество подписчиков. На примере наиболее популярной среди кандидатов социальной сети «ВКонтакте» обозначено количество постов за период с 14 июня (официальное объявление начала избирательной кампании в Кузбассе) по 12 августа 2023 года (начала этапа предвыборной агитации) [10].

Кандидат	Количество подписчиков		
	«ВКонтакте» / количество постов	«Телеграмм»	«Одноклассники»
Сергей Цивилев	97 076 / 78	20 035	34 731
Екатерина Грунтовая	2 692 / закрытый профиль	-	-
Юрий Скворцов	5 583 / 24	-	-
Станислав Карпов	1 178 / 12	203	527

Таблица 1. Медиаактивность кандидатов в губернаторы Кузбасса

Представленные данные в таблице показывают, что социальная сеть «Телеграмм» используется двумя кандидатами – Сергеем Цивилевым и Станиславом Карповым. Однако качественный анализ выставляемого контента в аккаунте Станислава Карпова с помощью программы обработки контента телеграмм-канала TGStat показывает нулевые показатели по всем

оцениваемым критериям эффективности ведения телеграмм-канала (средний охват публикации, индекс цитирования, вовлеченность подписчиков). В свою очередь, у Сергея Цивилева за рассматриваемый период наблюдается рост количества подписчиков телеграмм-канала с 19 127 (14 июня) до 25 017 (11 августа). Индекс цитирования публикаций составляет 281,7, средний охват публикации 37,7 %, а вот по вовлеченности подписчиков только каждый третий читает посты – 38 %.

Схожая направленность медиаактивности наблюдается в социальной сети «Одноклассники». Свои аккаунты ведут два политика – Сергей Цивилев и Станислав Карпов. Размещаемый новостной контент, как правило, дублируется по всем трем рассматриваемым социальным сетям.

В социальной сети «ВКонтакте» зарегистрировали свои аккаунты все кандидаты. Однако закрытый профиль кандидата от партии «КПРФ» Екатерины Грунтовой (аналитическая система также показывает данные о аккаунте как о частном профиле) не позволяет проанализировать как активность пользователей, так и предвыборную повестку кандидата. В табл. 2 систематизированы данные по количеству активностей пользователей социальной сети «ВКонтакте» по трем кандидатам – Сергей Цивилев, Юрий Скворцов, Станислав Карпов.

<i>Кандидат</i>	<i>Лайки</i>	<i>Комментарии</i>	<i>Репосты</i>	<i>Просмотры</i>
Сергей Цивилев	25 096	5 166	6 826	2 060 392
Юрий Скворцов	735	5	24	14 537
Станислав Карпов	282	0	15	4 460

Таблица 2. Формы активностей пользователей сети «ВКонтакте» на посты политиков-кандидатов в губернаторы

Представленные данные в таблице показывают, что независимо от рассматриваемого кандидата наиболее востребованной формой активности у пользователей сети «ВКонтакте» выступают просмотры и лайки. Комментарии позволяют в свою очередь проследить степень доверия к политику и готовность не просто написать слова поддержки или критический отзыв, но и получить решение на поставленную проблему. И в этом отношении уровень доверия к действующему губернатору и кандидату текущей избирательной кампании – Сергею Цивилеву, достаточно высок.

Значимым вопросом предвыборной гонки выступает тематическая направленность постинга кандидатов в губернаторы. Главная направленность постов кандидата Сергея Цивилева – военно-патриотическая тематика (у остальных политиков данная тенденция выражена менее отчетливо). Ключевой темой постов является сплочение общества вокруг поддержки участников СВО и их семей, что позволяет демонстрировать одновременно высокий уровень одобрения государственного курса Президента РФ и укреплять личный имидж

кандидата-губернатора. В числе знаковых событий патриотической тематики, рассмотренной в постах, отметим проведение в рамках Всекузбасского фестиваля-конкурса патриотической песни «#ПесниЗаРодину» концертов по городам региона, работу регионального филиала Государственного фонда «Защитники Отечества», проведение военно-патриотической акции «Знание.Герои», направленной на просвещение молодежи, церемония зажжения Вечного огня и акция «Свеча поколений». Относительно предвыборных программных заявлений и призывов прийти на выборы, то постов с данной тематикой нет, скорее речь идет об информировании населения об основных событиях в регионе, в том числе при личном участии губернатора.

Несколько иным выглядит контент постинга остальных кандидатов в губернаторы Кузбасса. И речь здесь не только в количественных параметрах (отличия по количеству постов и активностей пользователей безусловно существенные). Качественный анализ выставляемого контента показывает, что кандидат Юрий Скворцов в своих постах прибегает к такому механизму «раскрутки» своего имиджа как обращение внимания пользователей социальной сети к знаменательным праздничным датам, используя для этого патриотическую риторику (поздравление с Днем врача, Днем социального работника), а также показывает свою личную позицию к происходящим в стране событиям, высказывая свою поддержку главе государства в принимаемых решениях. Относительно постов, имеющих отношение в избирательной кампании, то их относительно немного – 4 (приглашение избирателей на выборы в Кузбассе, получение удостоверения кандидата на выборах губернатора, программные приоритеты партии, представленные в партийной газете «Справедливая Россия за правду»).

Кандидат Станислав Карпов, будучи депутатом регионального парламента Томска, фактически акцентирует внимание на вопросах регионального развития Томской области. В своих постах кандидат рассказывает о своей работе по внесению в региональный парламент проекта закона о расширении перечня направлений использования регионального материнского капитала, законопроекте о введение новой знаменательной даты, объединяющей ветеранов боевых действий и др. В тоже самое время патриотическая направленность отдельных постов имеет место в аккаунте Станислава Карпова (например, посты о доставке в зону СВО бронетехники, медикаментов и продуктов питания). Относительно избирательной тематики и программных предложений партии, то можно увидеть два поста, в которых идет речь о выдвижении от партии кандидатом и получение удостоверения кандидата.

Представленный анализ по использованию социальных сетей на примере кандидатов в губернаторы в Кузбассе показывает, что далеко не все кандидаты в своих аккаунтах уделяют должное внимание возможностям использования интернет-коммуникаций в социальных сетях при работе с электоратом. Действующему главе региона Сергею Цивилеву кандидаты от других политических партий явно уступают как по количественным

параметрам использования сети «ВКонтакте», так и по качественным характеристикам наполнения аккаунтов и выстраивания каналов «обратной связи» через разные формы активности. Недостаточное внимание кандидатами к вопросу ведения своих аккаунтов в социальных сетях фактически на старте делает их шансы на успех маловероятными, а население региона в своем большинстве сделает выбор в пользу действующего губернатора Сергея Цивилева, информационная повестка которого понятна и доступна для пользователей социальных сетей, есть возможность получить ответы на интересующие вопросы через каналы «обратной связи».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Четыре кандидата примут участие в выборах губернатора Кузбасса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6136991> (дата обращения: 14.08.2023).
2. Зайцева Л.А., Ломакина А.С., Напалкова И.Г. Имидж глав регионов России: особенности информационного продвижения // Контентус. 2019. № 6. С. 99–116.
3. Матвеева Е.В., Алагоз А.В. Социальные сети губернатора Кузбасса как механизм политической интернет-коммуникации власти и общества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 105–112.
4. Матвеева Е.В., Алагоз А.В. Концепт стрессоустойчивости как методологический подход в изучении аккаунтов депутатов Кузбасса в сети ВКонтакте // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 5. С. 55–62.
5. Филатова О.Г. Главы российских регионов в социальных сетях: аудит публичных коммуникаций // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 6–16.
6. Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулOMETрического анализа сетевого контента // Политическая наука. 2021. № 3. С. 112–141.
7. Мухаметов Д.Р. Политические партии в цифровой реальности. Партии сетевого контроля и сетевой координации // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2021. № 2. С. 59–70.
8. Савина Е.В. Политическая коммуникация партий с гражданами в социальных медиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 21–30.
9. Создатели смыслов. URL: <https://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/sozdateli-smyslov/> (дата обращения: 12.08.2023).
10. В Кузбассе официально стартовала избирательная кампания 14 июня 2023 г. URL: <https://kuzbassfm.ru/news/77959> (дата обращения: 14.08.2023).

Руденко М.В.

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДОНБАССЕ ВЕСНОЙ 2014 ГОДА

Объектом исследования автора является местное русское гражданское общество в Донбассе в событиях весны 2014 г., его роль в организации протестного движения и формировании государственности ДНР.

Ключевые слова: русское гражданское общество, Русская весна, гражданский протест, ДНР.

RUSSIAN CIVIL SOCIETY IN DONBASS SPRING 2014

The object of the author's research is the local Russian civil society in Donbass in the events of the spring of 2014, its role in organizing the protest movement and the formation of statehood of the DPR.

Key-words: Russian civil society, Russian Spring, civil protest, DPR.

Основным действующим лицом протестного движения на Юго-Востоке бывшей Украины после государственного переворота 22 февраля 2014 г. на несколько месяцев стал политически активный гражданин, стремившийся своей публичной позицией, активными действиями, выразить сложившуюся точку зрения по поводу происходящего и принять непосредственное участие в стремительно протекающих политических процессах и исторических событиях. Активные граждане в этот период тяготели к объединению в различные стихийно зарождающиеся общественные объединения.

Несмотря на присутствие к началу событий на Украине и в Донбассе в политическом спектре прорусских общественно-политических организаций («Донецкая республика», «Донбасская Русь», «Союз граждан Украины», «Народно-освободительное движение») и партий (партия «Русский блок», Прогрессивная социалистическая партия Украины (ПСПУ), партия «Русско-Украинский Союз» (партия «Русь»), «Славянская партия»), ни одна из них не была должным образом организована и структурирована. Развернуть свою деятельность пророссийским силам мешала позиция не терпящих конкуренции в борьбе за идеологическое влияние на население политико-экономических элит юго-восточных регионов страны, в политическом плане представленным таким монополистом, как Партия регионов (ПР). Прорусский актив не имел сколько-нибудь сопоставимой поддержки админресурса, бизнеса и СМИ, а следовательно - и влияния в массах [1].

И тем не менее, в момент паралича центральных и местных органов власти, дезорганизованных государственным переворотом, а также политического самоубийства, занявшей соглашательскую позицию после победы «евромайдана» и вынужденного бегства из страны Президента Украины В.Ф. Януковича, юго-восточной «партии власти» - Партии регионов, конгломерат этих небольших по численности, но активных прорусских общественно-политических организаций и партий стал точкой первоначальной кристаллизации гражданского сопротивления, а также народной низовой самоорганизации. Рост их влияния в регионе был прямо пропорционален росту гражданской активности населения Донбасса, встревоженного происходящими в стране событиями.

Уже январь 2014 г. в общественно-политическом плане в Донецке выдался достаточно активным. 18 января в Пролетарском районе города у памятника Богдану Хмельницкому состоялось празднование 360-летнего юбилея Переяславской Рады, события напоминавшего о воссоединении Великой и Малой России. Тогда по народной инициативе на мероприятие собралось более полусотни гражданских активистов ряда прорусских партий

и общественных организаций, открыто выступивших за сохранение исторического единства с Россией. И хотя количество участников было ещё невелико, но для Донца того периода любая общественно-политическая активность, организованная без участия административного ресурса ПР и местных властей, была уже достижением.

9 февраля 2014 г. у памятника Артёму в Донецке более ста человек из различных общественно-политических организаций самого широкого идеологического спектра, значительную часть из которых составляла молодёжь, отметили 96-ю годовщину провозглашения Донецко-Криворожской Республики. Это был наиболее массовый за последние несколько лет митинг, посвящённый ДКР. Его участники выступали против украинского нацизма, криминально-олигархического майдана, евроколонизации. Звучали призывы к власти вспомнить исторический опыт ДКР, идею единства с Россией, вектор евразийской интеграции. Никакой поддержки со стороны Партии регионов данное мероприятие также не получило.

23 февраля 2014 г. в Донецке состоялся массовый митинг, на котором встречали вернувшихся из Киева бойцов «Беркута». С вечера этого дня в областном центре по инициативе местных представителей Коммунистической партии Украины (КПУ) силами гражданских активистов началась охрана памятника Ленину.

С середины февраля публичные встречи и митинги в Донецке возле памятников Артёму, Ленину, Гринкевичу начали проходить каждые выходные. Численность участников данных мероприятий росла день ото дня. Люди высказывали возмущение происходящим в Киеве, искали пути к объединению [2, с. 7-8].

После неконституционного захвата власти сторонниками «евромайдана» у значительной части политически активных жителей Донецкой области все еще оставались иллюзии на счет того, что сопротивление перевороту в регионе возглавят представители местных официальных властей и политических элит. Поэтому столь пристальное внимание было обращено на публичную позицию руководства Донецкой областной государственной администрации (ОГА), Донецкого областного совета, Донецкого городского совета, областной организации Партии регионов, которые в предшествующий период пытались играть активную роль в политической мобилизации населения под лозунгами «Антимайдана». Но после официальных заявлений пресс-службы Донецкой ОГА 24 февраля 2014 г. стало ясно, что региональные элиты и верхушка Партии регионов уже готовы «конструктивно работать» с новой киевской «властью», тем самым признавая итоги переворота [3].

После этого альтернативы народной самоорганизации для сопротивления Киеву просто не осталось. За относительно короткий период в Донецке и области возник целый ряд новых неформальных прорусских общественно-политических организаций и движений, а также объединений территориальных общин и силовых групп, сыгравших значительную роль в

ходе событий Русской весны. Наиболее крупные из них, впоследствии ставшие военизированными формированиями – «Народное ополчение Донбасса», «Оплот», «Патриотические силы Донбасса».

Наиболее полно политическая программа первоначального, гражданского и мирного по своему характеру, этапа Донбасского восстания, когда участники сопротивления киевскому режиму старались ненасильственными методами заставить местные власти действовать в интересах жителей региона, а не незаконного «правительства» в Киеве, была сформулирована в «Ультиматуме «Народного ополчения Донбасса» депутатам Донецкого городского совета». Основными положениями данного документа были: признание факта государственного переворота, произошедшего на Украине; разъяснения относительно потери легитимности органами центральной и региональной власти, признавшими киевский режим; требование взять на себя всю полноту власти в городе. Содержание этого воззвания было озвучено депутатам Донецкого горсовета 28 февраля. К сожалению, депутатскому корпусу не хватило политической смелости, чтобы поддержать мирный, гражданский протест против переворота, но текст «Ультиматума...» приобрел большую популярность в интернете и социальных сетях[4, с. 92-94].

1 марта 2014 г. на главной площади Донецка прошел митинг, собравший около 50 тысяч человек, с требованием к местной власти о неподчинении нелегитимному киевскому режиму. Соглашательская позиция представителей власти и политико-экономических элит региона была воспринята народом как предательство. Большинство людей считало, что единственным ориентиром для спасения от надвигающегося хаоса теперь является Россия. Основными лозунгами митинга были «Донбасс – с Россией!», «Крым – Донбасс – Россия», «Беркут, мы с тобой!», «Донецк – русский город», «Бандера не пройдет». На митинге, путем прямого волеизъявления его участников, лидер общественного движения «Народное ополчение Донбасса» Павел Губарев был избран «народным губернатором» Донецкой области. На флагштоке возле здания областной государственной администрации восставшим народом был поднят флаг России. Так в Донбассе началась Русская весна[5, с. 526-527].

Существовавшие на тот момент в юго-восточных регионах представительные органы местного самоуправления, в основном, заняли пассивную позицию, и отстранились от участия в формировании и легитимизации неподконтрольных киевскому режиму новых властных структур. Поэтому инициативу в свои руки взял восставший народ, организуя сопротивление киевскому режиму на местах, выдвигая из своей среды на митингах новых лидеров и там же наделяя их властными полномочиями. Массовые митинги Русской весны, в данном случае, приобретали характер народных собраний, напоминавших древнерусские вече. По сути так происходило стихийное зарождение, воспроизводивших на начальном этапе архаичные формы, новых институтов народного представительства. Путем единогласного голосования участников массовых

протестных митингов были легитимированы такие переходные институты революционной власти, как «народный мэр» и «народный губернатор», ставшие прообразом высшего должностного лица города или региона, в восставшем Севастополе, Донецке и Луганске [6, с. 60-63].

С середины марта деятельность по налаживанию взаимодействия между участвовавшими в протестном движении общественными организациями и политическими партиями начала специально созданная для этого «сетевая» коалиция протестных организаций - Координационный совет Донецкой области (КСДО). На заседаниях КСДО присутствовали представители около 40 общественно-политических организаций. Среди активных участников были представители «Донецкой республики», КПУ, ПСПУ (при этом руководство левых партий в Киеве дистанцировалось от «донецкого сепаратизма»), партии «Русский блок», партии «Русь», «Народного ополчения Донбасса», «Народно-освободительного движения», «Оплота», «Патриотических сил Донбасса», «Союза граждан Украины», различных молодёжных организаций. Именно в рамках работы КСДО родилось само название будущего государства - «Донецкая Народная Республика», а также были подготовлены проекты текстов Декларации о суверенитете ДНР и Акта о провозглашении государственной самостоятельности ДНР. Координационный совет Донецкой области можно рассматривать как прообраз и основу на которой формировался в будущем новый первый коллегиальный представительный орган власти восставшего региона [7, с. 50-52].

Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют о ключевой роли стихийно организовавшегося на фоне произошедшего на Украине прозападного переворота и вызванного этим ослабления государственных институтов и дезорганизации местных политических элит, русского гражданского общества в событиях весны 2014 года в Донбассе. Русским это гражданское общество было по своему духу и самосознанию, в соответствии с пробудившейся в результате экзистенциального вызова национальной идентичностью большей части населения региона. Отсюда и общепринятое название этих событий, которое лучше всего передает их идейно-идеологическое наполнение – Русская весна.

Русское гражданское общество оказалось способно к эффективной самоорганизации, координации масштабного протестного движения, выдвижению собственных лидеров, организации вооруженного сопротивления киевским узурпаторам власти, формированию собственных государственных институтов. Сформированные русским гражданским обществом Донбасса в результате народного восстания представительные органы власти сыграли решающую роль в создании ДНР и ЛНР. Закономерно и то, что на начальном этапе своего существования (7 апреля – 4 ноября 2014 г.), возникшая в результате массовых гражданских протестов и низовой народной самоорганизации ДНР, тяготела к такой форме государственного правления, как парламентская республика.

Список литературы

1. Бунтовский С.Ю., Каримова Х.И. Общественно-политические организации Донбасса прорусской направленности в конце XX – начале XXI века / С.Ю. Бунтовский, Х.И. Каримова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар: КубГАУ, 2016. №124 (124). С. 527–548. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvenno-politicheskie-organizatsii-donbassa-prorusskoj-napravlenosti-v-kontse-hh-nachale-hhi-veka> (дата обращения: 23.06.2023).

2. Руденко М.В. Первый день восстания: о дате начала Русской весны на территории бывшей Донецкой области / М.В. Руденко // Новая Земля. 2016. № 2 (16).

3. Известные люди Донбасса – за мир и порядок в регионе и стране / Управление информационной политики и по вопросам прессы Донецкой областной государственной администрации, 24.02.2014. URL: <http://donoda.gov.ua/?lang=ru&sec=02.03.09&iface=Public&cmd=view&args=id:19197> (дата обращения: 23.03.2016); Верховная Рада - единственный легитимный орган в Украине (обновлено) / Управление информационной политики и по вопросам прессы Донецкой областной государственной администрации, 24.02.2014. URL: <http://donoda.gov.ua/?lang=ru&sec=02.03.09&iface=Public&cmd=view&args=id:19198> (дата обращения: 23.03.2016).

4. Губарев П. Факел Новороссии. СПб.: Питер, 2016. 416 с.

5. Григорьев М.С. и др. История Украины: монография. М.: Международные отношения, 2022. 648 с.

6. Руденко М.В. «Народные мэры» и «народные губернаторы»: первый институт революционной власти в Крыму и в Донбассе в феврале – мае 2014 года // Материалы республиканской научно-практической конференции с международным участием «Политический процесс в Донецкой Народной Республике: институциональное и ценностное измерения». (Донецк, Донецкий национальный университет, 6 – 7 мая 2019 года) / Отв. ред. проф. Муза Д.Е. Донецк: ДонНУ, 2019. С. 60-63.

7. Черкашин К.В. Деятельность Координационного совета Донецкой области в ходе событий «Русской Весны» в Донбассе / Сборник материалов Первой научной конференции историков ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». Донецк, 2015. С. 50-52.

Трыканова С. А.

ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ ГОРОДА» В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Цифровизация общества – неизбежный процесс в рамках глобализации и интенсивного развития информационных технологий. Процесс цифровизации касается и урбанистики. Все чаще, в ходе проектирования городов и районов, внедряют современные технологии, позволяющие облегчить бытность горожанина, и создающие дополнительные удобства для проживания и пользования инфраструктурой города. В России данная концепция получила название «умный город», и успешно реализуется в рамках федеральных и региональных программ. Чеченская Республика демонстрирует одни из лучших показателей в данном направлении по Северо-Кавказскому федеральному округу.

Ключевые слова: цифровизация, урбанистика, государственные и муниципальные услуги, устойчивое развитие, муниципальное управление, концепция «Умный город», Интернет-вещей

THE INNOVATIVE ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE "SMART CITY" CONCEPT IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE

Digitalization of society is an inevitable process within the framework of globalization and intensive development of information technologies. The process of digitalization also concerns urbanism. Increasingly, during the design of cities and districts, modern technologies are being introduced to facilitate the life of a citizen, and creating additional amenities for living and using the infrastructure of the city. In Russia, this concept has been called "smart city", and is being successfully implemented within the framework of federal and regional programs. The Chechen Republic demonstrates one of the best indicators in this direction in the North Caucasus Federal District.

Keywords: digitalization, urban studies, state and municipal services, sustainable development, municipal government, Smart City concept, Internet of Things

Процесс глобализации в мире стремительно ведет к цифровизации человечества во всех сферах жизни. Урбанистика не отстает от общей тенденции и в рамках заданного вектора появляются такие направления, как урбанистическая социология, урбанистическая политология, а также все чаще встречаются новости о внедрении цифровых систем в структуру урбанистики отдельных городов. Российская Федерация имеет четко заданный курс по цифровизации населения, и выделяет отдельное ведомство - Министерство цифрового развития [6], связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, призванное максимизировать результативность федеральных программ по цифровизации (к прим. «Цифровая экономика Российской Федерации») [8]. Ряд регионов на территории России имеет свой прогрессивный взгляд на проекты. Ярким примером может служить Чеченская республика, где под руководством Рамзана Ахматовича Кадырова реализуются целый комплекс smart-проектов, шагнувших на встречу современным технологиям, а также качеству и комфортному городской среды. В столице ЧР, городе Грозном, недавно проводился конкурс на проектирование мастер-плана Грозного: «Умный город, коммуникационный центр и образовательный хаб» [1].

Умный город (smartcity) – это город, где используются современные информационные технологии и инфраструктура для улучшения качества жизни граждан, оптимизации и улучшения работы городских служб и управления городской средой. Ключевыми аспектами концепции «Умный город» являются следующие контексты:

- использование Интернета вещей (IoT) для сбора данных о городской инфраструктуре и жизни горожан. Например, сенсоры могут измерять уровень загазованности воздуха, трафик на улицах, уровень шума и т.д;

- автоматизация городских служб и управления городом, используя данные, полученные с помощью IoT. Например, умный город может использовать автоматические системы управления транспортом, чтобы улучшить трафик и уменьшить время в пути для граждан;

- использование городских данных для улучшения качества жизни граждан. Например, умный город может использовать данные о качестве воздуха, чтобы предупреждать граждан о высоком уровне загазованности и рекомендовать им использовать маски или оставаться дома;

- развитие экологически чистых технологий и инфраструктуры, таких как велосипедные дорожки, общественный транспорт на электрических машинах, уменьшение использования пластика и т.д.

В соответствии с параметрами конкурса, проводимого в Чечне, основной целью является возможность сформировать оптимальный мастер-план столицы Чеченской Республики, способный обеспечить долгосрочное и устойчивое развитие Грозного, системное повышение качества и комфортности городской среды, увеличить эффективность использования территории с учетом сложившихся социально-экономических условий.

В целом направление цифровой трансформации республики строит фундамент для нескольких ключевых точек роста, таких, как: Построение IT-инфраструктуры регионального значения; развертывание "Цифровой долины" в городе Грозном; развитие инновационных технологий в АПК и строительстве; развитие блокчейн в госсекторе. Отдельного внимания достойна стратегия развития региона к 2035 году [9], в которой говорится, что «Г. Грозный будет развиваться в концепции «умного» города с использованием цифрового управления городским хозяйством и интеллектуальными транспортными системами. Будут формироваться предпосылки для реализации технологического прорыва за счет внедрения продуктов нового поколения, в том числе с помощью привлечения внешней экспертизы из стран Ближнего Востока и Индии». Таким образом можно проследить, как на правительственном уровне лоббируется программа цифровизации региона. В рамках долгосрочного планирования, Чеченская Республика планирует стать региональным лидером по экспорту цифровых услуг и продуктов, а также открыть центр компетенций в сфере IT. Как уже было упомянуто выше, усилия бизнеса и органов власти будут зачастую направлены на работу с международными партнерами партнерами.

Необходимо отметить, что Чеченская Республика давно взяла курс на внедрение высоких технологий в практику формирования городской инфраструктуры. К примеру, Чечня стала одним из первых регионов, использующих инновационные пешеходные переходы с голограммой. В «интеллектуальный» пешеходный переход интегрирована возможность передачи видео и связанных данных на верхний уровень принятия решения, а также синхронизация с внешними базами данных (например, базами розыска, спецтранспорта). К подобной разработке с особым вниманием отнеслись в Министерстве автомобильных дорог Чеченской Республики [4], и решили применить [10] на автомобильных дорогах первой технической категории, с шестью полосами движения.

Цифровизация здравоохранения — это процесс внедрения цифровых технологий и инновационных решений в медицинской сфере. Она включает в себя использование электронных медицинских карт, телемедицины, систем

управления медицинскими данными, искусственного интеллекта и многого другого. Цифровизация здравоохранения позволяет улучшить качество медицинской помощи, повысить ее доступность и эффективность, сократить затраты на здравоохранение и улучшить управление медицинскими ресурсами. Она также позволяет быстрее и точнее диагностировать заболевания, проводить лечение и контролировать состояние пациентов. Однако, для успешной цифровизации здравоохранения необходимо решить множество технических, организационных и правовых вопросов. Также важно учитывать защиту персональных данных пациентов и обеспечение безопасности медицинской информации. Правовое сопровождение цифровизации здравоохранения включает в себя ряд мер, направленных на обеспечение безопасности и конфиденциальности медицинской информации, а также на соблюдение норм законодательства в области защиты персональных данных. Это включает в себя:

- разработку и внедрение правовых норм и стандартов, регулирующих обработку медицинской информации и персональных данных пациентов, а также обеспечение их соблюдения;

- обучение медицинских работников и специалистов в области цифровизации здравоохранения с целью повышения квалификации и приобретения знаний о правовых аспектах цифровизации здравоохранения;
- разработку и внедрение технических и программных решений, обеспечивающих безопасность и конфиденциальность медицинской информации и персональных данных пациентов;

- разработку и внедрение механизмов контроля за соблюдением правил обработки медицинской информации и персональных данных пациентов, а также наказания за их нарушение;

- сотрудничество с государственными и негосударственными организациями по вопросам защиты персональных данных и обработки медицинской информации.

Подобные технологические новшества не обходят стороной и ЧР. Перед Минздравом Республики [5] стоит задача по успешному внедрению механизмов, предусмотренных федеральной программой [7], призванной автоматизировать управление льготным лекарственным обеспечением, а также упростить процесс получения листов нетрудоспособности, свидетельства о смерти и свидетельства о рождении. Таким образом внедряемая система заменяет отжившую, и пациенту попросту не требуется посещать медицинское учреждение для получения необходимого документа в бумажном виде. В автоматизированном формате листы о временной нетрудоспособности доставляются работодателю, а свидетельства о рождении и смерти в ЗАГС.

В целом можно сказать, что Чеченская Республика активно работает над цифровизацией своей инфраструктуры и общественных сервисов. К примеру, как утверждает [2] «Чеченская государственная телекомпания «Грозный»», уже отлажено производство и сборка новейших светодиодных прожекторов, освещающих улицы Грозного, которые уже

получили свою известность благодаря экономичности и простоте в обслуживании. Также, новостной портал сообщает, что в рамках реализации проекта «Умный город», на проспекте Кадырова были установлены специальные остановочные павильоны, функционалу и качеству которых может позавидовать любой европейский город. Умные остановки — это технологически оборудованные автобусные остановки, которые могут предоставлять различные удобства для пассажиров. К ним могут относиться технологии, такие как электронные информационные табло, системы оповещения о задержках, беспроводной доступ в Интернет, зарядные устройства для мобильных устройств, а также возможности приобретения билетов на месте. В случае с городом Грозный, остановки обладают всем необходимым функционалом, начиная с установленного цифрового рекламного LCD-монитора и видеокамер, заканчивая системой кондиционирования и отопления в жаркие и холодные сезоны. В ходе развития городской инфраструктуры, в столице ЧР появились велодорожки, что позволяет минимизировать риски непредвиденных ситуаций на автомобильных дорогах.

Уже выполнены работы по цифровизации образования и здравоохранения, а также модернизации государственных служб и систем управления. Ожидается, что в ближайшем будущем будут проведены дополнительные работы по улучшению связи и информационных технологий в регионе. Необходимо отметить, что все подобные инновации требуют серьезного финансирования не только из федерального (федеральная программа «Цифровая экономика») и регионального бюджета (Минтрансвязи ЧР, Минобрнауки ЧР), но и с привлечением инвестиций из бизнеса. В соответствии с планом стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики [5] до 2035 года, инвестициями по проекту являются: средства банков развития (например, ВЭБ); средства партнеров цифровой трансформации (ПАО «Сбербанк», ООО «Яндекс» и др.); средства зарубежных фондов (например, Фонд развития Абу-Даби); средства некоммерческих российских и зарубежных организаций.

Цифровизация Чеченской республики является важным этапом ее развития. Продвижение цифровой экономики позволит привлечь инвестиции и создать новые рабочие места, а также повысить конкурентоспособность республики в мировой экономике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агентство стратегического развития «ЦЕНТР». Открытый международный конкурс на разработку мастер-плана Грозного // Мастер-план Грозного: умный город, коммуникационный центр и образовательный хаб. 2023. URL: <https://www.centeragency.org/ru/projects/149>(дата обращения 21.05.2023).
2. В столице Чечни успешно реализуется концепция "Умный город" // Чеченская государственная телекомпания «Грозный». 2016. URL: <https://grozny.tv/news/society/16407> (дата обращения 21.05.2023).
3. В Чечне намерены создать "Цифровую долину"// ТАСС. 2021 URL: <https://tass.ru/ekonomika/10962473> (дата обращения 21.05.2023).

4. Министерство автомобильных дорог Чеченской Республики. URL: <https://www.minavtodor-chr.ru/> (дата обращения 21.05.2023).
5. Министерство Здравоохранения Чеченской Республики. URL: <https://www.mzchr.ru/>(дата обращения 21.05.2023).
6. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 21.05.2023).
7. Надаева Т.Цифровизация здравоохранения: Чеченская Республика успешно адаптируется к новым вызовам реальности // ВЕСТИ095. 2020. URL: <https://vesti095.ru/2020/07/tsifrovizatsiya-zdravoohraneniya-chechenskaya-respublika-uspeshno-adaptiruetsya-k-novym-vyzovam-realnosti/> (дата обращения 21.05.2023).
8. Правительство Российской Федерации. Распоряжение. Утвердить прилагаемую программу "Цифровая экономика Российской Федерации". // 2017. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuRgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения 21.05.2023).
9. Правительство Чеченской Республики. Распоряжение. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Чеченской Республики до 2035 года // 2021. URL: <https://chechnya.gov.ru/wp-content/uploads/documents/62-r-3.pdf>(дата обращения 21.05.2023).
10. Хубазова И. В ЧР появился инновационный пешеходный переход // ВЕСТИ095. 2022. URL: <https://vesti095.ru/2022/11/v-chr-poyavilsya-innovatsionnyj-peshehodnyj-perehod/>(дата обращения 21.05.2023).

СЕКЦИЯ 5

**ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
В РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНАХ**

ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

В статье рассматриваются вопросы формирования исторического самосознания и гражданской идентичности в контексте общенационального консенсуса по основополагающим проблемам и событиям отечественной и мировой истории как важнейшим составляющим элементам проведения государственной политики в области науки и образования, направленной на сохранение исторической памяти и усиление патриотического воспитания молодежи.

Ключевые слова: Россия, историческое самосознание, гражданская идентичность, государственная политика, патриотизм.

Avakova E.B., Goncharenko L.N.

HISTORICAL SELF-CONSCIOUSNESS AS THE MOST IMPORTANT COMPONENT OF CIVIC IDENTITY AND A CONDITION FOR THE FORMATION OF RUSSIAN PATRIOTISM

The article examines the issues of historical self-awareness and civic identity in the context of a national consensus on the fundamental problems and events of national and world history. These are important components of the state policy in the field of science and education aimed at preserving historical memory and developing patriotic education of youth.

Key-words: Russia, historical self-consciousness, civic identity, state policy, patriotism.

Важнейшим компонентом гражданской идентичности человека является его историческая самоидентификация, то есть его осознанная связь со всеми предшествующими этапами развития своего государства и своей национальной общности, понимание перспектив их развития в обозримом будущем, а также умение отделять созидательные, конструктивные явления и процессы в истории от деструктивных и вредных для государства и общества. Очевидно, что гражданская идентичность формируется на протяжении всей жизни человека, а ее основы закладываются на ее ранних этапах, что требует постоянного внимания и вполне осознанной государственной политики по ее формированию и идейно-смысловому наполнению. Особую актуальность данный вопрос приобрел после 1991 года, когда перестал существовать СССР и на его месте возникло 15 новых государств, 14 из которых, за исключением России, носят ярко выраженный этнократический характер. Еще в большей степени он актуализировался после 2014 года, когда народ Крыма на референдуме высказался за присоединение к России. И на сегодняшний день этот вопрос приобрел особенно судьбоносный характер в связи с вхождением в состав России Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей.

Вопрос исторической самоидентификации личности, с одной стороны, непосредственно связан с осознанной политикой государства по развитию исторической науки и исторического образования, с проведением государственной политики, направленной на сохранение исторической

памяти и усиление патриотического воспитания молодежи, а с другой стороны, требует активного участия в этих процессах всех институтов гражданского общества, в том числе и традиционных религиозных конфессий.

Это особенно важно с учетом того, что в странах коллективного Запада ив некоторых отечественных публикациях, предпринимаемых, в том числе на средства различных западных фондов и, так называемых, некоммерческих организаций, настойчиво предпринимаются попытки проводить идеи о невмешательстве государства в преподавание истории в школах и вузах, о необходимости и якобы возможности избавить историческую науку от идеологического воздействия и сделать ее полностью свободной от идеологии и политики. При этом подобные идеи в таких публикациях часто обусловлены, в том числе идеологией, политическим влиянием и вмешательством государств – западных государств и их интересов. Так, осуждается сама постановка вопроса о том, «что долг историков – солидарно противостоять «вредным» для отечества интерпретациям истории, которые якобы пропагандируются и используются внешними врагами» [1, с. 20.]. При этом слово «вредные» поставлено в кавычки, то есть «вредные» интерпретации, по мнению автора, вредными как раз и не являются, а лишь свидетельствуют о плюрализме мнений и свободе научного дискурса. Не удивителен, в этой связи, вывод автора, что «более или менее устойчивые демократические системы удалось построить лишь тем странам, которые получили прямую перспективу членства в НАТО и ЕС, а затем были приняты в эти структуры» [1, с. 11.].

Новые реалии политической жизни страны и масштабы стоящих перед государством и обществом задач, требуют по-новому осмыслить специфику исторического знания и его роли на новом этапе истории страны. С одной стороны, история как наука стремится выяснить причинно-следственные связи, тенденции и закономерности произошедших исторических событий и процессов, понять их внутреннее содержание и установить смыслы. Квалификация историка непосредственно зависит от его умения отбирать достоверные факты, критического их использования, знания научной литературы по предмету, а также применения всей совокупности современных и традиционных методов исследования. В этом смысле история мало чем отличается от других наук. Вместе с тем, историческое знание **всегда** (выделено авт.) несет в себе идеологическую нагрузку. Напомним, что «идеология» (от греч. *idea* – представление и *logos* – слово, учение, знание) – система идей, взглядов, представлений, содержащая концептуальное, теоретическое осмысление социального бытия с точки зрения интересов, потребностей, целей и идеалов определенных социальных групп и слоев, национальных образований. Идеология является продуктом социально-политической деятельности людей, составной частью духовного производства и даже культуры. Структурно она состоит из политических теорий и идей, общественно-политических взглядов, ценностей, концепций политического развития и политических программ, политических символов и

т.п.» [2, с. 15] Идеология может быть концептуально оформлена и детально разработана ее политическими сторонниками и адептами в научной среде, а может до определенного времени существовать на уровне отдельных идей, требующих последующего обоснования и распространения. Ключевыми основаниями любой идеологии являются социальные интересы и ценности. Именно ценности и интересы конкретных социальных групп, кланов, корпораций, наций и, тем более, государств лежат в основе всех идеологических систем и концепций. Все они находят то или иное отражение, явное или завуалированное и в работах ученых – историков, призванных не только запечатлеть произошедшие события, но высказывать оценочные суждения и извлекать политические и нравственные уроки из этих событий. Сам по себе исторический факт не несет в себе идеологической нагрузки, но являет собой часть объективной реальности прошлого. Однако определенный подбор фактов, их группировка, а тем более создаваемая на их основе концепция и моральная оценка всецело зависят от личной позиции конкретного исследователя и выполняемого им социального заказа. Государство, не защищающее идейно свои ценности и интересы, не уделяющее необходимого внимания идеологии, теряет свою монолитность, слабеет и может прекратить свое существование. В этом контексте взгляд государства и общества на всю историю, умение отделять позитивные моменты прошлого от негативных и извлекать необходимые уроки, имеет первостепенное значение.

Никто не ставит под сомнение научную компетенцию таких светочей исторической науки как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев или В.О. Ключевский, советских историков М.Н. Тихомирова, М.В. Нечкиной, Е.В. Тарле и их многочисленных коллег. Вместе с тем, их идеологическая позиция несомненна и вполне определена, что подтверждено многочисленными историографическими исследованиями. Действительно, Карамзин был идеологом просвещенного консерватизма и, во многом, заложил основы теории официальной народности графа С.С. Уварова, Соловьев развивал идеи западничества и сам принадлежал к этому идеологическому общественному течению, а Ключевский был близок по своим взглядам к идеологии партиикадетов. Общественные идеалы, чисто человеческие симпатии и антипатии этих ученых к тем или иным историческим персонажам, их позиционирование по отношению к существующей власти, совершенно отчетливо свидетельствуют о продвижении ими совершенно определенных идеологических концептов. Что касается советских историков, то их научное творчество находилось под самым пристальным контролем идеологических структур правящей коммунистической партии, и они последовательно обосновывали своими трудами теоретические положения классиков марксизма-ленинизма и партийных вождей.

В настоящее время в условиях демократии и политического плюрализма в отечественной исторической науке доминируют как минимум несколько идеологических концепций, среди которых можно совершенно

отчетливо выделить: либеральную, левую в самых разных ее интерпретациях, евразийскую, а также националистические и религиозные подходы с учетом их конфессиональных особенностей и региональных преломлений. Одни и те же исторические события могут по-разному трактоваться и оцениваться, а конкретным историческим персонажам могут даваться диаметрально противоположные оценки. Это касается даже таких ключевых фигур российской истории как Иван Грозный, Петр Великий, П.А. Столыпин, Ленин и Сталин. Может ли такое положение вещей устраивать государство и насколько такой подход продуктивен с точки зрения его интересов. Преподаватели истории и, тем более, рядовые граждане и молодежь испытывают в этой ситуации определенное замешательство, особенно учитывая тот факт, что часто декларируется их право самим сделать выводы и сформировать свою точку зрения. Возникает парадоксальная ситуация: сами политики и признанные авторитеты исторической науки не могут договориться и перекладывают эту задачу на непрофессионалов, заведомо понимая, что сеют таким образом полный хаос в головах своих слушателей, читателей и учеников. В этой связи особую важность приобретает выработка общегосударственной исторической концепции, работающей на интересы Российского государства и общества, являющейся частью формирующейся государственной идеологии. Очевидно, что конец идеологии, о котором писали такие западные «пророки» как Д. Белл [3] [4], Р. Арон [5], Д. Гэлбрейт [6], Ф. Фукуяма [7] и ряд других социологов, не наступил. Напротив, человечество вступило в многополярный мир, мир идеологического многообразия и соперничества.

В отличие от тоталитарных государственных образований, с их принудительной моноидеологизацией, в демократических государствах идеология, включая и ее историческую составляющую, может быть сформирована лишь на основе достижения общенационального консенсуса и нахождения разумного компромисса с представителями самых разных идеологических доктрин, готовых признать самоценность государства как универсального механизма, социально-политической машины по управлению делами общества и защите его народов от различного рода угроз. Социальная, экономическая и политическая солидарность, социальное партнерство, сбалансированность прав и обязанностей граждан, обеспечиваемые Конституцией Российской Федерации [8, ст. 75.1], своеобразный итог идеологического и социально-политического развития Российского государства к началу XXI века, результат уроков, извлеченных из истории XX века. Никого не должен смущать второй параграф статьи №13 Конституции РФ, который гласит, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [8, ст. 13]. Это положение во многом отразило взгляды либеральной российской элиты и специалистов по конституционному праву, которые господствовали в России в начале 90-х годов и противоречит всему содержанию Конституции. Очевидно, что Конституция вполне определенно формулирует основные **ценности** (выделено авт.) российского государства и стоит на страже его

интересов (выделено авт.). Она глубоко идеологична по самому своему предназначению [9] [10], также как идеологичны конституции США, Франции, ФРГ, Китая и всех других стран мира. Таким образом, Конституция является не только нормативно-правовой базой всего государственного законодательства, но и нормативно-идеологическим документом, лежащим в основе идейной жизни общества.

Одновременно с Конституцией РФ нормативную базу идеологии современного российского государства, составляют документы стратегического планирования. Наряду с формулировкой стратегических целей по важнейшим направлениям внутренней и внешней политики государства, они дают их научно-идеологическое обоснование, содержат исчерпывающую характеристику событий новейшей мировой и отечественной истории [11]; [12]; [13]; [14]; [15]; [16]; [17] [18]. В этом смысле они вполне определенно определяют характер и тематику научных исследований отечественных историков и направленность преподавания истории в различного рода учебных заведениях страны.

Не менее важным является и целый ряд выступлений, статей и обращений Президента РФ В.В. Путина, в которых он дает оценку тем или иным периодам отечественной истории, а также ряду ее деятелей. К такого рода материалам можно отнести речь Президента на конференции в Мюнхене в 2007 году [19], выступление на встрече с молодыми учеными и преподавателями истории 5 ноября 2014 года в Москве [20], его статью «Об историческом единстве русских и украинцев» [21], обращения от 21 и 24 февраля 2022 года [22] [23], обращение от 26 июня 2023 года [24] и ряд других [25].

Важнейшее значение для формирования исторической концепции, отражающей интересы российского государства и общества, имеет Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [26]. К таким ценностям отнесены: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». В Указе подчеркивается, что особая роль в укреплении традиционных ценностей принадлежит православию, другим традиционным религиям. Этот Указ и формируемый им ценностный подход имеет первостепенное отношение для интерпретации отечественной истории, поскольку позволяет извлекать из нее уроки, выстраивать позитивный исторический нарратив, нацеленный на формирование гражданской идентичности, ответственности и любви к своей Родине. Это особенно важно в условиях сегодняшнего разгула русофобии на Западе и распространения частью отечественной «творческой интеллигенции» исторических,

социальных и политических мемов, карикатуры и пародии, имеющих антигосударственную направленность.

Ценностный (аксиологический) подход к истории ни в коей мере не означает разрыв с научным историческим знанием, основанном на достоверных фактах, использовании всего массива научной литературы по истории, а также использовании научных методов в исторических исследованиях. Только опора на высокую академическую науку и на достижения профессиональных ученых могут стать преградой на пути многочисленных авантюристов, паразитирующих на ниве истории и выстраивающих умозрительные исторические повествования и теории, не имеющие ничего общего с исторической реальностью. Только такой подход может уберечь историческую составляющую государственной идеологии от разного рода аферистов от науки и сочинителей, расположившихся в различных зарубежных институтах «исторической» памяти, а также многочисленных западных центрах «изучения» истории России.

Все вышесказанное предопределило появление «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», утвержденной Экспертным советом по развитию исторического образования в феврале 2023 года [27]. Концепция отмечает особое место истории в формировании специалистов с высшим образованием, а историческое сознание определяет в качестве наиболее существенной составляющей гражданской идентичности. Отмечается, что именно принцип историзма позволяет гражданам страны формулировать и аргументированно отстаивать патриотическую позицию по проблемам отечественной истории. Вместе с тем, высказана озабоченность, что сохраняется и углубляется несогласованность в подходах к отбору содержания, в трактовках и концепциях. Это касается как истории России в целом, так и многих актуальных проблем прошлого. В этой связи Концепция призвана обеспечить единство в осуществлении исторического образования, определить его содержание и методологические принципы в интересах российского государства и общества. К важнейшим принципам исторического образования отнесены: научность, связь истории России с событиями всемирной истории, анализ опыта национальной и конфессиональной политики Российского государства на всех этапах его существования. Глубокий смысл и большое значение имеет положение Концепции о том, что преподавателям «необходимо избегать негативного уклона и «очернительства», оставаясь на позициях объективности и историзма, отмечать по преимуществу созидательный характер деятельности Российского государства и населяющих его народов по хозяйственному освоению обширных территорий, достижений в сфере культуры и науки» [27]. Всякого рода псевдоисторические концепты, созданные как зарубежными, так и собственными русофобами, коллаборационистами и идеологическими вредителями (иностранными агентами) о России как «тюрьме народов», как стране «никогда не знавшей демократии» и

представляющей собой на всех этапах истории «оплот реакции и деспотизма» не могут и не должны насаждаться в молодежной среде. Богатейшая страна, самое большое государство мира, созданное всеми поколениями россиян, страна с уникальной культурой, имеющей планетарное значение, страна, первая проложившая человечеству дорогу в космос, держава, созданная гением русского и других этносов – таковы ориентиры, определяемые Концепцией преподавания истории, и идейные основы формирования общероссийской идентичности, российского патриотизма и упрочения исторической памяти. Концепция исходит из понимания единства мирового исторического процесса и органического единства всех периодов российской истории.

Остается только надеяться, что основные положения Концепции по преподаванию истории, предложенные Экспертным советом по развитию исторического образования, найдут понимание в научно-преподавательском сообществе и будут реализованы в практике преподавательской деятельности. Появление Концепции свидетельствует об осознании российским государством и обществом важности формирования общенациональной государственной идеологии и общенационального консенсуса по основополагающим проблемам и событиям отечественной и мировой истории как важнейшего направления государственной политики в области науки и образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историческая политика в XXI веке: сборник статей / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 646 с.
2. Кузнецов В.Н. Феномен идеологии // Общество и право. 2006. №4(14). С. 15-19.
3. Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Glencoe: The Free Press, 1960. 416 p.
4. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social fore-casting. N. Y.: Basic Books, 1976. 616 p.
5. Aron R. The Opium of the Intellectuals. N. Y.: Secker & Warburg, 1957. 325 p.
6. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество / пер. с англ. Л. Я. Розовского [и др.]; общ. ред. Н. Н. Иноземцева, С. М. Меньшикова, А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Изд-во АСТ, 2004. 588 с.
8. Конституция Российской Федерации URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения 10.08.2023).
9. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. Исторические концепции и аксиологические трансформации государственной идеологии в России // Межвузовский сборник научных трудов «Актуальные проблемы современного общества. Социология. Управление. Политика». СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 5-37.
10. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. 2020. Том 31. С. 6-20.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения 10.08.2023).
12. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения 10.08.2023).

13. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (дата обращения 10.08.2023).
14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 10.08.2023).
15. Основы государственной культурной политики URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения 10.08.2023).
16. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 10.08.2023).
17. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения 10.08.2023).
18. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения 10.08.2023).
19. Мюнхенская речь Владимира Путина URL: <https://ria.ru/20220210/rech-1771685462.html> (дата обращения 10.08.2023).
20. Встреча с молодыми учеными и преподавателями истории в ноябре 2014 URL: http://science.gov.ru/events/video_new/2158/ (дата обращения 10.08.2023).
21. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» URL: <https://tass.ru/politika/11884999> (дата обращения 10.08.2023).
22. Обращение Президента Российской Федерации от 21 февраля 22 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67828> (дата обращения 10.08.2023).
23. Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 22 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения 10.08.2023).
24. Обращение к гражданам России от 26 июня 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71528> (дата обращения 10.08.2023).
25. Путин В.В. Прямая речь: в 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016.
26. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 10.08.2023).
27. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/history_expert/files/Концепция_преподавания_истории_России_для_неисторических_специальностей.pdf (дата обращения 10.08.2023).

Алиев Д.Ф.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

В статье анализируются новые специфические формы политического межгосударственного противостояния, которое стало использоваться как один из основных элементов в стратегии ведения «гибридной войны». Автором рассматриваются отдельные механизмы воздействия на политические процессы в стране-объекте «гибридного воздействия» посредством информационного воздействия на отдельные социальные группы населения, государство-агрессор в качестве непосредственного объекта определяет этно-религиозную идентичность. Последствием такого воздействия, государство-агрессор видит трансформацию политической идентичности граждан, формируя тем самым протестную активность (политическую нестабильность).

Ключевые слова: «гибридная война», политическая идентичность, информационное воздействие на политическую идентичность.

TRANSFORMATION OF POLITICAL IDENTITY AS AN ELEMENT OF THE "HYBRID WAR" STRATEGY

The article analyzes new specific forms of political interstate confrontation, which began to be used as one of the main elements in the strategy of conducting a "hybrid war". The author examines individual mechanisms of influence on political processes in the country-the object of "hybrid influence" Through informational influence on individual social groups of the population, the aggressor state defines ethno-religious identity as a direct object. As a consequence of such an impact, the aggressor state sees the transformation of the political identity of citizens, thereby forming protest activity.

Keywords: "hybrid war", political identity, informational impact on political identity.

В современном мире сложилась ситуация, при которой характер политического межгосударственного противостояния, стал приобретать формы, которые ранее не применялись. Новый технологический «скачок», привел к тому, что средства ведения такого противоборства, не всегда носят характер прямой агрессии (в данном контексте мы рассматриваем ее в широком смысле и не сводим только к применению военной силы). Поэтому, говорить о том, что такого рода агрессивные действия существенно отличаются по своему характеру от традиционных, будет методологически неверным. В формальном смысле, агрессия не осуществляется вовсе. Государство-агрессор, всего лишь проявляется определенной лояльностью к представителям, как правило антигосударственно настроенных, политических групп и сообществ.

Если брать во внимание, что в системе коммуникативных отношений, произошли качественно новые технологические изменения, то и характер разрешения конфликтных ситуаций с их помощью, тоже стал совершенно иной. Отечественные специалисты стараются экстраполировать такие формы и методы воздействия исключительно в контексте взаимоотношений коллективного Запада и Российской Федерации. На наш взгляд, это не совсем правильно, прежде всего потому, что после распада СССР, наша страна была встроена в систему глобальных политических и экономических отношений. Следствием этого, стало возможным рассматривать нашу страну в качестве определенного сегмента как глобального рынка, так и политических процессов. Именно поэтому, мы не склонны соглашаться с представителями научного сообщества, которые предлагают рассматривать феномен «гибридной войны» (hybrid warfare), как специфическую форму воздействия Запада в отношении Российской Федерации [1, с. 269].

Безусловно, новая форма противодействия, которая получила в зарубежной литературе (прежде всего США), специальное определение – «гибридная война», начинало свое развитие в период, когда противоборство с СССР, по мнению Запада завершилось его полной победой. Наше государство по сути, было сметено с «великой шахматной доски» и его возвращение на нее, не просматривалось даже в перспективе [2, с. 47]. Поэтому западные специалисты, не предпринимали специальных усилий по

разработке новых форм воздействия на противника, а всего лишь проанализировали имеющиеся в их арсенале силы и средства которые стали доступны благодаря новому технологическому укладу. На наш взгляд, применение термина «гибридный», является самым ярким тому подтверждением, т.к. представляет собой – стратегию активного применения всего доступного арсенала технологий несилового воздействия, гибко подстраиваемых под изменяющуюся ситуацию в стране противника [3]. Причем американские специалисты допускают, что такого рода меры, могут быть использованы и в совокупности с силовыми (военными), где в качестве соответствующих подразделений привлекаются уже существующие сетевые военизированные структуры отличающиеся высокой мобильностью и мотивацией [4].

Феномен «гибридизации» политического межгосударственного противоборства в полной мере соответствует тем историческим тенденциям, которые стали формироваться в двухтысячных годах. Это прежде всего связано не с прямым уничтожением живой силы противника, как основной цели любого вооруженного противостояния. Здесь авторы «гибридной» стратегии, подходят более «гуманно». Желаемый результат они получают в ходе сначала политической «самодезориентации» определенной части населения, а затем и ее «самодезорганизации», что в априори уже деструктивно детерминировано [5]. Таким образом, главным результатом «гибридной войны» всегда будет трансформация ценностей основной массы населения государства-противника. Это будет достигаться средствами информационного воздействия направленного на переформатирование физиологических, социальных и иных потребностей представителей различных социальных образований. Деструкция исторически сложившейся системы социокультурных и этно-культурных предпочтений, предполагает коренный изменения внутренней организационной структуры социального образования. Что в свою очередь, подрывает системообразующие признаки (факторы, условия) жизнедеятельности государства-противника. Население, которое подвергается информационному воздействию, трансформирует в коллективном сознании, всю негативную сущность «навязанных» ему представлений в виде определенной политической идентичности. Именно такого рода «предпочтения», влияют на субъективную самоидентификацию граждан. При этом всеобщая радикализация достигается с помощью уже существующих антигосударственных структур этно-религиозного толка. Объединенные некой своей идеологией, они могут наносить государству-противнику «точечные» удары дискредитируя внутреннюю политику государства и формируя таким образом его негативный образ на международной арене.

Желая «купировать» негативные тенденции, государство вынуждено изменять характер внутренней политики, где очевидность издержек в этнокультурной сфере всегда прогнозируемо. Такого рода «обострения» во внутренней политике государства, как правило происходят в период

экономических, а затем и социальных кризисов. Ибо в капиталистическом обществе, их диалектическая связь не только существует объективно, но и активно культивируется в качестве единственно верного способа межгосударственного существования. Отвлекая большое количество ресурсов, для стабилизации возникшей кризисной ситуации внутри страны, государство, может потерять устойчивость. Внутренняя нестабильность может оказаться решающим фактором в разрушении фундаментальных основ конкретного государственного образования.

Формирование управляемых этно-религиозных форм противоречия в различных государствах, требует больших затрат. Любое социальное образование, в основе которого лежал этнические и религиозные различия существуют в условиях перманентного конфликта. Все эти конфликты, носят как правило латентный характер. Задача государства-агрессора, заключается лишь в том, чтобы в определенной ситуации (возможно носящий естественный характер) придать ей глобальное значение. Причем степень такой глобальности определяется уровнем и характером тех противоречий, которые уже существуют. Отсюда, сугубо внутренний конфликт, начинает приобретать роль своеобразного триггера для политической и экономической нестабильности в государстве или регионе. Очевидность позволяющая установить государство-инициатора такого рода деструктивных процессов, затрудняется невозможностью правильно определить чьи стратегические цели являются приоритетными. Государство-агрессор, с помощью манипулятивных технологий направляет действия деструктивных политических сил на конкретные виды деятельности государства. Включение произошедшего события или процесса в информационную повестку позволяет осуществлять тотальное воздействие на ситуацию в целом. В зависимости от качественной оценки такого события, государство может быть включено или наоборот исключено из определенных межгосударственных отношений или процессов [6, с. 622].

Глобализация серьезно повлияла на современный контекст мировых процессов, подвергнув радикальному изменению расстановку сил в мире. Новые технологии, в системе обмена информацией, позволили не только серьезно усовершенствовать коммуникативную сферу, но и придали этим процессам новое содержание. На наш взгляд, это можно определить, как некий феномен качественно новой агрессивности в системе межгосударственного противоборства. Перманентная и системная агрессия – основа стратегии ведения «гибридной войны» [7, с. 19].

Основой любого социального образования современного государства, является определение политической идентичности основной массы населения. Это можно рассматривать как условно «новое» явление современных социокультурных отношений. Особенностью является то, что ранее, политическая идентичность не формировалась на основе этно-религиозного базиса. Как мы отметили ранее, противоречия в этой сфере, существовали многие столетия и поэтому носили сугубо латентный характер. История богата примерами, когда эти противоречия переходили в

крайние формы этнических или религиозных столкновений. Их ожесточенность и разрушительность последствий, всегда оценивались максимальной степенью деструктивности. Однако, никогда ранее, эти процессы не происходили в рамках политических процедур, обуславливая тем самым специфику тактических приемов применяемых непримиримыми противниками. Поэтому внутренние противоречия в обществе, стали восприниматься в межгосударственном противоборстве как важный фактор информационной составляющей гибридной войны [8].

На наш взгляд, здесь можно выделить несколько самостоятельных направлений.

1. Прослеживается тенденция изменения в оценке позиционирования различных негосударственных структур откровенно радикального толка, в информационном пространстве. Причем, субъекты такой оценки не утруждают себя подбором контраргументов в части касающейся трансформации своего «компетентного» мнения в отношении определенных социальных или политических образований, равно как и их идеологических лидеров [9, с. 26].

Здесь на наш взгляд, в качестве одного из условий информационной поддержки, таких деструктивных сил в государстве-жертве, являются их территориальные представления. Этнические или религиозные лидеры определяют границы своего влияния и существования не границы государственного образования на территории которого они существуют. Претензии могут распространяться не только на приграничные области и регионы. Увеличение количества своих сторонников, позволяет заявлять о себе как о политической силе, что в свою очередь предполагает и политическую легитимацию. Таким образом, в информационном пространстве «размывается» негативный образ радикальной группировки, преобразовываясь в некую политическую силу. Которая в соответствии с «законами демократии», тоже имеет право голоса. Полагаем, что указанные особенности в позиционировании таких структур в информационном пространстве как легитимной силы, позволяют рассматривать такого рода явления в качестве элементов «гибридной войны».

2. Для стратегии «гибридной войны» характерна эволюция идеологем, транслируемых различного рода экстремистскими объединениями государства-противника. Идеология таких деструктивных объединений, направлена на разрушение существующего государственного порядка. Причем, здесь проявляется очень важная деталь, на которую мало кто обращает внимание. Если ранее, деструктивные силы строили свою идеологию, на достижении конкретной цели захват территории, власти в государстве и т.п. То в настоящий момент, все идеологемы строятся по принципу «отдаленной во времени цели». В сознании адептов рисуется некий образ будущего, который сможет разрешить базовые противоречия. Сегодня это важный актив, который А.И. Неклесса предлагает рассматривать как – «высоколиквидный товар на глобальном рынке, по-

своему эксплуатируемый в геополитических и геоэкономических целях» [10, с. 283].

3. «Гибридная война» как и любая другая форма военных действий, требует своего материального обеспечения. Это предполагает, что та часть политически активного населения, которая ввергнута в систему «разрешения» конкретных противоречий подразумевает наличие источников финансирования. Такими источниками, являются государства-агрессоры, которые посредством своих материальных возможностей не только обеспечивают «политическую деятельность», но и создают условия для доступа к современным информационным технологиям. Учитывая аполитичность основной массы IT-специалистов, представители деструктивных сил внутри государства-жертвы способны нанимать наиболее квалифицированных из них. Не лишним будет упомянуть, что в отношении этой квалификационной категории может вестись целенаправленная работа со стороны заинтересованных политических кругов государства-агрессора. Неудивительно, что в арсенале антигосударственных структур широкий спектр высокотехнологических средств коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Незнал Е.С. Тамми А.О., Матвеев В.В. Инструменты противоборства в гибридной войне против России // Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 20 декабря 2019 года. Том 5. М., 2019. С. 269-275.
2. Бжезинский, Збигнев. Великая шахматная доска. М., 2009.
3. Тесленко Е.С., Пеструилова Н.Н. Феномен «ИГИЛ» // Виктимология. 2015. № 1(3). С. 34-39.
4. Glenn R W. Thoughts on "Hybrid" Conflict // Small Wars Journal. 2009. March 02.
5. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века. Изборский клуб. Официальный сайт Института динамического консерватизма. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1466/>.
6. Anthias F. New hybridities, old concepts: the limits of «culture» // Ethnic and racial studies. L., 2001. Vol. 24, № 4. P. 619-641.
7. Thompson J. B. Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication. Oxford: Polity Press, 1990.
8. Уваров И.А. Информационная составляющая гибридных войн // Политконсультант. 2021. № 3.
9. Кошкин Р.П. Информационная война вокруг событий на Украине: геополитический анализ // Стратегические приоритеты. 2015. № 1(5). С. 10-29.
10. Неклесса А.И. Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280-295.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ЧЕРЕЗ ОЧЕРКОВУЮ ПУБЛИЦИСТИКУ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ ДОНБАССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

В статье рассматривается такое средство реализации политики памяти, как очерковая публицистика. Подчёркивается отсутствие однозначного толкования понятия политики памяти, с опорой на анализ научной литературы даётся его рабочее определение. Подробно изучаются очерки участников Донбасской наступательной операции с позиций реализации политики памяти.

Ключевые слова: политика памяти, Великая Отечественная война, Донбасская наступательная операция, публицистика, очерк.

Balko M. V.

IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF MEMORY THROUGH ESSAY PUBLICITY (BY THE EXAMPLE OF MEMORIES OF PARTICIPANTS OF THE DONBAS OFFENSIVE OPERATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR)

The article considers such a means of implementing the policy of memory as essay journalism. The absence of an unambiguous interpretation of the concept of the politics of memory is emphasized, based on the analysis of scientific literature, its working definition is given. The essays of the participants in the Donbas offensive operation are studied in detail from the standpoint of the implementation of the policy of memory.

Key-words: politics of memory, the Great Patriotic War, the Donbas offensive operation, journalism, essay.

Осмысление истории, интерпретация событий, фактов, оценка деятельности отдельных личностей и т. п. всегда занимали существенное место в государственной политике, поскольку помогали и помогают формировать национальную идентичность личности. Память о героическом прошлом страны, подвигах её верных сынов, перипетиях тернистого пути становления бережно хранится в архивах и музеях, увековечивается в мемориалах и художественных произведениях, передаётся подрастающему поколению на уроках и внеурочных мероприятиях. Всё это – составляющие политики памяти, которая играет одну из ключевых ролей в деле целенаправленного создания и сохранения на институциональном уровне образа прошлого.

Понятие политики памяти на сегодняшний день не является однозначным. Чаще всего его соотносят с понятием исторической политики (см. работы В. А. Болдина и А. Б. Страхова [1], И. А. Марзалюка [2] и др.), нередко эти термины даже отождествляются. Разделяем точку зрения В. В. Титова, согласно которой политика памяти представляет собой более ёмкое понятие и трактуется как «системная деятельность по формированию общенационального “образа прошлого”» [3, с. 47], тогда как историческая политика предполагает деятельность государства по написанию официальной версии истории и трансляции её внутри страны и на международной арене.

Кроме того, как утверждает В. В. Титов (и в рамках нашего исследования этот постулат крайне важен), ключевой «элементарной частицей» политики памяти является не конкретный исторический факт и его подача в привязке к той или иной политической ситуации, а «эмоционально окрашенное (курсив наш – М. Б.) историческое представление» [3, с. 48]. Именно совокупность таких представлений определяет образ прошлого, служащий базисом для формирования национально-государственной идентичности. Государственные институты при этом не навязывают те или иные исторические оценки (не выступают в роли надзирателя или цензора), а действуют изящнее: с опорой на отдельные чувственные представления об исторических событиях, фактах, персоналиях и проч. выстраивают «яркий и полноценный во всех измерениях – эмоциональном, когнитивном, символическом – внутренне непротиворечивый, неконфликтный образ прошлого, призванный ... консолидировать общество» [3, с. 48].

Средства реализации политики памяти могут быть очень разными: это и речи политиков, и учебники истории, и произведения искусства (скульптуры, литературы, живописи и т. п.), и элементы массовой культуры (концерты, парады, флешмобы и проч.), и, конечно же, публицистика в широком понимании этого слова (статьи в газетах, журналах, телепередачи, посты в социальных сетях, мессенджерах и др.). Все эти средства дополняют друг друга и в комплексе создают определённый образ прошлого.

Отдельное место в ряду публицистических средств реализации политики памяти занимает, на наш взгляд, очерковая литература. Очерк представляет собой эпический жанр документальной художественной литературы, в котором «описательно-повествовательное изображение складывается в основном из наблюдений рассказчика» [4, с. 23], авторское «Я» в произведениях этого жанра, таким образом, играет очень существенную роль. Очерки, которые были чрезвычайно популярны во второй половине XIX и в XX веке, являются благодатным материалом для реализации политики памяти: эмоциональный рассказ о событии, пропущенный через призму авторского восприятия, способен максимально глубоко воздействовать как на рациональную, так и на чувственную сферу реципиента такой информации, благодаря чему в его сознании укореняется определённый образ прошлого.

Рассмотрим особенности реализации политики памяти о Великой Отечественной войне (в частности об освобождении Донбасса) посредством сборника очерков «Донбасс. Год 1943: Воспоминания участников Донбасской наступательной операции в годы Великой Отечественной войны / сост. Г. В. Тепляков. – Донецк: Донбасс, 1980. – 191 с.» [5]. Считаем этот сборник не просто художественным изданием, а именно образцом реализации политики памяти, поскольку он подготовлен при участии членов военно-научного общества – офицеров запаса и в отставке – при Донецком областном военном комиссариате, то есть его появление и распространение среди читателей инициировано органами государственной власти. Более

того, авторами очерков являются не профессиональные писатели или журналисты, а военные, принимавшие непосредственное участие в освобождении Донбасса, как офицеры (маршал Советского Союза дважды Герой Советского Союза А. М. Василевский, генерал армии Герой Советского Союза Я. Г. Крейзер, генерал-майор Д. И. Станкевский, полковник В. Н. Нечаев, капитан А. Н. Погребовский, старший лейтенант Н. Г. Тубальцев и многие другие), так и рядовые (стрелок-радист 128-го танкового полка С. П. Ольхов).

Очерки анализируемого сборника различаются по объёму (от 2-х до 14-ти страниц), описывают крупные операции (очерк Н. С. Майдана «Крах вражеских замыслов») и небольшие эпизоды освобождения Донбасса (зарисовка А. Н. Погребовского «Встречный бой»), показывают представителей разных родов войск: танкистов (произведения В. А. Осипова «Экипаж машины боевой», Н. Т. Петренко «Враг не устоял»), лётчиков (очерки Г. Г. Голубева «В небе Донбасса», И. И. Бабака «Воздушные снайперы»), моряков (произведение В. П. Конышева «Десанты моряков-азовцев»), артиллеристов (очерк Н. Г. Тубальцева «Артиллеристы-чистяковцы»), пехотинцев (очерк А. П. Кузьмичёва «Даёшь Донбасс!» и др.). Объединяет их одно – беспримерный героизм всех русских воинов (от рядового до генерала), глубоко пережитый и эмоционально переданный от первого лица участниками Донбасской освободительной операции.

Остановимся на рассмотрении двух очерков: С. П. Ольхова «За родное село» и А. И. Корзникова «Комдивы».

Небольшая (2 странички) зарисовка Сергея Порфирьевича Ольхова «За родное село» трогает до слёз, поскольку автор, стрелок-радист 128-го танкового полка, повествует о том, как принимал участие в освобождении родного села Коньково Тельмановского района. В каждой строчке этого очерка звучит любовь к родному краю, семье, которую автору удалось повидать во время освобождения села, и, конечно же, к большой Родине. Вспоминая о том, как в сражении погибли члены его экипажа, Сергей Порфирьевич не забывает указать, что эти герои были выходцами из разных уголков России: командир танка младший лейтенант Иван Лаврентьев – из Курской области, механик-водитель Сергей Спиридонов – из Тулы.

Очерк Александра Ивановича Корзникова «Комдивы» выделяется среди всех произведений сборника, поскольку передаёт воспоминания не о событиях Донбасской наступательной операции, а о конкретных персоналиях – комдивах Герасиме Васильевиче Мухине и Владимире Степановиче Потапенко. Автор, который на момент освобождения Донбасса был старшим сержантом, с большой теплотой рассказывает о своих командирах – мудрых, отзывчивых, надёжных людях и профессионалах своего дела.

Герасим Васильевич Мухин «лично встречал каждую маршевую роту, беседовал с бойцами, интересовался, кто какой специальностью владеет, семейным положением людей» [5, с. 19], он присутствовал на занятиях «разведчиков, стрелков, автоматчиков, связистов, сапёров и воинов других

специальностей..., подмечал недостатки и добивался их устранения» [5, с. 19]. Портрет комдива венчает восклицание А. И. Корзникова: «И надо было видеть с каким восхищением смотрели бойцы на полковника!» [5, с. 19].

Наилучшими человеческими и профессиональными качествами обладает и новый командир дивизиона – Владимир Степанович Потапенко, – назначенный на место умершего в результате тяжёлого ранения Герасима Васильевича Мухина. Вот как описывает нового комдива автор очерка: «Первые дни пребывания в дивизии Владимир Степанович посвятил изучению противника и знакомству с подразделениями соединения. Он обошёл весь передний край... Он запросто беседовал с бойцами и командирами, в каждом его слове чувствовались доброта и сердечность. Спокойный, уравновешенный, генерал Потапенко никогда не повышал голоса» [5, с. 26].

Образы комдивов, показанные А. И. Корзниковым в этом очерке, – образцы для подражания. Читатель восхищается их мужеством, профессионализмом, душевностью по отношению к подчинённым. На них хочется походить.

Очерковая публицистика, таким образом, имеет мощный потенциал в реализации политики памяти, особенно относительно Великой Отечественной войны. Воспоминания непосредственных участников военных событий, переданные в эмоциональном ключе, воздействуют на сознание и подсознание читателей, воспитывают их в духе патриотизма и гордости за героев Отечества, формируют национально-гражданскую идентичность. Вот почему очень важно, чтобы появлялись подобные рассмотренному в этой статье сборники очерков о Специальной военной операции. Такие произведения – важная составляющая политики памяти уже современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдин В. А., Страхов А. Б. «Историческая политика» / «политика памяти» / «история памяти»: к вопросу о соотношении понятий // SCHOLA-2021 : сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2021. С. 530–535.
2. Марзалюк И. А. Определение политики памяти и исторической политики и их роль в укреплении национальной безопасности страны // Историческая политика и память о прошлом в контексте обеспечения национальной безопасности (ко Дню народного единства и 145-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского). Материалы межведомственной научно-практической конференции. Минск, 2022. С. 112–126.
3. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М. : Типография «Ваш формат», 2017. 184 с.
4. Репонь А. Очерк как прозаический жанр // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2021. № 1. С. 22–31.
5. Донбасс. Год 1943 : Воспоминания участников Донбасской наступательной операции в годы Великой Отечественной войны / сост. Г. В. Тепляков. Донецк : Донбасс, 1980. 191 с.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена проблемам реализации государственной политики идентичности в новых регионах Российской Федерации. Исследуется взаимосвязь между понятиями «идентификация» и «идентичность». Рассмотрено понятие «национальная идентичность», её функции и факторы формирования национальной идентичности в современных условиях. Сделан акцент на необходимости учета особенностей развития четырех новых регионов страны при формировании Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, личность, национальная идентичность, государственная политика идентичности.

Mazina N. E.

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE STATE IDENTITY POLICY IN THE NEW REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the problems of implementing the state policy of identity in the new regions of the Russian Federation. The relationship between the concepts of «identification» and «identity» is investigated. The concept of "national identity", its functions and factors of formation of national identity in modern conditions are considered. Emphasis is placed on the need to take into account the specifics of the development of four new regions of the country in the formation of the Strategy for the State National Policy of Russia until 2025.

Key words: identity, identification, personality, national identity, state identity policy.

Для Российской Федерации, как многонационального и поликонфессионального государства, необходимость становления национального самосознания и сохранения национального единства актуальна и значима, с одной стороны в силу геополитического положения, представленного цивилизационной дихотомией в рамках геополитической концепции Евразии, изменения этнического состава населения и вхождения в состав РФ новых регионов, а с другой – в силу необходимости противодействия западной стигматизации России. В соответствии с этим, одним из приоритетов государственной национальной политики РФ становится формирование национальной идентичности, которая может как цемент связать государство изнутри, стимулируя экономическое развитие и движение к глобальной цели.

В современном научном дискурсе проблема формирования национальной идентичности находится в фокусе междисциплинарных исследовательских интересов отечественных и зарубежных ученых. Следует отметить, что с позиции множественности идентичностей национальная идентичность понимается как вид социальной идентичности, которая тесно связана с потребностью в установлении связей с другими людьми и включает в себя не только осознание индивидом своей принадлежности к гражданской общности, но и восприятие значимости членства, представление о принципах и основах данного объединения, принятие поведенческой модели гражданина, осознание целей и мотивов

деятельности, представление о характере взаимоотношений граждан между собой, граждан и государства [1]. В ситуациях, когда внешние или внутренние общественные угрозы могут снизить или повысить значения общегражданской консолидации, актуализируется потребность личности в самоопределении, начиная с аутоидентичности и заканчивая социальными группами и общностями [2].

Национальная идентичность выполняет ряд функций, в числе которых интегративная функция, состоящая в формировании чувства единства человека с конкретной социальной общностью; функция самореализации и самоактуализации личности, защитная функция, благодаря которой реализуется аффилиативная потребность индивида в принадлежности к социальной группе, позволяющая человеку преодолевать страх и тревогу в изменяющихся условиях [3]. В настоящее время сложились две трактовки понятия «национальная идентичность». Во-первых, это осознанная когерентность личности с нацией, как исторически сложившейся общности на основе общенациональной культуры в системе ее ценностей, норм и гражданских целей, обеспечивающих готовность действовать на благо своего государства. Во-вторых, это понимание национальной идентичности как гражданского самосознания. По мнению доктора социологических наук, профессора, декана факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета Н.Г. Скворцова, национальная идентичность является сложным, многоуровневым образованием. Первичный, базовый уровень – этнический. С одной стороны, это уровень культурного многообразия, осознания своей культурной принадлежности, своих корней, своей истории. Данный уровень является результатом взаимодействия и взаимовлияния культур разных народов, проживающих на общей территории. С другой стороны первичный уровень несет в себе мощный конфликтогенный потенциал, связанный с религиозными, языковыми и поведенческими различиями. Второй, более высокий уровень – это уровень осознания общих ценностей, среди которых важнейшее место занимают патриотизм, патриотическое сознание. Третий (высший) уровень в структуре национальной идентичности – осознание себя гражданином, понимание своей гражданской ответственности.

Рассмотрим современную концепцию формирования российской национальной идентичности, представленную Президентом РФ – В.В. Путиным на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19. 09. 2013 г.

В основе концепции лежит тезис о том, что «идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии» [4]. При этом В.В. Путин рассматривал национальную идентичность как конструкцию с достаточно сложной структурой. В.В. Путин подчеркнул, что : «Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими,

религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны... Граждане России должны ощутить себя ответственными хозяевами своей страны, своего края, своей малой родины, своего имущества, собственности и своей жизни» [4]. Понятие «гражданская идентичность» синонимично понятию «национальная идентичность» в тех случаях, когда последнее рассматривается в рамках подхода к нации как согражданству.

Следует отметить, что по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям в мае 2023 г., Президент России В.В. Путин поручил правительству РФ совместно с Советом по межнациональным отношениям внести коррективы в Стратегию государственной национальной политики России до 2025 года с учетом перехода в состав страны четырех новых регионов. Сделан акцент на необходимости предусмотреть участие Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), а также Запорожской и Херсонской областей в реализации государственной национальной политики. Корректировку стратегии должны завершить к 1 декабря 2023 г.

Конструирование национальной идентичности связано не только с осознанием личностью своей принадлежности к нации, но и признанием ею значимости такой принадлежности к этому воображаемому, но одновременно реально существующему, политическому сообществу [5]. Среди факторов формирования национальной идентичности наиболее значимы: 1) общее историческое прошлое (общая судьба); 2) самоназвание гражданской общности; 3) общий язык, являющийся средством коммуникации и условием выработки разделяемых смыслов и ценностей; 4) общая культура (политическая, правовая, экономическая), построенная на определенном опыте совместной жизни; 5) переживание данным сообществом совместных эмоциональных состояний, особенно связанных с реальными политическими действиями [6].

Остановимся на отдельных аспектах исследуемой проблематики. В рамках I-этапа разведывательного социально-психологического исследования проблем и стрессовых состояний жителей Донбасса, проведенного в ноябре-декабре 2019 г. кафедрой юридической психологии и педагогики Донбасской юридической академии, (в настоящее время ГБОУ ВО Минюста России), была предпринята попытка изучения процесса социальной идентификации населения. Заметим, что идентичность рассматривалась как результат процесса самоидентификации. Выборочная совокупность составила 176 человек в возрасте от 18 до 73 лет.

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы себя считаете?» показало, что среди социальных идентичностей респондентов преобладает региональная идентичность. Под региональной идентичностью понимают восприятие индивидом себя как представителя определенного сообщества, базирующегося на единстве территории проживания, языка общения, социально-культурного опыта и ценностных ориентаций. По мнению российского исследователя М. Крылова, это «системная совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [7].

Проявляется двойная («русский – донбассовец») и даже тройная («гражданин ДНР – донбассовец – русский») идентичность. Присутствуют варианты идентичности «донбассовец – украинец», «донбассовец – русский». Следует отметить, что в сознании части жителей понятия «патриот Донбасса» и житель Донбасса существенно различаются. Можно быть патриотом, но не чувствовать себя членом общества [8]. Личностное самоопределение происходит на ценностном уровне. В условиях транзитивного общества человеку часто приходится перестраивать свою ценностно–нормативную сферу, что может проявить себя в потере смысла жизни, в чувстве утраты себя [9]. Этот аспект необходимо учитывать при коррекции Стратегии государственной национальной политики России. По мнению М. Руденко, значимым фактором в формировании идентичности жителей Донбасса является «осознание единства исторической судьбы, территориальной и культурной общности с Россией, а также приверженность подавляющего большинства населения Донбасса каноническому православию Московского патриархата» [10]. Этот тезис подтвердило проведенное исследование. Представление респондентов о себе как о русском занимает второе место. Ожидаемо проявила себя региональная идентичность (третье место). Региональная идентичность – восприятие индивидом себя как представителя определенного сообщества, базирующегося на единстве территории проживания, языка общения, социально-культурного опыта и ценностных ориентаций. Социологический срез проблемы показал высокую значимость потребности в национальной идентичности для жителей Донбасса. В. Ядов определил это явление как «идентификационный синдром» [2, с. 44].

Жителей Запорожской и Херсонской областей в ряде научных публикаций называют «русскими украинцами», которые по мнению ряда исследователей являются потомками великороссов и малороссов, заселивших эти земли по окончании русско-турецких войн к концу XVIII в и русских переселенцев времена индустриализации СССР в 1930-1940 гг. В культурном плане «русские украинцы» практически отличаются от русских, подавляющее большинство населения исповедует ортодоксальное христианство (православие) ещё со времён Запорожской Сечи, однако идеологическое влияние Украины и насильственная украинизация наложила отпечаток на формирование социальной идентичности населения этих регионов, и это необходимо учитывать.

В заключении следует отметить, что в фокусе внимания представленной работы, находилась важная и недостаточно представленная в отечественном дискурсе проблема национальной идентификации населения на фоне трансформации социального фона её формирования. Важно помнить, что если государство не способно удовлетворять потребности человека, то ресурс идентичности исчерпывается или угасает. Даже если человек имеет ярко выраженную национальную идентичность может возникнуть ситуация, когда при постоянном неудовлетворении потребностей наступит кризис идентичности [2].

Исходя из выше изложенного, национальная идентификация интерпретируется нами как интернализированный процесс формирования идентичности, в ходе которого через усвоение выработанных в группе (общности) норм, ценностей, верований, установок, представлений индивид осознает не только свою принадлежности к нации, но значимость такой принадлежности. Государство заинтересовано в высокой степени национальной идентичности населения, однако следует помнить, что в любом обществе сохраняется пространство для интернализации и индивидуализации.

Проведенный анализ национальной идентичности позволяет рассматривать ее как социальный феномен, доступный для эмпирического изучения, а значимость национальной идентификации для построения государственности, указывает на необходимость исследования особенностей влияния различных социальных и политических институтов на самоопределение и идентификацию личности и коррекции институциональной организации государственной политики идентичности в Российской Федерации. Следует помнить, что нарушение процессов формирования социальных солидарностей фоне социальных потрясений и роста социальной напряженности, кризисных явлений в экономике и социальной сфере может стать благоприятным условием для манипуляций общественным сознанием, создать основу для «спонтанной» мобилизации граждан (достаточно объединяющего лозунга или харизматического лидера) и гражданских столкновений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенова Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник ОГУ. 2010. №7 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-grazhdanskoy-identichnosti-v-usloviyah-transformatsii-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 14.08.2023).
2. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журн. – 1994. – № 1. – С. 35-52.
3. Николаева А.А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности [Электронный ресурс] // Вестник практической психологии образования. 2011. Том 8. №4. С 67–70. URL: https://psyjournals.ru/vestnik_psyobr/2011/n4/56254.shtml (дата обращения: 17.08.2023).
4. Путин В.В. Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 17.08.2023).
5. Инкижекова М. С. Категории «национальная идентичность» и «патриотизм» в современном образовательном пространстве [Электронный ресурс] / Знание. Понимание. Умение: электрон. науч. журн. 2017. № 4. С. 4. URL: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2017/4/> (дата обращения: 17.08.2023).
6. Монастырский Д. В. Гражданская идентичность: теоретические подходы к исследованию и формирующие ее факторы [Электронный ресурс] // Гуманитарий Юга России. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-teoreticheskie-podhody-k-issledovaniyu-i-formiruyuschie-ee-factory> (дата обращения: 17.08.2023).

7. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования.– 2005. –№3.– С. 13.

8. Мазина Н.Е. Социальная идентичность жителей Донбасса в транзитивном обществе // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы IV Международной научно-практической конференции 14 мая 2020 года. – В 3-х т. - Т.3: Секция 4: Правовая психология и правосознание личности; Секция 5: Социально-психологические проблемы развития личности. - ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия» – Донецк, «Цифровая типография», 2020. – С. 355–364.

9. Фомина А.Г. Социум и социальные процессы в обществе // Молодой ученый.– 2015.–№19.1 (99.1).– .58-60.URL: <https://moluch.ru/archive/99/22400/>

10. Руденко М. Донбасская идентичность : до и после русской весны [Электронный ресурс] / Материалы сайта. URL: <https://novorossia.su/news/miroslav-rudenko-donbasskaya-identichnost-do-i-posle-russkoy-vesny>

Матафонова Ю.А.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Статья посвящена анализу отдельных аспектов идентичности жителей Забайкальского края и оценке действий региональной власти по конструированию региональной идентичности и новых смыслов. Представлены результаты исследования, проведенного в 2021–2022 годах, на основе которого проведена кластеризация, позволяющая выявить тренды и динамику оценочных ориентаций жителей Забайкальского края.

Ключевые слова: региональная идентичность, политика идентичности, Забайкальский край.

Matafonova Yu. A.

REGIONAL IDENTITY AND IDENTITY POLITICS IN TRANS-BAIKAL TERRITORY

The article is devoted to the analysis of certain aspects of the identity of residents of the Trans-Baikal Territory and the assessment of the actions of the regional authorities to construct regional identity and new meanings. The results of a study conducted in 2021-2022 are presented, on the basis of which clustering was carried out, which allows to identify trends and dynamics of estimated orientations of residents of the Trans-Baikal Territory.

Key-words: regional identity, identity politics, Trans-Baikal Territory.

Политика идентичности включает в себя достаточно широкий спектр научных вопросов. Если появление термина было связано с действиями по публичному признанию идентичности ущемляемых в правах групп [1], то в настоящее время он явно претерпел изменения и может быть рассмотрен и в качестве термина, использующегося для описания новых политических практик в рамках различных социальных движений [2, с. 48], и в расширительном смысле, как вся имеющаяся совокупность политических действий и практик, формирующих идентичность на макроуровне [3, с. 91]. В российском политологическом дискурсе универсальным является определение сущности политики идентичности как «совокупности практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности» [4, с. 10]. Расширительное толкование позволяет включать в данную политику и

действия широкого круга неинституциональных акторов по конструированию и продвижению «групповой идентичности» (identity politics), и целенаправленные действия акторов институциональных и политических (identity policy).

Медиатизация современного политического процесса вызывает необходимость включения и региональных политических структур в формирование и конструирование идентичности, как общероссийской, так и региональной, учитывающей специфику регионального сообщества. Органы региональной власти активно включаются в процесс конструирования смыслов и установок, тем самым осуществляя и символическую функцию политики.

Что касается региональной идентичности, то она включает в себя всё многообразие смысловых представлений сообщества о себе и окружающем жизненном пространстве. Региональная идентичность может быть рассмотрена и как базис политической культуры населения конкретного территориального пространства, и как способность к проявлению различного рода активности на территории проживания – «воля к жизни и развитию на данной территории» [5, с. 14].

Региональная идентичность выступает как резюмирующая характеристика, основанная как на личном, непосредственном, так и на опосредованном опыте проживания на конкретной территории. Она не является абсолютно статичной, подвержена изменениям несмотря на то, что большинство представлений являются достаточно устойчивыми. Опыт реализации жизненных интересов в пространстве конкретного региона, опыт взаимодействия с органами власти также накладывают отпечаток на установки и представления жителей. Нередко в российских регионах (особенно отдаленных от Центра) происходит «снижение идентичности» или формирование негативного отношения к месту проживания, что в свою очередь вызывает миграционный отток и не способствует развитию территории.

Забайкальский край является периферийным отдаленным приграничным регионом, характеризующимся постоянным миграционным оттоком населения.

Что касается самоидентификации населения, в рамках пилотного исследования, проведенного в 2021–2022 гг., выявлено, что чуть больше половины респондентов (54%) выбрали идентификационный профиль «забайкалец (житель Забайкальского края)». Такой результат может иметь амбивалентную трактовку: с одной стороны, фиксируется наличие региональной самоидентификации, с другой – такая самоидентификация не является приоритетной.

Также проведено исследование отдельных оценочных ориентаций жителей Забайкальского края. Сбор эмпирических данных осуществлен с помощью онлайн-опроса на платформе Online Test Pad <https://onlinetestpad.com/hoybugd7pkzxm>. Онлайн-опрос проведен в два этапа.

Участвовали 385 человек (расчет для случайной выборки при размере генеральной совокупности более 1 млн. чел.). На основании полученных ответов с помощью SPSS произведена кластеризация, результаты которой позволили выявить динамику оценочных ориентаций жителей Забайкальского края в 2021 и 2022 гг. (табл. 1).

Критерии оценки	2021 год			2022 год		
	1) 65,6%	2) 26,6%	3) 7,8%	3) 27,8%	2) 38,0%	1) 34,2%
1. Оценка экономики	3,55	2,71	3,40	3,95	2,77	3,89
2. Желание изменить ситуацию в крае	1,60	1,29	4,20	2,86	2,03	1,44
3. Оценка развития инфраструктуры и социальной сферы	3,55	2,35	3,20	3,95	2,77	3,70
4. Оценка влияния решений региональной власти на развитие края	3,74	2,35	3,80	4,23	2,30	2,78

Таблица 1. Конечные центры кластеров отдельных оценочных ориентаций жителей Забайкальского края

На основе ответов респондентов сформированы кластеры, позволяющие структурировать и выявить динамику оценки.

В 2021 г. выделены следующие кластеры:

1) группа, негативно оценивающая действия региональной власти – 65,6% респондентов, но выражающая желание участвовать в изменениях ситуации;

2) группа, оценивающая обстановку в крае и действия региональной власти на «хорошо» и также готовая принимать участие в улучшении развития края – 26,6%;

3) группа, более критически настроенная, выражающая недовольство более остро и не верящая в возможную положительную динамику – 7,8%.

В 2022 г. распределение становится более равномерным:

1) группа, негативно оценивающая экономическое развитие, развитие инфраструктуры и социальной сферы, но сохраняющая желание с этим бороться уменьшилась и составила 34,2% - также произошло снижение уровня негативной оценки принимаемых региональной властью решений (со значения 3,74 до значения 2,78);

2) группа, оценивающая обстановку в крае и действия региональной власти на «хорошо» и также готовая принимать участие в улучшении развития края – увеличивается до 38,0%, правда с некоторым ухудшением оценок по экономическим решениям и социальной сфере.

3) увеличивается и критически настроенная группа до 27,8% – изменяются параметры их оценки развития социальной сферы и инфраструктуры со значения 3,20 («удовлетворительно») на значение 3,95 («неудовлетворительно»); желание участвовать в изменениях ситуации в крае становится больше (с 4,20 до 2,86).

Таким образом, результаты кластеризации позволяют сделать следующие выводы.

С одной стороны, для забайкальцев «нормой» становится негативная оценка деятельности органов региональной власти, критический настрой растёт, с другой – увеличивается желание представителей регионального сообщества принимать участие в изменении ситуации в крае в положительную сторону, что свидетельствует о некотором «повышении идентичности», готовности преобразовывать место жизнедеятельности в соответствии со своими ожиданиями и потребностями. Наблюдается определенный дуализм – «чем сложнее ситуация, тем больше желание с ней справиться».

Что касается действий региональной власти по формированию региональной идентичности и конструированию новых смыслов, то в качестве нового кейса рассмотрим предложение Губернатора Забайкальского края по созданию «Азбуки Забайкалья» – в июле 2023 г. на улицах административного центра появились баннеры с данным заголовком. Данную инициативу А. М. Осипов сначала обозначил в своем телеграм-канале, где подчеркнул уникальность «нашего языка», который представляет культурный код и подчеркивает своеобразие региона [6]. Затем информация о проекте появилась на официальном портале Забайкальского края, где поясняется, что проект является частью проекта «Азбука о важном» регионов Дальневосточного федерального округа и подчеркивается его социальная значимость и широкая общественная поддержка [7]. Между тем в СМИ и в научном сообществе нет однозначно положительной оценки данной инициативы. Присутствует критика, эксперты идею не признают новой – завкафедрой русского языка ЗабГУ Юлия Щурина критически отозвалась о проекте, подчеркнув, что на кафедре такая работа ведется уже более 50 лет, а региональная власть, не учитывая и не используя наработанную базу, пытается «изобрести велосипед» [8]; журналисты пишут, что «проект сляпан на коленке».

Такие оценки в свою очередь позволяют говорить о пристальном внимании регионального сообщества к действиям власти, равнодушию по отношению к предпринимаемым ею действиям, разном ракурсе видения Забайкалья у жителей и представителей власти. С одной стороны, это первая масштабная инициатива «сверху» по конструированию идентичности, с другой – есть в ней определенные проблемные моменты, показывающие разрыв между идентичностью населения региона и идентичностью власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Aronwitz S. The politics of identity: Class, culture and social movements. – L.: Routledge, 1992. – x, 287 p.
2. Bernstein M. Identity politics // Annual review of sociology. – Palo Alto, CA, 2005. – Vol. 31. – P. 47–74.
3. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – М., 2010. – № 2. – С. 90–105.

4. Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. – М., 2017. – Вып. 5: Политика идентичности – С. 7 -20.

5. Крылов М. П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3 (251). – С. 13–23.

6. «Азбука Забайкалья» — почему проект приехавших политтехнологов сляпан на коленке. 26 июля 2023 г. URL: <https://www.chita.ru/text/society/2023/07/26/72524606/> (дата обращения: 19.08.2023).

7. «Азбука Забайкалья» выходит на новый уровень. Официальный портал Забайкальского края. 14 августа 2023 г. URL: <https://75.ru/news/331334> (дата обращения: 20.08.2023).

8. Завкафедрой из ЗабГУ раскритиковала идею создания "Азбуки Забайкалья" 2 августа 2023 г. URL: <https://news.guranka.ru/city/2023/08/zavkafedroj-iz-zabgu-raskritikovala-ideyu-sozdaniya-azbuki-zabajkalya> (дата обращения: 20.08.2023).

Рябинин Е.В.

ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

В статье рассмотрены сущность, природа и влияние идентичности на развитие межэтнических конфликтов. Анализируются подходы отечественных и зарубежных ученых по определению этого явления. Автором выдвигается гипотеза о том, что процесс распада таких государств, как СССР и Югославия до сих пор не завершился и межэтнические конфликты, которые мы сегодня наблюдаем, это последующие этапы распада вышеупомянутых государств.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, идентичность, этничность, идеология, дезинтеграция.

Ryabinin E. V.

IDENTITY: PHILOSOPHICAL AND POLITOLOGICAL APPROACHES TO THE NOTION

The article considers the essence, nature and influence of identity on the development of interethnic conflicts. The approaches of domestic and foreign scientists to determine this phenomenon are analyzed. The author puts forward a hypothesis that the process of disintegration of such states as the USSR and Yugoslavia has not yet been completed and the interethnic conflicts that we are witnessing today are the subsequent stages of the disintegration of the above mentioned states.

Key words: interethnic conflict, identity, ethnicity, ideology, disintegration.

После окончания «холодной войны» и конфликтов, в основе которых лежали идеологические причины, наступила эра войн идентичности. Обычно термином «идентичность» обозначается культурная норма, отражающая эмоциональные реакции сообществ и индивидов, тем или иным способом интерпретируя окружающий мир и свое место в нем. В психологии личности идентичность человека определяется как устойчивое «Я», внутреннее осознание себя как члена определенного сообщества. В социальном смысле идентичность представляет собой наиболее значимые политические, культурные, религиозные и другие ориентации, которыми детерминирована сеть связей человека с группами, институтами, идеями и т.д./ [1, с. 33].

В политическом дискурсе считается, что идентичность обычно возникает как следствие процесса, осознанного самоотождествления индивида или группы с принятием в той или иной среде образцами поведения, формируемыми на основе определенных ценностных систем и определяющих характер и направленность процессов социализации и интеракций.

Принято считать, что проблема чувства идентичности чисто философская и имеет отношение только к нашему разуму и мышлению. На самом деле, это не так. Эрих Фромм считал, что потребность в чувстве самоидентичности возникает из условий человеческого бытия и, в свою очередь, служит источником наиболее сильных стремлений. Поскольку при отсутствии чувства «Я» невозможно сохранить душевное здоровье, человек должен делать все для того, чтобы обрести это чувство. Именно эта потребность скрывается за страстным стремлением достичь общественного положения и вместе с этим не отличаться от других, причем иногда оно оказывается даже сильнее, чем потребность в физическом выживании. Что может быть более очевидным, чем готовность людей рисковать своей жизнью, потерять свободу ради принадлежности к стаду, ради сходства с другими и получения таким образом чувства идентичности[2, с.63].

Известный американский политолог С.Хантингтон в своем труде «Кто мы?» отмечает: «... идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимание того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Идентичность соотносится с образами индивидуальности и самости, воспроизводимыми актором, и формируется благодаря взаимоотношениям человека со значимыми персонажами с его окружением. Идентичность важна потому, что она определяет поведение человека»[3, с.25].

Идентичность, влияющая на поведение человека может привести к конфликтной ситуации, когда группа людей с определенной идентичностью выступает в конфликт с другой группой людей, имеющих другую идентичность и эти две идентичности при определенных обстоятельствах являются взаимоисключающими, что приводит к насилию и перерастает в межэтнический конфликт.

Вопрос идентичности и этнической идентичности малоизученный аспект политологии, не существует одного мнения или трактовки идентичности среди экспертов, занимающихся этим вопросом.

Так, авторы малого этнополитологического словаря дают следующее определение идентичности: «совокупность специфических черт и характеристик личности и социальной группы, которые выделяют определенное лицо или социальную группу из других людей или групп и являются для отдельного лица основанием для отнесения себя к этой группе. Наиболее распространенной и достаточно стабильной для личности является этническая идентичность, базирующаяся на чертах, присущих определенному этносу: общность происхождения, языка, культуры, религии, бытовых обычаев, исторической памяти, судьбы»[4, с.142]. Поскольку

межэтнические конфликты связаны с конфликтом этносов, автор считает необходимым проанализировать также природу именно этнической идентичности.

Канадский этносоциолог Дж.Рейтц доказывает, что этническая идентичность – это не что иное, как чувство принадлежности к национальной группе, основанной на этническом происхождении. Американский антрополог Дж. Эдварде считает, что этническая идентичность – это преданность группе, с которой лицо имеет унаследованные связи[5, с.75].

В западной этносоциологии насчитывается несколько разных типов этнической идентичности. В частности, согласно типологии, разработанной американскими учеными Дж.Маккеем и Ф.Льюинсом, существует четыре ее основных типа. К первому типу, который они назвали «минимум этничности», отнесены лица с низкой этнической осведомленностью, почти или уже ассимилированные. Ко второму типу, названному «умеренной этничностью», отнесены лица, имеющие определенные контакты с членами своей этнической группы, но их этническая идентичность не столь прочна, чтобы считать ее этническим сознанием. Третий тип – «маргинальная этничность», включает лиц с сильным этническим сознанием, которые по разным обстоятельствам не имеют контактов с членами своей группы. Наконец, четвертый тип – «максимальная этничность» – объединяет людей, активно участвующих в деятельности своей этнической группы, в обеспечении ее политических, экономических, социальных и других интересов[5, с.76].

Этническая идентичность берет свои корни в желании человека к принадлежности и реализуется посредством осознания себя как части группы, отличающейся от другой. Индивидуумы рассматривают все черты своей группы как наиболее предпочтительные по сравнению с другой. Ключевая причина – почему люди идентифицируют себя с этнической группой – даже будучи готовыми убивать или быть убитыми – то что они связаны с глубокими чувствами народа, вещами, стимулирующими потребности в самоуважении, принадлежности. Когда одной группе угрожают, отдельно взятое лицо, принадлежащее этой группе, также чувствует угрозу. Этничность, таким образом, имеет тенденцию генерировать межгрупповое насилие, сепаратизм, национальную мобилизацию, голосование по этническому признаку. У каждого индивидуума есть стремление «найти» свою личную идентичность, которая может быть большой ценностью[6, с.16].

Хэтчер считает, что главным стимулом для формирования группы не является самоуважение, вместо этого этнические группы возникают из желания быть отличительными посредством формирования и реализации определенного образа жизни, религии, языка. Во-первых, существует проблема соборности – только индивидуумы в очень маленьких группах (семья, деревня) обладают способностью полностью разделять единую культуру, что означает, что для больших масс этническая деятельность должна включать в себя определение того, какие аспекты культуры

микроуровня становится чертой большей национальной культуры. Во-вторых, если этнические группы отражают стремление к общественному наследию, они сталкиваются с такими же коллективными проблемами, как и другие группы. Люди должны быть уверены, что они вносят что-то положительное в свою группу, чем просто к ней присоединяются и получают бесплатно[6, с.20].

Т. Гарр считает, что народы/люди имеют большой набор признаков для коллективной идентичности: общая история, мифы, религиозные верования, язык, регион проживания, коллективные группы, которые чаще называются этническими группами, меньшинствами, часто различаются по явно отличительным чертам. Ключ к идентификации группы – это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты. То есть исследователь считает, что этническую группу идентифицирует не набор каких-либо черт, а то, как эту группу воспринимают другие группы. Психологическая база для групповой идентификации усиливается культурными, экономическими, политическими отличиями между группами: относитесь к группе по-разному, путем дискриминации или лишения привилегий, и ее члены станут более восприимчивыми к своим общим интересам[7, с.3].

Существует ультрамягкий подход к конфликтной теории, предполагающий, что ценности, характерные для определенной группы, рассматриваются как элемент сознания. Люди принадлежат к этнической группе, когда они верят, что принадлежат к ним. Этнические группы ассоциируются у людей с конфликтным побуждением, когда люди привязывают свою этническую идентичность к желаниям, делающим их отличными от другой группы. Это связано с историческим опытом, формирующим верование людей об их месте в мире. Именно исторический опыт и формирует чувства людей об их этнической идентичности таким образом, что этнические группы имеют тенденцию к конфликту[6, с.2].

В своем известном труде «Столкновение цивилизаций» С.Хантингтон делает упор на важность такого фактора как идентичность, которая будет главным катализирующим фактором для начала конфликтов между представителями тех или иных этносов одной страны.

За годы, прошедшие после окончания «холодной войны», мы стали свидетелями начала огромных изменений в самоидентификации народов и символах их идентичности. Глобальная политика начала выстраиваться вдоль новых линий – культурных[8, с.11].

Люди определяют себя, используя такие понятия как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Мы узнаем, кем есть, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только тогда мы узнаем, против кого мы[8, с.15].

В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами разной культурной идентичности. Внутри цивилизаций будут встречаться межплеменные войны и этнические конфликты. Столкновения и вспышки насилия между странами разной цивилизационной принадлежности несут с собой потенциал эскалации, поскольку богатые будут вовлекать в конфликт «братские народы»[8, с.22].

Такого же мнения придерживается Жак Делор, который считает, что грядущие конфликты будут загораться от искры скорее национального фактора, чем экономического или идеологического. И наиболее опасные культурные конфликты – те, которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями. Общества объединены идеологией, но в силу исторических обстоятельств разделены культурно, распадаются. Как это произошло с СССР, Югославией или входят в состояние напряженности как в случае с Украиной, Нигерией, Индией, Шри-Ланкой и многими другими.

Итак, в ситуации, которая сложилась после холодной войны, этническая идентичность стала определяющим катализатором для начала межэтнических конфликтов, особенно на постсоветском и постюгославском пространствах, где после коллапса этих государств новые государственные образования столкнулись с подобными проблемами, поскольку их границы формировались во времена, когда Центр контролировал эти процессы в государстве. Несмотря на глобализацию, которая пытается снизить чувство этнической принадлежности к минимуму, народам крайне важно иметь и сохранять этническую идентичность и относиться именно к своему цивилизационному полю, а, следовательно, фактор этнической идентичности влияет на конфликтогенную ситуацию в той или иной стране и нередко используется элитами для заслуги собственных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нагорна Л. Регіональна ідентичність: український контекст. – К.: ІШЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. 405 с.
2. Fromm Erich. The sane society. New York: Holt, Rinehart and Winston. 1955. 370 p.
3. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. – М.: АСТ МОСКВА, 2004. 635 с.
4. Антонюк О. Малий етнополітологічний словник. – К.: МАУП, 2005. 288 с.
5. Абетка етнополітолога. – К.: 1995. 224 с.
6. Hale H. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press. 2008. 304 p.
7. Gurr Ted R. Minorities at risk. A global view of ethnopolitical conflicts. United States institute of peace press. 1993. 427 p.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕЙ СТРАНЕ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НОВЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

В статье представлены результаты исследования представлений о *своей стране* в политической картине мира школьников новых регионов Российской Федерации. Выявлены факторы и сложившиеся в настоящее время различные модели представлений о *своей стране* школьников новых субъектов РФ.

Ключевые слова: гражданская идентичность, школьники, политическая социализация, политическая картина мира

Samarkina I.V.

REPRESENTATIONS OF *THEIR COUNTRY* IN THE SYSTEM OF CIVIL IDENTITY OF SCHOOLCHILDREN IN THE NEW RUSSIAN REGIONS

The article presents the results of a study of ideas about their country in the political picture of the world of schoolchildren from new regions of the Russian Federation. The factors and currently existing various models of ideas about their country by schoolchildren from new subjects of the Russian Federation are revealed.

Key words: civic identity, schoolchildren, political socialization, political worldview

Актуальность. На современном этапе развития России одним из главных условий сохранения суверенитета нашей страны, ее поступательного социально-экономического развития является консолидация российского общества. Тематика консолидации является ключевой во внутривнутриполитической повестке 2022 – 2023 годов: «*Сегодня нам нужна консолидация всего общества. И в основе такой сплоченности может быть только суверенитет, свобода, созидание, справедливость. Наши ценности – это человеколюбие, милосердие и сострадание*» (Путин В.В., выступление на церемонии подписания договоров о принятии в состав России Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, 30.09.2022).

Значимость и актуальность задачи консолидации российского общества видится в нескольких аспектах. Во-первых, в контексте существующей социокультурной, социально-экономической и социально-политической дифференциации российских регионов, которая усугубляется присоединением новых субъектов РФ. Во-вторых, в контексте имеющейся ценностной дифференциации различных поколений граждан России, в том числе новых ее граждан – жителей присоединенных территорий. В-третьих, в контексте ценностной дифференциации представителей молодого поколения граждан нашей страны, тех, в чьих руках уже сейчас и в будущем будут находиться рычаги управления страной и ее будущее.

С этой точки зрения внимание исследователей и практиков должно быть направлено на самые рискованные группы. Одной из таких групп является молодежь, а точнее – старшие школьники из новых субъектов РФ, прошедшие первичные этапы политической социализации в других социально-политических и социокультурных условиях. Уже сегодня необходимо

принимать решения о стратегиях формирования гражданской идентичности для этой категории молодежи, о технологиях работы с молодежью в этих субъектах или с этой молодежью за пределами новых субъектов РФ; необходимо понимать существующие барьеры и риски работы в этом направлении; предполагаемые результаты и перспективы.

Научная значимость исследования процессов формирования гражданской идентичности молодежи новых субъектов РФ обусловлена сложностью и новизной проблем реформирования политических макросообществ в условиях современной конкуренции мировых проектов политического устройства. Существующие исследования, основанные преимущественно на опыте послевоенной Европы, в силу различия исторических и политических условий не обеспечивают концептуальной основы для анализа возможностей, рисков и угроз интеграции (реинтеграции) политических макросообществ. Восполнение существующего дефицита знаний о возможностях, ресурсах и технологиях формирования гражданской идентичности молодых людей среднего и старшего школьного возраста в этих условиях позволят разработать модели трансформации ценностных и институциональных оснований политической социализации. Это приведёт к существенному приращению знаний по малоизученной в политической науке проблеме.

Практическая значимость исследования обусловлена необходимостью трансформации гражданской идентичности школьников как одного из ключевых компонентов успешной интеграции новых субъектов РФ, вошедших в её состав в 2014-2022 гг., в систему политических и социокультурных связей нашей страны. Для политико-управленческой сферы актуальность данного исследования обусловлена возможностью интеграции разработанных моделей и аналитического инструментария в политическую практику, а также использованного полученного эмпирического материала для выработки стратегии политики идентичности.

Методология. В качестве оснований методологической конструкции в данном исследовании выступает идентитарный подход. Идентитарный подход предполагает использование концепта гражданской идентичности и исследование его связей с понятиями национальной и региональной идентичности для анализа конкретных политических процессов. Гражданская идентичность предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в особенности с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства. В основании гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Л.М. Дробижева [1, с. 21-36], И.С. Семененко [2]).

Политико-психологический подход (Е.Б. Шестопа [3, с. 48 – 69.]) в контексте исследования применяется для понимания институтов, механизмов и факторов формирования гражданской идентичности в процессе политической социализации исследуемой группы в ситуации динамического изменения всей модели политической социализации и формирования нового

политического пространства. Аналитический и эмпирический инструментарий политико-психологического подхода позволит выявить структуру и описать содержание политической картины мира, составляющей когнитивное ядро формирования гражданской идентичности.

Методы исследования. Методика эмпирического исследования формирования гражданской идентичности школьников новых субъектов основана на сочетании таких методов, как фокус-группы, экспертный опрос, традиционный анализ документов, анализ конкретных ситуаций. Исследование проводится в несколько этапов.

На первом этапе проведена серия фокус-групповых интервью со школьниками старшего и среднего школьного возраста, проживающими как на территориях, интегрированных в состав РФ в 2014 г. (Республика Крым, город федерального значения Севастополь), так и на территориях, вошедших в её состав в 2022 г. (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области). В фокус-групповых интервью были использованы проективные техники, нацеленных на выявление когнитивных, аффективных и оценочных компонентов субъективного пространства политики, ядра политической картины мира, ценностных и содержательных оснований гражданской идентичности. В рамках данной статьи представлены отдельные результаты первого этапа исследования – исследования представлений о «своей стране» в политической картине мира школьников новых российских регионов.

Результаты исследования. Представления о «своей стране» являются важной частью субъективного пространства политики личности и социальной группы, частью индивидуальной и коллективной политической картины мира.

Политическая картина мира – один из компонентов субъективного пространства политики, являющийся результатом интериоризации политического мира как части жизненного опыта в индивидуальном и коллективном сознании. Политическая картина мира представляет собой подвижную систему представлений о власти и политике, ее структуре, механизмах, репрезентующую политический мир в индивидуальном и коллективном сознании[4, с. 392-393.].

Структуру политической картины мира составляют визуально-когнитивные образы, организованные в многоуровневую систему: ядро политической картины мира содержит символические образы власти и государства (Родины, своей страны); базовый уровень – образы элементов политического мира и представления о способах коммуникации между ними; инструментальный уровень включает представления о возможных для субъекта моделях политического поведения. Образ-Я, отражающий представления носителя политической картины о своей роли и возможностях в политике находится внутри или за пределами политической картины мира (если носитель представлений не видит возможностей для участия в политике).

Политическая картина мира, как часть субъективного пространства политики, тесно связана с другими его компонентами и феноменами. Во-

первых, политическая картина мира, а в частности, образы, составляющие ее ядро, являются ментальным основанием для формирования и конструирования национальной (национально-государственной) идентичности. Конфигурация базовых образов политической картины мира, например, образа власти, Родины, политического лидера обусловлена архетипами национальной политической культуры. И, наконец, политическую картину мира можно определить как здесь-и-сейчас результат политической социализации, в ней одновременно присутствуют представления, заложенные/сконструированные на предшествующих этапах социализации и образы, отражающие текущий, актуальный социально-политический дискурс.

Исследование политической картины мира школьников новых регионов РФ, в частности, их представлений о *своей стране* показало дифференциацию этих представлений, причем главным дифференцирующим фактором являются травматичные условия политической социализации (военные действия), их продолжительность и свежесть впечатлений об этих травматических событиях: *«Только война! Все! Больше ничего в голову не приходит»* (участник фокус-группы, Запорожье).

В силу травматических условий социализации большинство участников дискуссий демонстрируют стратегию политического эскапизма (сознательно и категорически вынимают себя из мира политических отношений): *«Что я нарисовал про политику? Я обозначил просто флаг, который символизирует любое государство. Просто белый флаг»*(участник фокус-группы, Запорожье).

Представления о *своей стране* у большинства участников фокус-групп из Запорожья амбивалентны: *«Я обозначил два флага. Россия и Украина»; «Вот как страны, я их люблю. Вот именно как страна, Украина, она очень красивая, и Россия тоже очень удивительная. Но как политические центры и вообще что-либо, связанное с этим, я их недолюбиваю из-за всего произошедшего»*(участник фокус-группы, Запорожье).

Представления о *своей стране* у большинства участников фокус-групп из Херсонской области определены: *«Какую стану считать своей? Россию! Мы из Херсона, Херсон ... по менталитету ближе к России. Я помню еще из детства, когда мы сначала смотрим на Новый год сначала выступление Путина, потом выступление Януковича или кого там очередного... Хотя я жила в Украине, у меня русский менталитет все равно»* (участница фокус-группы, Херсон).

Вместе с тем, некоторые участники демонстрируют и эскапистскую позицию: *«У меня нейтральное отношение. – То есть Вам неважно, в какой стране Вы живете? - Нет, не важно! Главное, чтобы мир был!»*(участник фокус-группы, Херсон); а также модель вынужденного прагматического принятия: *«Просто обстоятельства сложились так, что нам пришлось пережить такой опыт и дальше нам придется жить в России. Тем более, что поддержка и стипендии, это вообще ключевой момент – в России выше»* (участник фокус-группы, Херсон).

Участники фокус-групп из ДНР и ЛНР единодушно демонстрируют модель принятия своей страны – России: *«Скажите, пожалуйста, какую*

страну вы считаете своей Украиной или Россией? - Все: Россию - Почему? - Украина не наша страна! Просто большинство детей, они уже или родились, или воспитались тогда, когда у нас уже случилась война, когда ДНР стала подражать России можно сказать. У нас стало обучение как в России. У нас все как в России, поэтому все уже привыкли к этому образу жизни» (участники фокус-группы, ДНР и ЛНР).

Представления о *своей стране* играют важную роль в формировании гражданской идентичности молодежи. Политика идентичности, реализуемая в новых регионах РФ через различные институты и технологии, должна учитывать особенности процессов политической социализации молодого поколения новых субъектов и разные представления о *своей стране*, которые сформировались в настоящее время. Вместе с тем, важно понимать динамичность этих представлений и, несомненно, необходимость их дальнейшего многостороннего исследования.

Исследование выполнено в рамках исследовательского проекта «Формирование гражданской идентичности школьников в новых субъектах РФ: стратегии, барьеры и перспективы» (2023, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук) в рамках государственного задания FZEN-2023-0008.

Список литературы

1. Дробижина Л. М. Поиски определения и динамика распространения российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты: [монография] / Л. М. Дробижина, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]; отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 21-36.
2. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: Изд. «Весь Мир», 2017. 992 с.
3. Шестопал Е. Б. Политическая социализация и ресоциализация в современной России // Политика. 2005. № 4. С. 48 – 69.
4. Самаркина И.В. Политическая картина мира / Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семенов. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. С. 392-393.

Чикаева Т.А.

ФОРМИРОВАНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ И ОТЕЧЕСТВА КАК ОСНОВА ЛИЧНОСТНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье обосновывается приоритет идентичности по основанию Родины и Отечества перед политической идентичностью и утверждается важность формирования и актуализации их образов. Сделан вывод о том, как может изменяться политическая активность человека и социальной группы.

Ключевые слова: идентичность, политическая идентичность, Родина, Отечество, образ.

FORMATION AND ACTUALIZATION OF THE IMAGE OF THE MOTHERLAND AND FATHERLAND AS THE BASIS OF PERSONAL AND COLLECTIVE IDENTIFICATION

The article substantiates the priority of identity on the basis of the Motherland and Fatherland over political identity and asserts the importance of the formation and actualization of their images. The conclusion is made about how the political activity of a person and a social group can change

Key-words: identity, political identity, homeland, fatherland, image

Вопрос идентификации личности и социальной группы в настоящее время приобретает особо важное значение. Отечественные авторы, например А.В. Кузнецова и Е.А. Кублицкая, понимают под ней «процесс и результат самоотождествления индивида с другим человеком, группой, сообществом» [2, с. 23], то есть идентификация позволяет достоверно определить то, какие нормы, идеалы и ценности являются своими, то есть нацелены на развитие и совершенствование, а какие, даже если их преподносят в качестве положительных, на деле несут разрушение и негативные последствия. Новая философская энциклопедия указывает на то, что категория «идентичность» описывает «индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей» [3, с. 78], то есть обрести и иметь свою идентичность означает быть самобытным субъектом, иметь свою оригинальную культуру, реализовывать свой путь движения к идеалу. Поведение отдельной личности во-многом зависит от того, как она себя идентифицирует, какие социальные группы будут для неё своими, теми, с кем следует сотрудничать, кого следует поддерживать.

В течение длительного времени во многих странах можно было наблюдать акцентирование внимания на политической идентификации. Её суть, коротко говоря, состоит в том, что человек идентифицирует себя как гражданина того или иного государства, государственного образования и принимает решение о безусловном исполнении норм и правил этим государством установленным. Следует заметить, что при формировании такой идентичности практически всегда допускается отождествление понятий «государство» и «Родина», «Отечество», политическая лояльность получает оценку как высоконравственное качество личности. Кроме того, государство, с которым личность или социальная группа себя идентифицирует, как правило, рассматривается только в текущем его состоянии, без соотнесения с тем, что было прежде, с тем, насколько оно отвечает требованиям общества или же является суверенным и, следовательно, возможен вариант, когда личность, идентифицируя себя с государством, совершает поступки, объективно ведущие к негативным последствиям, страданиям, людским потерям, мотивируя их искренним желанием защитить свою Родину. Нечто подобное наблюдается с началом специальной военной операции России, когда отдельные жители, отождествляя Родину и политический режим Киева, всячески стремятся помешать денацификации и демилитаризации. Самое

опасное, на наш взгляд, заключается в том, что цель нанесения вреда России для таких людей более значима, чем всё остальное, в чем можно убедиться на примере обстреливания Запорожской АЭС, что угрожает экологической катастрофой и массовой гибелью украинцев, или случая корректировки огня для поражения предприятия, где работает наводчик. Эти и иные подобные случаи свидетельствуют о том, что есть люди, для которых сложно определить свою идентичность, они следуют указаниям официальной политической элиты, подменяя действительные ценности конструктивными.

Политическая идентификация имеет целый ряд ограничений, которые связаны с политическими амбициями элиты. Идентифицируя себя с политическим образованием, государством, человек или социальная группа с малой вероятностью смогут всегда объективно оценивать деятельность государственных органов, принимаемых правительственных решений и законов, а, значит, возможно нарушение нравственных принципов, затруднено самосовершенствование и движение к идеалу, сложно дать объективную оценку глобальным процессам. Но, вместе с тем, нельзя полностью исключать политическую идентификацию, как положительную, так и отрицательную, поскольку многие события требуют политического самоопределения человека. Преодоление отмеченных недостатков возможно, если индивидуальная и коллективная идентичность будут проводиться по объективному основанию, преодолевающему ограниченность политических целей и ценностей, но имеющему с ними связь.

На основании исследования философской литературы, данных социологических исследований можно прийти к выводу о том, что такими основаниями могут быть Родина и Отечество [5, с. 87-106]. Заметим, что широко распространённая дефиниция Родины и Отечества как государства, где человек родился и чьим гражданином он является, раскрывает содержание данных категорий очень узко, без учёта многих их качеств и функций [4, с. 40-41], а, следовательно, нуждается в корректировке. На наш взгляд, Родина — духовная субстанция, порождающая все иные объекты: духовные, материальные, социальные, определяющая качества культуры личности. А Отечество — соединение Родины и творчества социальных субъектов, целью которого является организация совместной жизни для сохранения и развития ценностей, полученных от предков, и передача их потомкам. Онтологически Отечество — социально-духовный объект, то есть в своей основе Отечество духовно, а не политически. Государство же можно рассматривать как форму организации совместной жизни людей, то есть, как замечали отечественные философы, государство может быть формой проявления Родины и Отечества, источником их формирования и актуализации их образов в сознании человека, поэтому, при соблюдении ряда условий, политическая идентификация может совпадать с идентификацией по основанию Родины и Отечества. Усилия общества должны быть направлены на то, чтобы каждый человек отличал государство, Отечество и Родину и мог принимать ответственные решения. В истории нашей страны такое уже было, когда уехавшие из революционной

России люди, крайне отрицательно относившиеся к советскому государству, жертвуя многим, помогали СССР победить в Великой Отечественной войне.

Идентификация человеком себя с Родиной особо важна, так как: во-первых, ключевая функция Родины материнская, идентификация с ней естественна и объективна, во-вторых, Родина — святыня, связь с ней делает человека причастным к высшим ценностям, связь с которыми прочна в отличие от связи с материальными или социальными благами, в-третьих, идентификация по основанию Родины преодолевает социальные, идеологические, политические и иные разногласия, в-четвёртых, как пока есть связь с Родиной сохраняется надежда на организацию совместного бытия на основе ценностей своих предков, даже, когда государство разрушено. И.А. Ильин называет эмигрантов «живыми кусками своей Родины» [1, с. 206], указывая на то, что пока есть связь с Родиной, сохраняется самобытная культура, способность транслировать свои ценности из поколения в поколение. Идентификация по основанию Отечества сходна с идентификацией по основанию Родины, отличие заключается в том, что в этом случае обязательно даётся оценка того, как организовано совместное бытие, как устроено управление, насколько оно соответствует системе ценностей и позволяет личности и социальной группе развиваться. В этой связи, необходимо подчеркнуть правоту исследователей, которые указывали на то, что идентификация по основанию Отечества связана с актуализацией ценностных предпочтений личности в сфере организации общественной жизни, в отличие от идентификации по основанию Родины, которая объективна и абсолютна и для которой необходимо просто обрести свою Родину в духовно-нравственном акте. Поскольку Отечество — это духовно-социальный объект, то идентификация себя с Отечеством означает оценку определённой действующей или потенциальной системы управления общественным бытием в качестве лучшей, обеспечивающей трансляцию ценностей и позволяющей осуществлять дальнейшее совершенствование. Идентификация себя с Отечеством, а, следовательно, и с Родиной, поскольку Родины предшествует Отечеству и является его основой, означает идентификацию себя с положительным путём развития личности, семьи, социальной группы. Такая идентификация позволяет человеку оценить перспективы того или иного политического решения, определить истинные и декларируемые ценности политических субъектов, сделать вывод о том, какая система управления позволит сохранить и развить свою культуру, ценности предков, воспитать потомков, то есть обеспечит активную и осознанную деятельность политико-управленческую деятельность каждого человека. На наш взгляд, именно умение идентифицировать себя с Родиной и Отечеством части граждан сохранили возможность преодоления негативных и разрушительных тенденций в мире. Сейчас Россия выстраивает свою политику, опираясь именно на таких людей.

Но, надо признать, что для достаточного количества активных людей вопрос об идентичности стоит по-другому, они отождествляют Родину, Отечество и государство, воспринимая действия в отношении

государственного аппарата как действия в отношении объективных святынь — Родины и Отечества. Это ставит задачу научить людей их различению, сложность которой связана с тем, что онтология Родины и Отечества духовная и духовно-социальная. Содержание Родины и Отечества раскрывается через их образы, источниками которых являются разные объекты, в том числе создаваемые творчеством человека. Литературные произведения, песни, картины и многое другое формируют образы Родины и Отечества, доступно поясняют их роль в жизни человека и общества. В образной форме можно наглядно продемонстрировать различие между Отечеством и государством, критикой политической системы, направленной на вскрытие недостатков и их преодоление, и дискредитацией Отечества, ценностей предков, истинным и ложным патриотизмом. Образ обеспечивает единство гносеологического и аксиологического, узнавания объекта и его оценки, поэтому именно формирование и актуализация образов должно иметь приоритетное значение в вопросе воспитания и образования. Заметим, что разрушение СССР в своей основе имело, прежде всего, формирование исключительно положительного образа Запада и сугубо отрицательного образа Советского Союза, что привело к искреннему стремлению уничтожить своё государство и начать жить по иному образцу, без серьёзных попыток найти решение имеющихся проблем. Как это отразилось на жизни людей хорошо известно.

Формированию и актуализации образа Родины могут способствовать широкие общественные дискуссии, творческие встречи, оформление предметно-пространственной среды, проведение праздников и мероприятий памяти национальных героев, восстановление исторической памяти о делах предков, их достижениях, влиянии на ход истории и роли в мировом культурном развитии. Образы Родины и Отечества могут быть различными, нет необходимости показывать только положительные стороны, скрывая недостатки, напротив, их демонстрация важна, но она должна сопровождаться анализом причин и предложением способа их преодоления. Важное место в данном процессе должно быть отведено молодёжи. Молодые люди должны стать не только потребителями, но и создателями новых образов Родины. Надо сказать, что работа в данном направлении ведётся, например, в Московском художественно-промышленном институте с 2017 года проводится международная конференция «Образ Родины: содержание, формирование, актуализация», где ученики и студенты могут представить своё видение образа Родины и Отечества как в виде статьи, так и в виде художественной работы.

В заключении считаем важным указать на то, что наличие в сознании человека актуального образа Родины и Отечества обеспечивает индивидуальную идентификацию себя с ними, а, следовательно, позволяет осознанно и объективно оценивать политические решения, действовать во благо себя, своей семьи, сохранять ценности полученные от предков, совершенствовать совместное бытие. Идентификация человека по основанию Родины и Отечества создаёт условия активного и результативного участия в политическом процессе каждого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 511 с
2. Кузнецова А.В., Кублицкая Е.А. Гражданский патриотизм — основа формирования новой российской идентичности. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. 328 с.
3. Новая философская энциклопедия: В 4т. Т. II. М. Мысль. 2010. 634 с
4. Чикаева Т.А. Анализ подходов к дефиниции понятия «Родина»//Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 2. С. 40-49.
5. Чикаева Т.А. Родина. Патриотизм (социально-философское исследование). М. МХПИ, 2019. 129 с.

**СЕКЦИЯ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В данной статье рассматривается политика «мягкой силы» Турции в России, проявляющаяся в укреплении сферы публичной дипломатии, активного сотрудничества бизнес-структур двух стран, развития туризма, совместных образовательных проектов и студенческих обменов. Важным аспектом является расширение региональных связей, закрепляющих двусторонние отношения и эффективность гуманитарных проектов.

Ключевые слова: Турция, Россия, регионы России, политика «мягкой силы», инструменты «мягкой силы».

Avcu Havva

THE POLICY OF TURKEY'S "SOFT POWER" IN RUSSIA: A REGIONAL PERSPECTIVE

This article examines Turkey's policy of "soft power" in Russia, shown in the strengthening of public diplomacy, active cooperation between the business structures of the two countries, development of tourism, joint educational projects and student exchanges programs. An important aspect is the expansion of regional ties that solidify bilateral relations and enhance the effectiveness of humanitarian projects.

Key-words: Turkey, Russia, Regions of Russian, soft power policy, soft power instruments.

Основоположником современной теории «мягкой силы» стал профессор Гарвардского университета Джозеф Най, определивший «мягкую силу» как способность формировать симпатии, предпочтения других, это — таинственная химия притяжения, привлекательности [1, p.9].

Серьезная научно-исследовательская разработка турецкого национального формата «мягкой силы» началась после написания А.Давутоглу книги «Стратегическая глубина...» [2], после которой в академических и научных кругах Турции развернулась дискуссия вокруг понятий «турецкая модель» и «турецкая мягкая сила» в их практико-политическом измерении [3;4]. Раскрывая концептуальные расхождения восприятия и понимания принципов реализации политики «мягкой силы» Турции с учетом ее многослойной политической культуры [5], были определены сильные и слабые стороны турецкой модели и оценена эффективность инструментов и реализуемых практик «мягкосилового» воздействия Турции на Россию и ее регионы [6;7;8]. Ввиду активизации гуманитарного взаимодействия двух стран российские исследователи также уделяют большое внимание турецкой «мягкой силе» и изучению ее влияния в российских регионах [9;10;11;12;13].

Конечно, институциональной основой политики «мягкой силы» Турции является дипломатическая сеть, состоящая из посольства в Москве, трех Генеральных консульств (в Казани, Новороссийске, Санкт-Петербурге) и Почетного консульства (в Екатеринбурге). Эти официальные дипломатические представительства организуют мероприятия в области публичной дипломатии: выставки, конференции, семинары и различные

культурные мероприятия. Турция активно сотрудничает с университетами и научными организациями России, проводит программы обмена студентами и учеными, реализует совместные научно-исследовательские проекты и соглашения о научном сотрудничестве. В регионах России турецкая политика «мягкой силы» проявляется в расширении гуманитарного присутствия: дипломатические связи, площадки публичной дипломатии для проведения мероприятий культурного обмена, образовательные программы и студенческие стипендии, распространение турецкого кинематографа, взаимодействие бизнес-сообществ, расширение сферы туризма (безвизовый режим), прямые авиалинии и т.д. Среди организаций, осуществляющие работу Турции в данной области в России можно выделить следующие:

Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TIKA) реализует проекты в России в рамках Турецко-российского общественного форума, созданного в 2010 году и возглавляемого лидерами двух стран, а также проводит летнюю школу по истории Османской империи и Османскому языку для студентов турецкой филологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Турецкий институт Юнуса Эмре (YEE) имеет культурные центры в Казани (2013) и Москве (2018), а также проводит много мероприятий в других регионах России: «Дни Турции» во Владимире (2021 г.); конференция «Кононовские чтения» в Санкт-Петербурге (2021 г.); совместные проекты с российскими университетами в рамках «Протокола о сотрудничестве в проекте тюркологии» в Башкирском государственном университете, Казанском федеральном университете, Санкт-Петербургском государственном университете, Чувашском государственном университете; культурно-выставочные мероприятия в различных автономных тюркских республиках (например, выступление турецкой музыкальной группы Meshk Ensemble и проведение сема-программы в республике Тува).

Управление по делам соотечественников и проживающих за рубежом турок (УТВ) (2010) считается одним из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы», одной из компетенций которого являются вопросы, связанные с грантами для иностранных студентов, включая стипендии для студентов из России в рамках программы «Турецкие стипендии». С 1992 г. более 4000 российских студентов получили бесплатное образование в Турции по этой программе.

Управление по делам религий и Турецкий фонд «Диянет» (TDV) работает через Советника по религиозным делам при Посольстве Турции в Москве и имеет Координационное управление по религиозным делам в столице Башкортостана, городе Уфа. Одним из проектов TDV в России является строительство Исламского университета в Уфе, осуществленное Муфтиятом Стамбула в поддержку мусульманского религиозного образования. Турция укрепляет отношения с турецкими общинами в России, в том числе с ногайскими тюрками и крымскими татарами. В Крыму зарегистрированы около 200 объектов турецко-исламской архитектуры, в рамках проекта «Крымско-татарское наследие» профинансировано 2 издания альбомов

памятников архитектуры (2016 г., 2021г.). *TDV* Турции проводит активную благотворительную деятельность в России во время месяца Рамадан и Курбан-байрам, а также осуществляет работу по углублению религиозных знаний мусульман в России, включая перевод на русский язык «Основной Исламской Энциклопедии» и распространение Священного Корана на различных языках, включая русский, в рамках проекта «Подарок – Коран». *TDV* строит мечети в России и помогает в ремонте существующих. В 2015 году состоялось открытие Центральной мечети Москвы с участием Президентов России и Турции. *TDV* так же софинансировал ремонт мечети в Костроме, где проживает около 25 тысяч мусульман и расположено мусульманское кладбище погибших турецких солдат.

Международная организация тюркской культуры (Türk Kültürve Sanatları Ortak Yönetimi, ТЮРКСОЙ) (1993) создана министрами культуры 6 стран: Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Туркменистана и Турции с целью сохранения и развития культуры тюркских народов. Среди членов этой организации есть субъекты РФ (Республика Татарстан, Башкортостан, Алтай, Хакасия, Саха и Тува). *ТЮРКСОЙ* организует форумы для изучения языка, культуры и истории тюркских народов с участием студентов и преподавателей из 12 российских университетов. В российских вузах, в особенности в тюркских регионах, широко представлены кафедры турецкого языка, которые получают материальную государственную поддержку со стороны Турции.

Агентство Анадолу (АА) и Корпорация турецкого радио и телевидения (TRT) имеют несколько офисов в Москве и осуществляют публикации на различных языках, включая русский.

Турецкие авиалинии (ТНУ) один из наиболее заметных и популярных брендов Турции, осуществляющий рейсы в 36 городов России, что, несомненно, расширяет возможности экономического, культурного и научного взаимодействия Турции с российскими регионами.

Таким образом, сегодня внешняя политика Турции, основанная на «мягкой силе», по отношению к России, несмотря экономическую целесообразность, демонстрирует сбалансированный и многосторонний гуманитарный подход. Турция учитывает, что слишком большое внимание к экономическому сотрудничеству без учета других важных областей, таких как безопасность, политический и культурный диалог, может привести к потенциальным вызовам и конфликтам, труднопреодолимых из-за имеющегося негативного исторического опыта длительной вражды наших народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004, p.9.
2. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre yayınları, 2001.
3. Çandar C. Turkey's 'Soft Power' strategy: a new vision for a multi-polar World // SETA. Policy Brief, no. 38. December. 2009.

4. Kalın, İ. Soft Power and Public Diplomacy in Turkey, Perceptions: Journal of International Affairs, The Center of Strategic Research, 2011, 16(3), 5-2.
5. Benhaïm Y., Öktem K. The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan. European Journal of Turkish Studies (Online). 2015.No. 21.
6. Kılıçoğlu G., Yılmaz A. N. Türkiye Rusya ilişkilerine farklı bir bakış: Türkiye'nin Rusya üzerindeki yumuşak gücü. 2019. PESA Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi, 5 (3), 209-227.
7. Doğan E. Rusya Federasyonu'nda Kamu Diplomasisi: Evrim ve Kurumlar. Marmara Üniversitesi Siyasal Bilimler Dergisi. 2015. s.179-194.
8. Ekşi M., Rusya'nın Kamu Diplomasisi: Dış Politika Davranışlarıyla Çelişme Paradoksu. Karadeniz Araştırmaları Dergisi, 2015. s. 43-56.
9. Аватков В.А., Бадранов А.Ш. «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России / В.А. Аватков, А.Ш. Бадранов // Право и управление. XXI. - 2013. - № 2(27). С. 5-11.
10. Стародубцев И.И. Мягкая сила Турции и России. Институт Ближнего Востока, 2020.
11. Демешко Н. Э., Ирхин А.А. Эволюция Турецкой «мягкой силы» в рамках деятельности Турецкого агентства сотрудничества и координации на примере Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. №1.
12. Сулейманов Р.Р. «Мягкая сила» Турции в Татарстане: инфраструктура влияния Анкары в регионе в постсоветский период [Текст] / Р.Р. Сулейманов // Человеческий капитал. 2016. № 2. С. 115–117.
13. Волкова С.Л. Экономические отношения Турции с субъектами Российской Федерации (Северный Кавказ, Поволжье, Урал): Диссертация на соискание ученой степени канд.экон.наук. М., 2005. –231 с.

Афони́на А. А.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

В статье определена роль цивилизационного подхода в анализе внешнеполитической деятельности Российской Федерации на современном этапе. В ходе исследования были определены перспективные направления внешнеполитической стратегии России и актуальные вызовы в условиях смены цивилизационной парадигмы.

Ключевые слова: цивилизационный подход, внешняя политика, Россия, цивилизация, идентичность, международные отношения.

Afonina A. A.

CIVILIZATIONAL APPROACH TO ANALYSIS OF FOREIGN POLICY ACTIVITY OF RUSSIA: PROSPECTS AND CHALLENGES

The article defines the role of the civilizational approach in the analysis of the foreign policy activity of the Russian Federation at the present stage. The study identified promising areas of Russia's foreign policy strategy and current challenges in the context of a change in the civilizational paradigm.

Key-words: civilizational approach, foreign policy, Russia, civilization, identity, International Relations.

В современных условиях возрастает актуальность изучения влияния цивилизационного фактора на мировую политику. Цивилизационный фактор

оказывает влияние на характер внешней политики государств и их взаимодействие, что позволяет проследить динамику глобальной политики с учетом культурного и цивилизационного многообразия. Как отмечают исследователи С. А. Ланцов и В. А. Ачкасов, «усиливается взаимодействие между народами разной цивилизационной принадлежности, что ведет как к росту цивилизационного самосознания, так и к пониманию различия между цивилизациями и общностью в рамках своей цивилизации» [1, с. 100], что, в свою очередь, указывает на усиление роли цивилизационного фактора в международных отношениях. В этой связи автор данной статьи подчеркивает актуальность применения цивилизационного подхода к анализу внешнеполитической стратегии РФ, поскольку глубокое понимание социокультурных и исторических факторов формирования русской цивилизации может дать более четкий ответ на вопрос о национальных интересах России, ее внешнеполитической стратегии и цивилизационных ориентирах во взаимоотношениях с разнообразными государствами.

Начнем с того, что проблема определения истоков русско-славянской цивилизации практически возродила существовавшую в середине XIX века полемику между западниками и славянофилами. Об этногенезе русской народности на основе слияния преимущественно восточнославянских, финно-угорских и скандинавских племен известно из древнерусских летописей. Далее русское социокультурное пространство формировалось многие века под воздействием своей православной первоосновы, Византии и соответствующих цивилизационных установок, нашествия Батыя и влияния татаро-монголов, а также Европы, в частности, французского Просвещения. В связи с этим некоторые исследователи занимают позицию, согласно которой Россия не относится ни к одному из типов цивилизаций в чистом виде и обладает признаками и «традиционной», и «либеральной» цивилизаций [2, с. 38]. Действительно, позиционирование русской государственности на разных этапах своего развития зачастую сводилось к России как части европейской цивилизации. В этом смысле необходимо отметить, что элементы западной цивилизации не всегда «приживались» в русском социокультурном пространстве, а посему требовали соответствующих изменений. По мнению автора, истоки обозначенной концепции восходят к первой половине XIV века, когда юго-западная Русь оказалась в административном управлении Великого княжества Литовского после стремительного развития в ней торгово-ремесленной культуры. Однако в данном контексте нельзя говорить о колоссальном влиянии Европы благодаря существовавшим социально-экономическим различиям. В целом, специфика процессов, происходящих внутри государства, зачастую определялась природно-географическими факторами, поэтому вышеупомянутый тезис о невозможности причисления России к единой традиционной цивилизации – всего лишь попытка отказать России в ее самобытной идентичности.

31 марта 2023 года была утверждена обновленная Концепция внешней политики РФ, в которой на доктринальном уровне закрепились особое

положение России и ее определение как «самобытного государства-цивилизации» [3, с. 1], что открыло множество перспектив для применения цивилизационного подхода к ее деятельности на международной арене. В новой Концепции большое внимание уделяется национальным интересам России. К ним относится поддержание стратегической стабильности, многополярности, укрепление международного мира и безопасности, содействие выработке эффективных комплексных ответов международного сообщества на общие вызовы и угрозы, включая региональные конфликты и кризисы [Там же, с. 6]. С точки зрения цивилизационного подхода С. Хантингтон отмечал, что основные конфликты и кризисы происходят на линиях разлома между цивилизациями [4]. В этом смысле логичной видится необходимость введения российского миротворческого контингента в некоторые проблематичные регионы, на которые распространяется сфера цивилизационного влияния РФ (Балканы, Кавказ, Ближний Восток, Африка, Восточная Европа), для реализации вышеупомянутых национальных интересов. Кроме обозначенных регионов, автор полагает, что в дальнейшем угроза национальным интересам России может исходить от китайской (конфуцианской) цивилизации. Так, еще Н. С. Хрущев констатировал: «Постепенно у нас сложилось единое мнение, что таким образом китайцы хотят внедриться на наш Дальний Восток» [5, с. 355] с целью ассимилировать русское население, в результате чего Сибирь и Дальний Восток этнически стали бы преимущественно китайскими, и, соответственно, приобрели бы культурные элементы иной цивилизации. Того же мнения придерживался и известный русский востоковед М. И. Сладковский, указывающий на геополитические расчеты Китая в отношении расселения китайцев вдоль границы, когда в 1954 году Мао Цзэдун предложил переселить в Сибирь и Дальний Восток 10 миллионов китайцев [6]. С тех пор реализация советского лозунга «Русский с китайцем – братья навек» сменилась прагматичной ориентацией на взаимовыгодное сотрудничество. Действительно, отношения между Россией и Китаем более не близки в идеологическом смысле и не имеют ничего общего в смысле цивилизационной близости, поэтому можно предположить, что тезис С. Хантингтона о столкновении «православно-христианской» и «конфуцианской» [4] цивилизаций рано или поздно подтвердится. Несомненно, Китай на современном этапе не является нашим врагом, но Китай не является и нашим союзником. Китай представляет собой уникальную цивилизацию, как и Россия. Таким образом, выявлен еще один потенциально проблематичный регион – Дальневосточный, в этой связи внешнеполитическая стратегия России в отношении Северо-Восточного Китая требует концептуального осмысления. С другой стороны, цивилизационные различия предоставляют возможность для диалога и сотрудничества, поэтому на сегодняшний день, в условиях сплочения перед внешней угрозой в лице США и коллективного Запада, отношения между Россией и Китаем можно назвать партнерскими, основанными на уважении, взаимном доверии и признании культурных различий.

Приоритетным направлением внешней политики России является интеграция евразийской, африканской, исламской, индоостанской и китайской цивилизаций в единый Евразийский континентальный блок для противостояния западной гегемонии и восстановления межцивилизационного баланса. Таким образом, цивилизационные особенности определяют характер и способ взаимодействия государств, поэтому для успешной реализации внешнеполитических задач РФ необходимо обратиться к некоторым общим цивилизационным признакам.

Важнейшим является религиозный признак, который складывался многие столетия и главенствует над любыми другими признаками культурной идентичности. А. Тойнби утверждал, что формообразующим цивилизационным фактором является не этническая составляющая, не политическая реальность, а именно культурный феномен – религия [7]. К тому же, защита и обеспечение единства православия также относится к приоритетным направлениям внешней политики РФ. Воспринимая Россию как оплот православия, сфера ее внешнеполитического влияния в этом смысле распространяется на Сербию, Грецию, Кипр, Болгарию, Белоруссию и ряд других православных европейских государств. Православие также объединяет Россию и ЮАР, где интерес к данной конфессии и позиции РПЦ усиливаются. Кроме того, как отмечала М. В. Захарова, русской цивилизации близка духовность африканского народа, а в Африке близка свобода «по-русски» [8], которая означает внутреннюю духовную свободу и свободу принятия внутри- и внешнеполитических решений.

С точки зрения историко-культурной связи, внешнеполитическая деятельность России должна быть обращена в сторону сотрудничества с дружественной и суверенной Индией. Россия и Индия не только участвуют в ряде крупных межгосударственных объединений (БРИКС, ШОС, РИК), но и имеют множество общих черт, позволяющих разместить их по соседству на условной шкале цивилизационной совместимости. Во-первых, взгляды России и Индии в отношении образа нового мирового порядка крайне близки. Во-вторых, древнеиндийская и древнерусская культуры имеют общую прародину [9], что находит свое отражение и в древних священных индийских писаниях, и русских народных обрядах, сказаниях, топонимике. Особый статус стратегического партнерства государств был отмечен еще в 2010 году. Представляется, что историко-культурный фактор оказал влияние и на то, что в нынешних условиях международной напряженности отмечается стремление России «наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе» [3, с. 29].

Несомненно, анализ внешнеполитической деятельности Российской Федерации требует комплексного подхода. В этой связи необходимо обозначить некоторые актуальные вызовы.

Один из вызовов обусловлен многочисленными дискуссиями на тему понятийно-категориального аппарата в исследовании цивилизационных

аспектов, что, в свою очередь, обусловило размытость и широту толкования ключевой категории – «цивилизация». По мнению автора, ни одно из существующих в отечественной литературе толкований не соответствует специфике данного исследования, поэтому обозначим, что в рамках указанной темы термин «цивилизация» будет определяться в качестве актора международных отношений, включающего в себя сложную систему взаимодействия и взаимовлияния культурных, религиозных, исторических, социоэкономических и политических элементов на глобальную политику. Данное определение позволило нам рассмотреть цивилизацию как некий краеугольный камень внешнеполитических приоритетов, стратегий и национальных интересов России.

По мнению А. С. Филатова, «российские цивилизационные ориентиры в развитии нашего общества возникают на основе традиционных форм и способов построения полиэтнического и поликультурного общества, формировавшегося на протяжении нескольких столетий в границах Российской Империи и затем Советского Союза» [10]. Автор данного исследования солидарен с обозначенным тезисом, но, тем не менее, представляется необходимым обратить внимание на возникший на современном этапе концептуальный вызов, который соотносится, в первую очередь, с культурным, этническим и религиозным многообразием и связанными с ними противоречиями внутри Российской Федерации. Данная проблема вызвана стремлением некоторых этнических, субэтнических и региональных групп к «самоопределению» в рамках иного культурно-исторического типа и автономии. Здесь стоит вспомнить слова Н. Я. Данилевского: «Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, - когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [11, с. 91-92].

В заключение отметим вызов, обусловленный цикличностью истории и специфическим положением России. Дело в том, что социокультурные циклы сопровождаются периодами нестабильности. В настоящее время можно говорить о переходе от одной парадигмы развития русской цивилизации к другой, что сопровождается кризисами идентичности. Долгое время Россия играла роль распространителя деструктивных для цивилизационного многообразия неолиберальных западных ценностей на Востоке – такую роль во всемирно-историческом театре оставил для нас коллективный Запад под эгидой США. Наконец пророческие слова Н. Я. Данилевского об особой миссии и неповторимой судьбе России-хранительницы национальных традиций и ценностей [Там же] нашли свое отражение и в официальных документах, и в сознании российского общества. Однако переход от западных ценностей и интересов к своим собственным, национальным, и выход РФ из однополярного американоцентричного мира обусловил возникновение в России кризиса

идентичности, вызванного, в некотором смысле, охваченной противоречиями российской политической и экономической элитой. Здесь необходимо вспомнить пророческий тезис С. Хантингтона о том, что «противники никак не могут договориться, европейская ли страна Россия, или все-таки евразийская» [4, с.36]. В данном случае проблема принятия собственной цивилизационной идентичности затрудняет устойчивое развитие России в условиях цивилизационного форматирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения.: учебник для вузов / В. А. Ачкасов, С. А. Ланцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: аспект Пресс, 2011. 480 с.
2. Шепотько Л.В. История России в сравнительном освещении: учебное пособие / Л. В. Шепотько. 2-е изд., перераб. и доп. ВЛВ : Морской государственный университет имени адмирала Г. И. Невельского, 2003. 234 с.
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.). Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=ru> (дата обращения: 14.08.2023).
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон; [пер. с англ. Ю. Новикова]. СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
5. Хрущев Н. С. Воспоминания: Избранные фрагменты/ Н. С. Хрущев. М.: Вагриус, 1997. 564 с.
6. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917 – 1974)/ М. И. Сладковский. М.: Прогресс, 1981. 302 с.
7. Тойнби А. Дж. Постигание истории: избранное / А. Дж. Тойнби; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
8. Захарова М. В. Африке близка свобода "по-русски". / Интервью Саммит Россия – Африка. Текст: электронный // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/interviews/18401837> (дата обращения: 15.08.2023).
9. Гусева Н. Р. Русский Север - прародина индославов / Н. Р. Гусева. М.: Вече, 2010. 302 с.
10. Филатов А. С. Российский цивилизационный очаг оси мировой культуры // Культурологический журнал. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskiy-tsivilizatsionnyy-ochag-osi-mirovoy-kultury> (дата обращения: 15.08.2023).
11. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. - 574 с.

Барсова Е.С.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Внешнеполитические процессы и некоторые проблемы внутри России актуализировали поиски оптимального соотношения интересов субъектов в обеспечении национальной безопасности, исследование посвящено вопросам политической власти, демократизации и безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, субъекты, интересы, власть

REALIZATION OF THE INTERESTS OF THE SOCIO-POLITICAL SPHERE IN THE CONTEXT OF ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Foreign policy processes and some problems within Russia have actualized the search for the optimal balance of interests of subjects in ensuring national security. The study aims to address general issues of democratization and security.

Key-words: national security, subjects, interests, power

Обеспечение национальной безопасности происходит под воздействием множества факторов, среди них угрозы направленные на ослабление или разрушение государства. Характер угроз позволяет выделить актуальные объекты анализа, исходя из возможности нанесения ущерба и потенциала вероятных последствий. При этом постановка проблемы, отбор фактов и направление исследования зависят от теоретико-методологической основы. Авторская позиция выстраивается из конфликтной парадигмы, где противоречия формируют общественные процессы, а угрозы возникают в результате столкновения интересов субъектов. Используя концепцию секьюритизации, любой объект, соответствующий некоторым параметрам, может быть включен в предметное поле безопасности [1]. Следовательно, национальную безопасность, как процесс, целесообразно рассматривать в контексте реализации различных интересов субъектов, оценивая, насколько они обеспечивают динамически устойчивое состояние системы общественных отношений, способствуют ее развитию с акцентом на самоподдержание и самоорганизацию в целом.

В России система общественных отношений испытывает влияние внешних угроз, глубокие противоречия, нараставшие многие годы, перешли в открытый российско-украинский конфликт. Политическим руководством РФ было принято решение о соответствующей реакции на реальную опасность, сложившуюся из комплекса угроз со стороны противников, государственные интересы стали реализовываться при помощи специальной военной операции. Незавершенность конфликта ставит задачу его скорейшего урегулирования, вместе с тем существуют особенности, связанные с внешним давлением, на которые следует обратить внимание, поскольку возникшая ситуация показывает, как столкновение государственных интересов, реализуемое в крайних формах политической борьбы, приводит к значительному ущербу. Внешнее давление накладывается на российскую почву восприимчивости, выраженную внутренними проблемами. В современной России сохраняется наследие недостроенных, неудачно заимствованных или искаженно действующих постсоветских преобразований, дополненных аспектами социальной напряженности в различных отраслях политики. Спорными остаются некоторые элементы политической институционализации. В результате серьезная опасность проявилась в виде ограниченной государственности,

долгое время имевшей основания на региональном уровне. Летом 2023 года ограниченная государственность распространилась и напрямую затронула федеральную власть, кризис стал очевидным во время событий 24 июня с участием неподконтрольных групп, использовавших военную силу для реализации собственных интересов. Таким образом, важно проанализировать, что влияет на содержание национальной безопасности и как взаимосвязано ее обеспечение с практиками реализации интересов.

Российско-украинский конфликт актуализировал поиски эффективных подходов к обеспечению национальной безопасности, снова необходимо рассмотреть вопрос соотношения интересов различных субъектов. В нашей стране долго существовал приоритет интересов государства. Исходя из этого, к концу 1990-х гг. оформилась позиция главенствующей роли безопасности государства и общества, есть мнение, что такой подход больше соответствует России, поскольку отражает национальный характер [2]. Впоследствии обозначилось противопоставление демократизации и безопасности. Сложилась дилемма «безопасность – демократия», где трудно найти баланс между безопасностью и свободой, стабильностью и развитием, открытостью миру и сохранением своей идентичности [3, с. 19]. Чтобы восполнить недостаточное внимание к негосударственным интересам, вопросы демократизации стали обсуждаться в контексте развития гражданского общества, в различных исследованиях рассматривается польза от привлечения субъектов к участию в обеспечении национальной безопасности. Развитие гражданской сферы консолидирует субъектов, помогает объединить ресурсы для достижения совместных целей, и в то же время активизирует процессы решения поставленных задач, предоставляя возможности реализации отдельных интересов. В положительном значении формируется культура участия, развиваются навыки артикуляции, агрегации интересов, налаживается взаимодействие различных структур. Инструментальная ценность позволяет использовать субъекты гражданской сферы в качестве эффективных агентов институциональных изменений. Поэтому некоммерческие и неправительственные организации становятся агентами иностранного влияния. Маскируя свои истинные цели под видом социально или научно полезной работы, действуют не в интересах граждан России, а наоборот, могут нанести им серьезный ущерб.

Постепенно усиливался контроль над сферой деятельности некоммерческих организаций. Широкое обсуждение получил Федеральный закон от 20 июля 2012 года № 121-ФЗ. По мнению сторонников внесенных изменений, регламентация деятельности НКО направлена на защиту государственного суверенитета, для этого создан механизм выявления и перекрытия финансовых потоков, идущих на поддержку проведения цветных революций и протестных движений. Противники новых правил указывали на то, что вместо регулирования взаимодействия НКО с представителями органов власти ограничиваются возможности влияния НКО на формирование общественного мнения. Политический контекст,

связанный с массовыми протестными выступлениями с декабря 2011 по май 2012 гг, объясняет стремление российской власти укрепить свои позиции. При этом, смещая дискурс в сторону безопасности, политическим субъектам легче реализовывать собственные интересы. Данный механизм описан теорией секьюритизации, согласно которой опасность может быть преувеличена или может не существовать вовсе. Исходя из этого, содержание национальной безопасности определяется в рамках дискуссии относительно политических приоритетов и становится результатом борьбы субъектов, обладающих необходимыми ресурсами. Когда угроза объявлена, проводятся изменения, в том числе чрезвычайные, нарушающие привычные процедуры, а поскольку интересы безопасности первостепенны для всего общества, принимаемые решения наделяются легитимностью. Угроза может реально существовать, однако принимаемые меры могут не всегда соответствовать заявленным целям. Таким образом, нормотворчество отражает соответствующее видение угроз доминирующими субъектами политики или другими субъектами, которые оказались способны на них повлиять.

Следовательно, выдержав критику, был повышен государственный контроль над представителями гражданского сектора. Несмотря на дальнейшие изменения, включая важный федеральный закон от 25 ноября 2017 года № 327-ФЗ, развитие событий позволяет сделать вывод об усилении угроз в данном направлении, по некоторым оценкам НКО выступают центрами информационной войны [4]. Примечательно, что в 2022 году США сняли введенные ими по причине санкций ограничения, касающиеся НКО, работающих в России под видом реализации гуманитарных целей. Гуманитарная деятельность вместе с продвижением демократии и укреплением гражданского общества официально входит в стратегию реализации национальных интересов США. Информационно-психологическое воздействие достигло пика в российско-украинском конфликте, субъекты продолжают реагировать, в законодательство РФ вносится большое количество поправок.

Обеспечение национальной безопасности зависит от перехода интересов субъектов в сферу деятельности органов государственной власти. Приоритетными возможностями определения угроз обладают структуры профильной специализации. Поскольку реализация государственных решений связана с выделением значительных ресурсов, субъекты стремятся принять участие в их освоении. Следовательно, может возникнуть «ведомственная заинтересованность в поддержании той или иной проблемы в институциональной повестке», при этом важно демонстрировать неослабевающую значимость проблемы и показывать собственную эффективность по борьбе с ней [5]. Одним из способов получения выгоды являются законопроекты, принятые в условиях секьюритизации. Здесь достаточно сложно выявить принадлежность интересов, однако процедура подготовки документов (закрытость процесса, ограниченное привлечение экспертов, проведение консультаций незадолго до голосования), вероятно,

указывает на скрытых бенефициаров и свидетельствует о неявном значении принимаемых мер. Таким образом, на федеральном уровне действуют практики, направленные на обеспечение национальной безопасности, усиливающие политическую власть, вместе с тем существуют механизмы реализации узко корпоративных интересов, в данном контексте расширение влияния некоторых субъектов может быть проявлением фактов секьюритизации гражданской сферы.

Серьезную опасность представляет развитие проблем внутри российской власти. Изменение демократических процедур может привести к системе принятия решений, изолированной от интересов субъектов, не обладающих необходимыми ресурсами влияния. Неэффективность реализации общих интересов из-за отчуждения граждан взаимосвязана с дисфункциями политических институтов. Когда нерешенные проблемы внутри власти достигают критического уровня, бездействие может трансформироваться в опасные формы протестного поведения, отвергающего неконвенциональными способами политику государства.

Сбои в государственном управлении отчетливо проявляются на региональном уровне. Примеры социальной дезорганизации в некоторых локальных сообществах демонстрируют определенный этап противоречивого непрерывного движения – социального развития, перехода из одного состояния в другое, где девиации и дезорганизация создают “новые” (деструктивные) структуры [6, с. 27–31]. При этом возникшее девиантное поведение воспринимается как источник разрушительных социальных изменений. Институционализация девиантных образцов является свидетельством наличия социально-политического кризиса, состояния аномии, характеризующихся существенными нарушениями функционирования систем общественных отношений и требующих немедленного вмешательства.

Используя объяснительную модель А.И. Соловьева, где «отношения властной и управленческой подсистем государства обладают принципиально открытым (предполагающим постоянную изменчивость взаимных диспозиций) характером, исключаящим их устойчивую формализацию, а следовательно, и однозначную ориентацию органов власти и управления на цели госрегулирования» [7, с. 72], на примере некоторых кризисных тенденций можно установить, что субъектами управления выступают не только легальные государственные и общественные структуры, но и все значимые социальные группы [6, с. 27–31]. При этом опасны преобладающие социоинженерные стратегии, основанные на стремлении субъектов к достижению безграничной индивидуальной выгоды и экономического обогащения. В результате некоторые социальные группы, зачастую аффилированные с криминальными структурами, настолько усиливаются, а формальные институты настолько ослаблены и дисфункциональны, что проявляется ограниченная государственность. Таким образом, создается особая форма отношений, в которой развивается конфликт между государственным

пониманием национальной безопасности и навязанным противоправными действиями, неформальным порядком, представляющим реальную угрозу.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, национальная безопасность представляет соответствующее видение угроз, сформированное в результате столкновения интересов различных субъектов. Во-вторых, угрозы могут быть целенаправленно неверно представлены или недооценены в силу двойственного характера некоторых явлений, на примере НКО показано как субъекты развивают гражданскую сферу и в тоже время представляют опасность, выступая иностранными агентами. В-третьих, используя эффективные механизмы реализации интересов в виде секьюритизации, может возникнуть подмена реальных угроз несуществующими, в данных условиях на фоне расширения полномочий лиц принимающих решения и сокращения сферы публичной политики нерешенные проблемы национальной безопасности будут усиливаться. В-четвертых, государственные субъекты играют основную роль в определении содержания национальной безопасности, они являются проводниками интересов, поэтому принятые решения могут не только отражать ведомственную заинтересованность, но также могут быть результатом внешнего влияния официально не заявленных лиц, таким образом, возникает пространство конвертирования ресурсов с привлечением разных форм капитала. В-пятых, существуют условия определения предмета национальной безопасности как сверху – в случае принятия законопроектов, так и снизу – когда из-за накопившихся общественных проблем, слабости политических институтов, ограниченного действия формальных правил, субъекты по своему усмотрению устанавливают определенные формы отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buzan B., De Wilde J., Waever O. Security: A New 13. Frame work for Analysis. L.:Lynne-Rienner Publishers, 1998.
2. Гречко П.К. К вопросу о понятии «национальная» безопасность // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 94–106.
3. Назаренко А.В. Национальная и международная безопасность: концепции и реалии в XX - начале XXI вв. (Историко-политологический анализ): автореф. дисс.. канд. полит. наук. М. 2008.
4. В России всё ещё не искоренена вредная деятельность западных НКО – мнение. Москва. 13 августа 2021. URL: <https://regnum.ru/news/3344337> (дата обращения: 20.08.2023)
5. Березняков Д.В., Козлов С.В. Антикоррупционная политика и механизм секьюритизации социальных проблем // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antikorrupsionnaya-politika-i-mehanizm-sekyuritizatsii-sotsialnyh-problem> (дата обращения: 20.08.2023).
6. Барсова Е.С. Трагедия в станице Кущевской: реальные механизмы осуществления власти на местах // Научная мысль Кавказа. Р-н-Д. 2012. № 3(71). С. 27–31
7. Соловьев А.И. Латентные структуры управления государством или игра теней на лице власти // Полис. 2011. № 5. С. 70–98.

РОССИЯ И МОМ: ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ

В статье рассматривается характер взаимодействия МОМ и Российской Федерации в контексте вступления страны в межправительственную организацию, а также анализируются характеристики МОМ как ведущего агентства Глобальной сети по миграции. Кроме того, была исследована проектная деятельность МОМ в России и изучена внешняя миграционная политика государства. Анализ данной информации позволил сделать вывод о том, какую роль играет агентство для Российской Федерации.

Ключевые слова: МОМ, Российская Федерация, миграция, глобальное управление миграцией, глобальные институты

Bogovik V.D.

RUSSIA AND IOM: A TOOL OF INFLUENCE

The article examines the nature of the interaction between IOM and the Russian Federation in the context of the country's accession to an intergovernmental organization, and also analyzes the characteristics of IOM as the leading agency of the Global Migration Network. In addition, IOM's project activities in Russia were investigated and the state's foreign migration policy was studied. The analysis of this information allowed to conclude what role the agency plays for the Russian Federation.

Key-words: IOM, Russian Federation, migration, global migration governance, global institutions

Вступление Российской Федерации в Международную организацию по миграции (МОМ) обсуждалось на мировых и локальных площадках с августа 2020 года, когда президентом было заявлено о намерении страны сменить статус наблюдателя и стать полноправным членом агентства. В то же время важно определить, какие цели преследуют данное решение и каким характером обладают взаимоотношения между Россией и МОМ как акторами мировой политики.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо в первую очередь обозначить место МОМ в структуре ООН и на международной арене. Организация изначально была образована вне системы ООН и наделялась сугубо логистическими функциями, чтобы контролировать перемещение рабочей силы послевоенного периода в интересах США и стран ЕС. Ориентированность агентства на западные государства была неоднократно подчеркнута в ходе миграционных кампаний прошлого столетия, когда МОМ способствовала привлечению именно европейского населения в Австралию и ЮАР времен апартеида [1, с. 22-42].

Тем не менее в настоящий момент положение организации кардинально изменилось. Сегодня МОМ является весомым подразделением ООН, которое продвигает образ глобального миграционного агентства [2]. После его вступления в 2016 в ряды официальных структур ООН, роль агентства как глобального субъекта стала стремительно возрастать. В частности оно стало ведущим подразделением Глобальной сети по миграции, что наделило МОМ возможностью координировать работу органов, прямо или косвенно связанных с управлением миграцией. Таким образом, организация обладает институциональной значимостью для

координирования различных инициатив, в том числе исходящих от Международной организации труда (МОТ) и Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ).

Также важной характеристикой МОМ выступает высокая мобильность ее деятельности. Стиль работы агентства эксперты называют «проектированием», так как оно подстраивается под конкретные нужды государств и мировую повестку и в отличие от смежных подразделений не опирается при этом на мандат [3, с. 1621-1638]. МОМ скорее предоставляет свои услуги государствам и на локальном уровне обеспечивает удовлетворение их приоритетных запросов. Как пример, организация часто финансирует экологические проекты, которые опосредованно относятся к международной миграции, но необходимы в связи с изменением климатических условий стран Африки [4]. Иными словами преимущество подразделения заключается в его подвижном функционале, от логистики до консультативных мероприятий, и широким охватом проблем, что делает ее выгодной для двустороннего взаимодействия со странами-участницами.

Более того, МОМ зарекомендовала себя как одного из лидирующих межправительственных акторов в вопросе формирования консолидированной миграционной политики. Так, именно она курировала разработку Глобального договора о безопасной и упорядоченной миграции, уникального по своему охвату международного миграционного соглашения, и в настоящее время отслеживает прогресс по его имплементации [5]. В этих целях государствам предоставляется переговорная площадка, Диалог по миграции, который проходит под эгидой МОМ. Также в стратегических документах МОМ подчеркнуто ее стремление занять главенствующее место в сфере информационного обеспечения, производства знаний и сбора данных о человеческой мобильности, что в дальнейшем будет использоваться для формирования миграционной повестки и транслируемого образа переселенцев [2]. Соответственно можно заключить, что агентство обладает достаточным функциональным и политическим потенциалом для координации трансграничных миграционных процессов на региональном и международном уровне и составления общего представления о глобальном управлении перемещениями.

Характер МОМ и ее уникальные качества в полной мере вполне соотносятся с разноплановыми потребностями Российской Федерации. Как известно, Россия является страной с многочисленным притоком трудовых мигрантов. На 2022 год их число возросло до 3,47 млн и, по данным МВД РФ, около 90% человек прибыли из стран Центральной Азии: Киргизии, Таджикистана и Узбекистана [6]. Основной поток рабочей силы идет по маршруту из стран СНГ, и перед Россией сегодня стоит задача, как сформулировал президент Путин В.В., найти баланс между открытостью и «интересами граждан в вопросах безопасности, социальной сфере, на рынке труда» [7]. На период 2020 года граждане из Средней Азии также были одними из самых многочисленных групп трудовых мигрантов на территории

России, учитывая при этом сокращение перемещений в связи с пандемией COVID-19 [8].

Вместе с тем ситуацию осложнял тот факт, что статусом полноправного члена МОМ, ведущего межправительственного миграционного агентства, Российская Федерация не была наделена в отличие от других стран СНГ и Восточной Европы, основных «доноров» трудовых мигрантов и беженцев. Также к этому времени значительно расширилась русская диаспора, и вместе с тем сохранились демографические проблемы и потребность трудовой миграции, что с большой вероятностью подтолкнуло Россию к переходу от двусторонних контактов к более тесным международным взаимоотношениям.

Проанализировав миграционную политику Российской Федерации в партнерстве МОМ, можно обозначить несколько тенденций. В первую очередь отмечается, что локальные мероприятия направлены на евразийский континент и управление миграцией по его маршрутам, в частности затрагивают государства СНГ [9]. Несмотря на это, значимые соглашения составляются без участия агентства, как например разрабатываемое межправительственное соглашение между Россией, Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном [10], и число проектов и конференций под эгидой МОМ сейчас крайне мало. Таким образом, можно сказать, что вступление в агентство представляло собой скорее некую формальность, направленную на общее укрепление содействия России и стран СНГ, чем реальное пользование логистическими и консультативными услугами подразделения.

Однако если рассмотреть риторику Российской Федерации и международную обстановку 2016-2020-х годов, можно выявить иную, более масштабную цель сотрудничества России с МОМ. Так, в пояснительной записке к проекту принятия устава МОМ указывается, что вступление в крупнейшую межгосударственную организацию по миграции «позволит укрепить международный статус Российской Федерации в сфере регулирования миграции и предоставить возможность использовать потенциал Международной организации по миграции для продвижения российских интересов в данной сфере» [11]. Важно отметить, что правительство признает лидирующую роль МОМ в глобальном управлении и именно это свойство представляет наибольший интерес.

Кроме того, на смену вектора российской политики повлияла деятельность других государственных акторов. Важной вехой можно назвать период подписания двух Глобальных договоров о беженцах и мигрантах от 2018 года. При составлении договора возникла группа стран, отказавшихся от его подписания еще на ранних этапах: США, Венгрия, Израиль, Польша и др., которые аргументировали свою позицию несоответствием положений договора национальной политики. Российская Федерация, хоть и не поддержала решение о наделении соглашения обязательной силой, была в числе подписавших [12]. Это событие продемонстрировало изоляционистскую позицию США, что, вероятно, поспособствовало

большему включению России в международные переговоры по миграции. Также знаковым стало вступление Китая в ряды МОМ, произошедшее в 2016 году, что по мнению исследователей побудило Российскую Федерацию занять более активную позицию на международной арене [13].

Таким образом, МОМ по большей части выступает для Российской Федерации как инструмент влияния на локальном и глобальном уровне. Обширный функционал, предоставляемый агентством, используется Россией не столько для внутренних, сколько для внешних целей. Через предоставляемые диалоговые форматы она стремится наладить связь преимущественно со странами СНГ и Восточной Европы, то есть государствами происхождения мигрирующего в Российскую Федерацию населения. Однако наиболее перспективы наблюдаются в поле формирования мировой миграционной повестки. МОМ ставит эту задачу в приоритет и, учитывая происходящие геополитические изменения, Российская Федерация намеревается строить внешнеполитический курс в вопросе миграции, учитывая значимую роль агентства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bradley M. Colonial continuities and colonial unknowing in international migration management: the International Organization for Migration reconsidered // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2023. Vol. 49. № 1. P. 22-42. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2127407> (дата обращения: 02.08.2023).
2. International organization for migration. Strategic Vision: Setting a Course for IOM // IOM [сайт]. URL: <https://publications.iom.int/books/strategic-vision-setting-course-iom> (дата обращения: 04.08.2023).
3. Pécoud A. What do we know about the International Organization for Migration? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Vol. 44. № 10. P. 1621-1638. URL: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1354028> (дата обращения: 08.08.2023).
4. Mainstreaming environmental and climate considerations into migrants' reintegration programming // UN Network on Migration: [сайт]. 2022. 8 февраля. URL: <https://migrationnetwork.un.org/practice/mainstreaming-environmental-and-climate-considerations-migrants-reintegration-programming> (дата обращения: 10.08.2023).
5. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции: Резолюция ООН A/RES/73/195: от 19.12.2018 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека: [сайт]. URL: <https://www.ohchr.org/ru/migration/global-compact-safe-orderly-and-regular-migration-gcm> (дата обращения: 28.07.2022).
6. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2023 года // МВД РФ: [сайт]. 2023. 18 июля. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/40034115/> (дата обращения: 05.08.2023).
7. Путин: мигранты в РФ должны соблюдать правила и уважать традиции регионов, куда они прибывают // Интерфакс [сайт]. 2023. 19 мая. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-migranty-v-rf-dolzny-soblyudat-pravila-i-uvazhat-tradicii-regionov-kuda-oni-pribyvayut> (дата обращения: 10.08.2023).
8. В ФСБ рассказали, сколько мигрантов приехало в Россию в 2020 году // Sputnik: [сайт]. 2021. 16 февраля. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210216/fsb-migranty-russia-2020-1032837974.html> (дата обращения: 05.08.2023).
9. Управление миграцией // МОМ. Российская Федерация: [сайт]. URL: <https://russia.iom.int/ru/upravlenie-migraciey> (дата обращения: 03.08.2023).

10. Россия и страны Центральной Азии готовят соглашения о миграции // Комерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862684> (дата обращения: 09.08.2023).

11. Проект принятия устава Международной организации по миграции внесли в ГД // News.ru [сайт]. 2021. 9 февраля. URL: <https://news.ru/society/proekt-prinyatiya-ustava-mezhdunarodnoj-organizacii-po-migracii-vnesli-v-gd/> (дата обращения: 07.08.2023).

12. Зачем нужны Договоры ООН о беженцах и миграции и чем они различаются // TASS: [сайт]. 2018. 27 декабря. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5955074> (дата обращения: 18.10.2022).

13. Geiger M., Kokoeva N., Zhang Yadi. The International Organization for Migration (IOM): “Competent Structure” and “Inevitable Choice” for Russia and China to Affect Global Migration Governance? // Journal of International Analytics. 2022. Vol. 13. № 1. P. 48-65. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48157148_70394265.pdf (дата обращения: 04.08.2023).

Дубов К.М.

ЦЕНТРИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ: КОНЦЕПТ И СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ

Статья посвящена рассмотрению феномена политического центризма в качестве идеологии. Определяется степень самостоятельности идеологического статуса центризма. Предпринимается попытка выделения сущностных признаков идеологии центризма относительно иных позиций политического спектра.

Ключевые слова: центризм, идеология, политический спектр, левые и правые, политический компас.

Dubov K.M.

CENTRISM AS AN IDEOLOGY: CONCEPT AND ESSENTIAL FEATURES

The article is devoted to the consideration of the phenomenon of political centrism as an ideology. The degree of independence of the ideological status of centrism is determined. An attempt is made to identify the essential features of the ideology of centrism in relation to other positions of the political spectrum.

Key-words: centrism, ideology, political spectrum, left and right, political compass.

Центризм на сегодня является доминирующим направлением в политике различных стран. Есть основания говорить о нём как о главной парадигме большинства демократий мира. Вписывается в общемировой тренд и Россия. Всё чаще специалисты, описывая российский политикум, прибегают к определению центризма как одного из самых распространённых идеологических явления современности. В то же время вообразить актуальный общественно-политический дискурс без данного термина совершенно не представляется возможным.

Вместе с тем вопрос об определении идеологического наполнения центризма является довольно сложным и дискуссионным. С одной стороны, ряд политических деятелей XIX-XX вв. настаивал на том, что центризм – это полноценная идеология, содержащая в себе вполне определённые принципы и ценности, чёткое виденье модели развития общества. Однако примечательно, что сторонники данной позиции представляли совершенно разные политические силы – от социал-демократии до либерал-консерватизма. Естественно аксиологическое ядро их партийных программ

часто существенно различалось. К слову, сегодня ситуация кардинально не изменилась.

В этой связи большинство исследователей сходятся в том, что определение центризма в качестве отдельной самостоятельной идеологии невозможно. Политический центризм – это эклектическое усреднённое соединение различных идеологических позиций, находящихся на крайних флангах политического спектра. Важно также и то, что в разные периоды времени в разных странах политическое поле заполнено совершенно разными идеологическими течениями. И центр в каждом из случаев определяется в соответствии с актуальными крайними флангами.

Так содержание идеологии центризма прямым образом зависит от конфигурации политических сил в данный период времени. Данной позиции придерживается А.Л. Андреев. Он обращает внимание на то, что содержание и характер центризма полностью определяются качественным состоянием системы и заданными в ней правилами игры. В какой-то момент центром будут являться умеренные буржуазные республиканцы, потом, допустим, социал-демократы, а затем – зеленые, и т.д. [1, с. 58]

В свою очередь исходя из мозаичного состояния программ центристских партий М. Дюверже отвергал возможность существования центристской идеологии как таковой: «В политике не существует центра: в ней можно иметь партию центра, но не течение центра или доктрину центра... Всякий центр внутренне, в самом себе противоречив, он всегда остается разделенным на две половины: левый центр и правый центр. Ибо центр есть не что иное, как искусственное объединение части правой - с левой и части левой - с правой... Известная мечта центра - достичь синтеза противоречивых устремлений, но ведь такой синтез возможен лишь в сознании» [2, с. 276].

Однако же, если распространять данный подход и на другие идеологии, то мы можем, к своему удивлению, изобличить идеологический статус и левых, и правых. Ведь как известно, и левые идеологии, и правые в различные исторические моменты содержали различное идейно-программное наполнение. В зависимости от актуальной политической ситуации они занимали ту или иную позицию на политической оси. Поэтому применять описанный подход стоит с большой долей осторожности.

Иначе понять сущность идеологий помогает их интерпретация с точки зрения морфологического анализа, практикуемого М. Фриденом. Согласно ему, идеология понимается как совокупность концептов, которые в зависимости от конкретной идеологии могут занимать в них позиции от ядерных до периферийных и могут совпадать в различных (смежных или довольно отдалённых) идеологиях. Описывая содержание политической идеологии, Фриден заключает следующее: «Идеологии представляют собой конфигурации политических понятий, таких как свобода, демократия, справедливость и государственность, в которых частные интерпретации каждого составляющего понятия были выбраны из неопределенного

диапазона значений, которые они могут означать... Политические концепты спорны из-за выражаемых ими ценностных суждений» [3, с 749].

Определяя идеологию через её концепты, а именно через её отношение к тем или иным универсальным понятиям, мы можем провести более однозначную линию между левыми и правыми, что послужит основой для определения идеологического содержания центризма.

Позиции идеологий различаются по конфликтным областям, которых существует великое множество. Условно каждую из них можно представить в виде оси, по краям которой располагаются противоположные ценности. С.М.Липсет и С. Роқан выделяли четыре значимых социальных раскола: 1) единое централизованное государство – сопротивление этнических, лингвистических, религиозных обществ в провинциях и перифериях; 2) мобилизующееся национальное государство – исторически обусловленные привилегии церкви; 3) земельные интересы – интересы промышленных предпринимателей; 4) владельцы и наниматели – наемные рабочие и трудящиеся [4, с 14]. Однако на сегодняшний день, во-первых, данные четыре оси не исчерпывают всего многообразия конфликтных сфер, во-вторых, значимость какой-либо из них может быть не столь однозначна. В свою очередь Д. Стоукс замечал, что в целях наглядного отображения позиций идеологий допустимо выделение одной наиболее существенной оси: «Политический конфликт может быть сфокусирован на единственной, устойчивой спорной области, которая обеспечивает упорядоченное измерение... Этот случай можно назвать сильным идеологическим фокусом» [5, с 376].

Итак, для построения политического спектра мы нуждаемся в выделении минимального количества осей, которые будут способны нам обеспечить достаточную репрезентативность и при этом удобство работы с моделью в прикладном плане. Стоит сказать, что в научном сообществе на этот счёт нет единого мнения. Различные как отечественные, так и зарубежные исследователи прибегают к совершенно разным моделям политического спектра в зависимости от непосредственных целей и задач исследования.

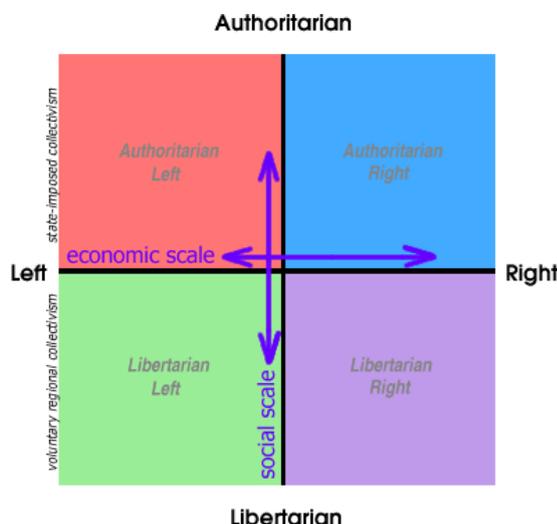

Рисунок 1. Политический компас, разработанный Pace News Limited

По нашему мнению, достаточно адекватно отражает соотношение идеологий модель политического компаса, разработанная организацией Race News Limited (рис. 1). Данная модель основана на работах В. Райха, Г. Айзенка, Т. Адорно и предполагает выделение двух основных измерений – экономического и социального. На экономической оси происходит разделение идеологий на левые и правые в зависимости от их позиций касательно управления экономикой: левый фланг определяется как стремлением к управлению экономикой кооперативной коллективной властью (государство или коммуны), тогда как правый фланг определяется стремлением к обеспечению в экономике свободной конкуренции индивидов и организаций. Социальная ось разделяет идеологии на авторитарные и либертарные по допустимым объёмам личной свободы: либертарные идеологии верят в необходимость максимального увеличения личных свобод, а авторитарные убеждены в том, что политическая власть должна быть абсолютной [6].

Рисунок 2. Группы идеологий на политическом компасе

На основе данного размежевания мы получаем четыре квадранта или четыре группы идеологий (рис. 2). Проще всего охарактеризовать каждую из групп через идеальные типы, то есть через классического представителя данной группы. Заметим, однако, что черты, присущие идеальному типу, могут не в полной мере распространяться на остальные идеологии, входящие в данную группу, а лишь служат определённым ориентиром, от которого возможны отступления в любом из направлений. Итак:

1. Авторитарно-левые – максимальная государственная власть в социальном отношении и полный государственный контроль за экономикой (например, социализм).
2. Авторитарно-правые – максимальная государственная власть в социальном отношении и частно-рыночный характер экономики (фашизм).
3. Либертарно-правые – максимальное увеличение личных свобод и частно-рыночный характер экономики (либерализм).
4. Либертарно-левые – максимальное увеличение личных свобод и полный коммунальный контроль за экономикой (анархизм).

Исходя из представленной визуальной схемы, в центральной области между четырьмя квадрантами располагаются центристские идеологии. Теперь даже не имея перед собой программ тех или иных центристских партий мы в состоянии при помощи данной модели описать идеологическое наполнение центризма, отталкиваясь от содержания крайних идеологий.

Идеология центризма в отношении экономики предполагает реализацию смешанной политики, допускающей умеренное вмешательство в экономические процессы. Выбирая между альтернативами командно-плановой и рыночной экономик, центризм синтезирует их, порождая, например, концепт плановой экономики с отдельными свободными рынками или концепт рыночной экономики с большой долей государственного регулирования. То же касается и состояния собственности на средства производства – сочетание государственного и частного секторов экономик.

По вопросам социальной сферы центризм также стоит перед двумя противоположностями: могущественная авторитарная государственная власть, стремящаяся ко всеобъемлющему контролю за жизнями граждан – с одной стороны, и широкая свобода личности, реализуемая при минимальном государстве или анархии – с другой. Позиция центризма заключается в обязательной необходимости государства для поддержания общественного порядка. Гарантии предоставляемых широких прав и свобод частично ограничиваются тем, что государство оставляет за собой право регулировать отдельные аспекты жизни граждан. В режимном плане центристская идеология однозначно придерживается демократического устройства.

Крайне важным в центристской идеологии является и технический аспект. Парадигмы радикальных идеологий, взятых нами в качестве идеальных типов, носят ярко выраженный революционный характер, предполагая существенные трансформации общественной жизни, резкий переход к новому порядку. Центризму же свойственен реформизм, то есть постепенная реализация необходимых нововведений.

Вышеперечисленные свойства центризма позволяют нам судить о нём как о прагматической идеологии. В то время как упоминаемые идеологии руководствуются собственными представлениями об идеале и соотносят с ними свои средства, центризм лишён данного идеализма. Он опирается в первую очередь на практику, на то, что адекватно актуальной действительности. Центризм сопоставляет методы с успешностью результата, достигаемого с помощью них. Различные же ценности каждой отдельной разновидности центризма не являются догматическими предписаниями. Отступление от них и их трансформация являются нормой. К слову, в целом генезис центризма во многом обусловлен как раз процессами дедогматизации.

Выведенные нами таким образом составляющие центристской идеологии являются в известной мере широкими. Однако при учёте того, что центризм не может быть признан единой идеологией, данные составляющие служат в первую очередь базовыми характеристиками, на основе которых возможно отнесение идеологий к группе центристских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев А. Л. Центризм вообще и центризм по-русски (к анализу национальных контекстов центризма) // Политический центризм в России. 1999. С. 54-58.
2. Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л. А. Зиминой. М. : Академический проект, 2002. 560 с.
3. Freedен M. Is Nationalism a Distinct Ideology? // Political Studies. 1998. Vol. 46, Iss. 4. P. 748-765.
4. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. 1967. P. 1-64.
5. Stokes D. E. Spatial Models of Party Competition // American Political Science Review. 1966. Vol. 57(2). P. 368-377.
6. About the Political Compass [Electronic resource] // The Political Compass : [site]. URL: <https://www.politicalcompass.org/analysis2> (date of access: 31.05.2022).

Жалмаганбетова С.Т.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В данной статье рассмотрено влияние санкций со стороны западных стран на экономику Российской Федерации и её адаптация к новым реалиям. Определены основные пути решения, дана оценка эффективности принятых мер. Рассмотрено создание новых внутренних рынков и борьба за новые внешние рынки.

Ключевые слова: экспорт, санкции, экономическая безопасность, внутренний рынок, внешние рынки, энергоресурсы, импортозамещение.

Jalmaganbetova S.T.

MODERN ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE CONDITIONS OF SANCTIONS

this article examines the impact of sanctions from Western countries on the economy of the Russian Federation and its adaptation to new realities. The main solutions are determined, and the effectiveness of the measures taken is assessed. The creation of new internal markets and the struggle for new external markets are considered.

Key-words: export, sanctions, economic security, domestic market, foreign markets, energy resources, import substitution.

С древнейших времен международные санкции считались инструментом воздействия на государство. В истории России с первыми санкциями столкнулся еще в 12-м веке древний Новгород. Тверской князь Михаил устраивал Новгороду хлебные блокады (т.е., говоря современным языком – эмбарго на поставку зерна) в надежде присоединить его к своим землям.

Нынешние санкции против Российской Федерации своими масштабами превысили все мыслимые и немыслимые рекорды за всю историю санкций. Началом масштабных санкций послужило воссоединение Крыма с Россией и события на востоке Украины.

До этого рекордсменом по числу санкций являлся Иран, который за последние 10 лет столкнулся с невероятным прессингом со стороны западных стран из-за своей ядерной программы [1].

В течении последних девяти лет, с усугублением политической обстановки ужесточались и санкционные условия. Антироссийские санкции

затронули такие сферы как социальная, военная, политическая, транспортная и др. Лишь за последний год против РФ было введено 10 пакетов санкций.

Некоторые из них оказались весьма чувствительными для ведущих сфер экономики страны.

Однако государство делает всё возможное, чтобы минимизировать негативные последствия антироссийских санкций на разные отрасли экономики. Это, в первую очередь переориентация рынков сбыта. То есть, меняются логистика, переориентация торговых потоков. Также, уход многих западных компаний с российского рынка дал толчок развитию собственного производства.

В настоящее время идет работа на переориентацию поставок нефти и нефтепродуктов в страны Азии, Африки и Латинской Америки. Так, по отчетам Минэнерго РФ, поставки российской нефти в Индию в 2022 году выросли в 22 раза. Кстати, Россия впервые в истории вошла в пятерку крупнейших торговых партнеров Индии, в 2022 году товарооборот между двумя странами достиг 38,4 миллиарда долларов США [2]. Выросли поставки нефтепродуктов и в Китай. В 2022 году Россия поставила на китайский рынок 67 миллионов тонн нефти, что составило треть от всего ее экспорта. Также главы России и Китая в ходе официальной встречи Си Цзиньпина в Москву договорились довести товарооборот между РФ и КНР до 200 миллиардов долларов США в год до 2024 года.

Что касается отраслей производства, то в 2022 году самый большой спад был зафиксирован в автомобильной отрасли. После ухода из России западных автомобильных брендов часть предприятий ожидают запуска сборки иных автомобильных марок. Однако для некоторых предприятий западные санкции стали просто «настоящим подарком». В частности, у компании «КАМАЗ» почти не осталось конкурентов на фоне ухода из страны зарубежных производителей. И «КАМАЗ» воспользовался своим шансом: по итогам 2022 года прибыль выросла до 267 миллиарда рублей (+7%) [3].

Также, после ухода из России компании Renault, решено было возродить марку автомобилей «Москвич». Сборочное производство разместилось на территории бывшего завода французской марки в Москве. И место, кстати, историческое, потому что ранее здесь же находился завод АЗЛК, делавший советские «Москвичи». В 2023 году компания планирует выпустить 40 тысяч бензиновых машин и 10 тысяч электромобилей. А к 2025 году намерены выпускать 125 тысяч «Москвичей» обоих типов. В течение ближайших лет произойдет увеличение локализации, переход к сборке в режиме полного цикла и разработка собственной платформы.

Также на базе петербургского завода, выпускавшего автомобили Nissan, теперь будут производить автомобили «Лада».

Зарубежные компании вынуждены сокращать присутствие в РФ под давлением политики. Автомобильная отрасль – не единственная, где меняются владельцы. Так, ушли с российского рынка компании «ИКЕЯ», «Мак Дональдс», «Heinz», многие европейский бренды одежды и обуви, продав свой бизнес российским инвесторам [4]. Даже представители

фармацевтической индустрии, которая не попала под санкции, вынуждены покидать российский рынок из-за оказываемого на них давления извне. Так, японский фармпроизводитель Takeda рассматривает варианты продажи своего российского завода, куда было вложено более 117 миллионов евро. На площадке выпускается препарат для пациентов с множественной миеломой, гос. закупки которого за последние три года удвоились. Эксперты предупреждают, что это может привести к вымыванию с локального рынка в том числе и инновационных препаратов.

Последствия санкций дают знать о себе и в финансовой сфере. Так, в 2022 году Россия заняла 50-е место в мире по уровню инфляции с годовым показателем в 10,99%. Также заметны тенденции к ослаблению рубля. В значительной мере это связано со снижением экспорта и падением цен на нефть. Также, по прогнозам экспертов Международного валютного фонда, госдолг России в 2023 году вырастет до 24,9% ВВП, однако к 2028 году он сократится до 21,5%. Кроме того, Всемирный банк резко улучшил прогноз по ВВП России в 2023 году: вместо падения на 3,3%, как в январе, он теперь ожидает снижения лишь на 0,2%. Среднесрочные перспективы роста российской экономики ограничены из-за частично перекрытого доступа страны к ресурсам и технологиям, повышающим производительность [5].

Таким образом, ситуацию, сложившуюся в российской экономике, можно считать уникальной. По негативным оценкам экспертов, в прошлом году прогнозировалось сокращение российского ВВП на 15%, но фактическое сжатие составило 2,1%. Это объясняется тем, что влияние антироссийских санкций оказалось всё-таки ограниченным, в первую очередь из-за сохранения экспорта энергоресурсов, накопленных резервов и высокого профицита внешней торговли, которая сместилась теперь в сторону азиатских стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адгамова, Л. Р. Перспективы экономики РФ в условиях санкций и антисанкций / Л. Р. Адгамова // Экономика и социум. – 2015. – № 1-2(14). – С. 100-103. – EDN UDVRNB.
2. Назаренко, Е. И. Пути получения прибыли экономикой РФ в условиях санкций / Е. И. Назаренко // Основные тенденции развития экономики и управления в современной России : материалы XI Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых, посвященной 100-летию Карачаево-Черкесской Республики, Карачаевск, 21–22 октября 2022 года. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2022. – С. 30-32. – EDN KXLVDQ.
3. Ракова, Р. К. Экономика РФ в условиях санкций / Р. К. Ракова // ИННОВАЦИОННЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКТИКА: сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 2 частях, Пенза, 10 января 2018 года. Том Часть 2. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. – С. 26-28. – EDN YQKEOS.
4. Яичникова, С. В. Особенности государственного регулирования экономики в условиях санкций РФ / С. В. Яичникова, В. А. Крайникова // Наука и молодёжь: новые идеи и решения : Материалы XVI Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Волгоград, 24–25 марта 2022 года. Том Часть III. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2023. – С. 247-249. – EDN TYKWJA.

5. Геря, С. А. Оценка развития экономики России в современных условиях / С. А. Геря // ИНСТРУМЕНТЫ и МЕХАНИЗМЫ СОВРЕМЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Саратов, 27 июня 2022 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "ОМЕГА САЙНС", 2022. – С. 94-100. – EDN JCETLC.

Закутняя В.В., Анастасов А. И.

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются различные аспекты социального измерения политики, связанные с метрической системой. Уделяется внимание процессу становления метрической системы мер и её влияние на экономические, социальные и политические процессы. Затрагивается волнующая тема — отсутствие стандартов и внесение изменения в статью 10 закона РФ «О защите прав потребителей».

Ключевые слова: избиратели, метрическая система, потребитель, производитель.

Zakutnaya V.V., Anastasov A, I.

THE SOCIAL DIMENSION OF POLITICS

The article deals with various aspects of the social dimension of politics related to the metric system. Attention is paid to the process of formation of the metric system of measures and its impact on economic, social and political processes. The article touches upon the issue of lack of standards and amendments to Article 10 of the Law of the Russian Federation «On Protection of Consumer Rights».

Key-words: voters, metric system, consumer, producer.

Специфика политических отношений в любом обществе характеризуется её всеобъемлющим характером, вне всяких характеристик отдельного члена общества или большой социальной группы. Социальные нагрузки на члена общества или группы всегда трансформируются в политические требования. Так как политический интерес всегда имеет свою основу в социально-экономической составляющей. Можно взять, к примеру, количество получателей бесплатной еды в США или в Британии. Влияет ли это на внутреннюю политику англосаксов? Безусловно, да.

Что нужно сделать в РФ, чтобы реальные жители, а они и есть массовый электорат, почувствовали участие государства в их повседневной жизни? Надо сделать понятную всем систему формирования цен на основные потребительские товары. Это сложно? Было лет 50 назад. Сейчас нет таких проблем. Раздуть рет капсулу, стоимостью 8 центов под бутылку в 1 – 1,5 литра, или полиэтилен для молока в 0,9 мл на 1 литр, это практически на себестоимость конечного товара имеет минимальное влияние.

Отсюда системы мер и весов, применяемые в обществе, на первый взгляд могут показаться лишь техническими деталями, не оказывающими существенного влияния на повседневную жизнь. Однако глубже проникая в структуру социально-политических отношений, можно увидеть, что существующая система мер и весов (госстандарт) имеет колоссальное значение. В частности, переход от

одной системы стандартов, к другой — это сложный социальный, экономический и политический процесс, который может оказать влияние на разнообразные аспекты общественной жизни, в первую очередь на потребителя, который является непосредственным избирателем.

История перехода России на метрическую систему мер динамична. Первые более серьёзные шаги для перехода в метрическую систему были предприняты во второй половине XIX – начале XX века, а связано это было с возрастанием интереса государственной власти к торговой деятельности. С целью постепенного внедрения современных стандартов во всех сферах торгово-промышленной деятельности, Министерство финансов обратило внимание на полное отсутствие точных измерительных приборов в сфере торговли [1]. В результате чего осуществлялся контроль со стороны государства за применением измерительных инструментов в торговле и промышленности.

Несмотря на то, что Россией была подписана в 1875 году метрическая конвенция, процесс внедрения данной системы занял не один год. Одной из знаковых дат считается 4 июля 1899 года, когда в России был принят закон, который позволил использовать метрическую систему «наравне с основными российскими мерами». После чего Государственный совет России принял «Положение о мерах и весах» (в основном разработанное Д.И. Менделеевым), которым предусматривалась реформа российских мер и весов. Вместо измерения по сажням вводился аршин (0,7112 м), и допускалось использование метра. В качестве стандарта массы принимался фунт, связанный с международным килограммом. Кроме того, в систему вводилась новая единица времени – секунда и ее кратные. Это позволило установить три ключевых измерительных единицы, которые были сопоставимы с международными стандартами.

Следующей и одной из ключевых стала метрическая реформа, которая началась с принятием декрета СНК РСФСР «О введении международной метрической системы мер и весов» от 14 сентября 1918 года и постановлением СНК СССР от 21 июля 1925 года. Перейти на метрическую систему было не так просто, в планах государства было осуществить переход в два этапа, но сразу стало понятно, что население сможет усвоить метрическую систему только начав применять её на практике.

В начале процесса внедрения метрической системы появились разнообразные сложности реформы, с которыми столкнулись на местах. Проблемой стали не только технические затруднения, связанные с изготовлением измерительных инструментов, но также наблюдалось пассивное или даже враждебное отношение населения к этим нововведениям. В центральных и периферийных регионах населению был не понятен смысл инноваций, следовательно, отсюда и произрастали негативные настроения жителей, которые необходимо было нивелировать с помощью просветительской работы [2]. Началась кампания по пропаганде метрической системы. В итоге была осуществлена информационная кампания в пользу перехода на метрическую систему, включая проведение лекций, бесед,

чтения докладов и организации публичных мероприятий, посвященных метрической системе. Интенсивное изучение метрической системы поспособствовало успешному внедрению её в основные секторы народного хозяйства к запланированной дате – 1 января 1927 года.

После распада Советского Союза метрическая система сохранилась в России и других странах постсоветского пространства. Сейчас глядя на историю внедрения метрической системы, можно еще раз подчеркнуть, насколько сложный процесс это был и, какое влияние он оказывал на людей, вызывая недовольство и непонимание.

Использование метрической системы позволяет предоставить точные и понятные измерения, что способствует доверию со стороны потребителей. Важно, чтобы упаковки продуктов были стандартизированы и удовлетворяли потребности населения. Метрическая система обеспечивает легкость в сравнении объемов и весов разных продуктов, что упрощает выбор для покупателей и в том числе уменьшает недовольство со стороны общественности. Сейчас на прилавках магазинов мы можем наблюдать, как масса упаковки уменьшается, а цена остается прежней. Уже давно можно встретить, вместо привычного 1 литр – 0,9 или 0,87 л (растительные масла), вместо привычных 200 г – 180 г и 170 г (сливочное масло, жиры). Уменьшение веса при сохранении цены это скрытое повышение цен, которое влечёт недовольство массового потребителя – избирателя, но в массе своей даёт преференции крупнейшим ритейлам, которые под своей маркой выпускают товары вне соответствия метрической системе, официально принятой в РФ.

В октябре 2023 года Государственная Дума рассмотрит в ходе первого чтения законопроект «О внесении изменения в статью 10 закона РФ «О защите прав потребителей». Согласно этому предложению, торговые сети и магазины будут обязаны указывать цену за одну единицу измерения товара — либо за 1 кг, либо за 1 литр. Внедрение такого закона уже можно сказать является первым шагом к профанации метрической системы мер. С вступлением закона в силу, с трудностями столкнутся не только предприниматели, но и простые потребители. Указание цены за одну единицу измерения (например, за 1 кг или 1 литра) может затруднить сравнение цен на товары с другими стандартами измерения, с которыми потребители могут быть более знакомы. Если упаковка товара недопустимо отличается от стандартных размеров (например, 950 мл вместо 1 литра), это может создать путаницу у потребителей и осложнить понимание реальной цены товара. То есть принятие этого закона уже может усложнить поход в магазин обычного пенсионера, массового избирателя, что вызовет его негодование к власти.

По сложившейся ситуации, стоит четко обосновать требования ГОСТа с производителя, а крупные сети зачастую сами производят или заказывают товары под своим брендом, и намеренно уменьшают

объём и массу товара для получения большей выгоды. То есть, необходимо возвращаться к ГОСТу и ужесточать технические условия. Если подобная тенденция продолжится, это может вызвать недовольство населения и повлиять на последующий избирательный процесс, потому что мнение граждан к кандидатам, которые не решают эти проблемы изменится.

Таким образом, мы можем отметить, что многие процессы в нашей жизни взаимосвязаны и влияют друг на друга. Жесткая реализация метрической системы способствовало бы стандартизации и упрощению измерений, облегчило бы всякую корректировку. Если нет, то на заправках будут лить не литр, а баррель или галлон бензина, как в США. Маркетинг придумает молоко или сметану не 15% и не 2,5 жирности, а 13% или 2,4 жирности. Вот тут должны работать стандарты Государства. Если бы частная школа решила урезать часы по истории России или переформатировала формат предмета по своему усмотрению, то результатом бы стало закрытие этой частной школы.

Это часть мнения электората, основанного на официальных социологических исследованиях. Цель публикации состоит в то, что такая специальность как маркетинг, просто должна быть ликвидирована. РФ выходит из глобальной системы, очень осторожно. Отец маркетинга Ф. Котлер в 60-х г. боролся за кошелек потребителя. Но Дж. Траут в конце 90-х обосновал, что Ф. Котлер был прав в свою эпоху. Сейчас борьба идет не за кошелек потребителя, а за его мозги.

Необходимо повысить прозрачность и осведомленность потребителей, что также содействовало бы эффективности в производстве и торговле. Нельзя допустить профанации метрической системы мер. Если не ввести соблюдение ГОСТ, то совсем скоро на заправках бензин придётся покупать как молоко по 0,9 литра, как и яйца по 9 штук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Министерство Финансов 1802-1902 г. Ч. II. СПб., 1902. С. 557.
2. Дианова Е.В. Метрические штудии: ознакомление населения с метрической системой в 1920-е годы // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. №9-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metricheskie-shtudii-oznakomlenie-naseleniya-s-metricheskoj-sistemoy-v-1920-e-gody> (дата обращения: 16.08.2023).

Кабаева Т.В.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. Статья посвящена проблемам экономического развития Российской Федерации в настоящее время, рассматриваются основные направления появления, причинно-следственные связи и их последствия. Среди основных факторов падения экономики России выделены пандемия Covid-19, специальная военная операция и санкционное давление.

Ключевые слова: экономический спад, пандемия Covid-19, сокращение бизнеса, дефицит бюджета, санкционное давление, специальная военная операция.

FEATURES OF RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The article is devoted to the problems of the economic development of the Russian Federation at the present time, the main directions of emergence, causal relationships and their consequences are considered. Among the main factors in the fall of the Russian economy, the Covid-19 pandemic, a special military operation and sanctions pressure are highlighted.

Keywords: economic recession, Covid-19 pandemic, business cuts, budget deficit, sanctions pressure, special military operation.

На сегодняшний день глобализация становится фундаментом развития мировой экономики, которая определяет различные составляющие ее развития. В тоже время осуществляется и развитие различных проблем в сфере экономики.

В настоящее время наша страна находится в сложной ситуации. Состояние напряженности сохраняется как во внутренней, так и во внешней политике страны. Данный период является переломным для многих сфер экономики. Многие ученые, исследователи данного вопроса, отмечают, что некоторые хозяйствующие отрасли находятся в глобальном упадке и кризисе, которого не испытывали на себе за весь период существования[3].

Экономика – это самый сложный механизм, который может меняться с поразительной скоростью, в зависимости от обстановки внутри страны, так и от отношений с другими государствами [1]. Российская экономика переживает сложный эволюционный этап своего развития. Одной из проблем экономики стала сложная эпидемиологическая ситуация в стране. В период пандемии коронавирусной инфекции Covid-19, стартовала первая волна ухудшения экономики. Одной из основных причин стало введение карантина, что привело к значительному сокращению оборота малого и среднего бизнеса. Сокращение сферы бизнеса и предпринимательства имеет негативное влияние на доходную статью федерального консолидированного бюджета, начинается значительное сокращение налогового дохода, что составляет большую часть дохода всего бюджета. Сокращение сферы бизнеса ведет и к росту безработицы, который составил 2% на 2021 год по сравнению с доковидным периодом. Потеря работы и доходов так же незначительно, но сказалась на росте преступности, который составил чуть более 1%. Однако сильно изменилась структура преступного мира. В период с 2020 по 2022 год имеется тенденция к значительному росту преступлений в сфере IT-технологий, данный рост составил 16%. Преступления против личности уменьшились на 4%, а так же преступления связанные с причинением тяжкого вреда здоровью на 7%. Все это также связано со сдерживающими мерами в период Covid-19.

Так же стоит отметить, что было значительное финансирование медицинской сферы и дополнительные выплаты населению, что сильно повлияло на государственный бюджет. Отдельные регионы понесли

колоссальные потери бюджета в 2020 году и до сегодняшнего дня не могут одолеть его дефицит и являются дотационными регионами. По словам Главы Минфина России, Антона Силуанова оценка потерь федерального бюджета из-за пандемии коронавируса составила более чем в триллион рублей. Так же глава Минфина отметил, что есть риски серьезного недопоступления налогов и других нефтегазовых доходов бюджета. Он отметил, что речь идет про объемы свыше триллиона [6]. Данные утверждения говорят о серьезных проблемах данной сферы.

Еще одной проблемой связанной с последствиями бушевавшего на территории России вируса Covid-19, стала усугубление демографической ситуации. Наблюдалась тенденция к значительному росту показателя смертности. Он составил 35,7% (643287 человек). Стоит отметить, что более 40% из умерших были люди трудоспособного возраста, не большой процент составляли лица, не достигшие трудоспособного возраста. В связи с данной ситуацией, мы наблюдаем значительные потери трудового потенциала России.

Не успела российская экономика оклематься от коронавирусной инфекции Covid-19 и его последствий, как страну поглотили пакеты Западных санкций. На сегодняшний день период санкций не дает возможность росту экономики и улучшения общей ситуации. В начале 2022 года на Россию было наложено большое количество пакетов санкций. Данные ограничения не могли не внести свои коррективы в экономику страны. Санкционные пакеты Запада оказали негативное воздействие на основные сферы экономики: финансовую, внешней торговли, транспортную, иностранных инвестиций. Россия столкнулась со значительным количеством трудностей, выстраивание новых логистических путей сбыта и поставок товара, переход многих компаний на новую систему работы, в связи с разрывом связи с иностранными инвесторами, многие компании остались без инвестиций, что привело к банкротству [4]. Государство ведет меры по поддержке бизнеса в период санкций, что приводит к ухудшению состояния бюджета страны. По данным Председателя Правительства РФ, дополнительные траты составили около 8 трлн. рублей. По прогнозу на 2023 год ожидается дефицит бюджета на 2 и более %. К концу 2022 года превышение доходов над расходами составило более чем на 840 млрд рублей [6].

Вместе с санкциями в начале 2022 года было объявлено начало Специальной военной операции. Нестабильная геополитическая ситуация еще более усугубило и так не простую ситуацию экономики страны. После начала Специальной военной операции практически сразу стало понятно, что она становится все более и более ожесточенной и дорогостоящей. Конфликт на Украине так же стал одной из причин разрыва связи России и Европы. Разрушение данного симбиоза так же повлияло на ухудшение экономики страны. По подсчетам Bloomberg, количество контейнеровозов в российских водах сократилось на 60%. Так же Центральный Банк России отметил, что в 2023 году ожидает падения импорта до 37% [7]. Падение импорта и

продолжающая поступать валютная выручка – основные причины укрепления рубля сейчас. В шестой пакет санкций Евросоюза пошли ограничения на российскую нефть. По итогам 2022 года добыча нефти сократилась на 4 – 8%. Потери бюджета от санкций на нефть могут составить в итоге 10 – 15%. В 2022 году, как указано в докладе МВФ, экономика России сократилась на 2,1%. Всё это предопределило ухудшение положения российской экономики [5].

За последние 5 лет рекорды были поставлены не только степени кризиса, но и ключевая ставка с инфляцией бьют рекорды. Инфляция в середине 2022 года составляла 17%. Однако по данным Центрального Банка годовая инфляция в 2022 году составила 11,8–11,9 %. Данные расхождения связаны с изменениями цен, в марте наблюдался значительный скачок цен. Однако ближе к середине года цены были снижены. На 2023 год уровень данного показателя прогнозируют в районе 5–7% [5]. Все это приводит к спаду в экономике и формирует основной список проблем в сфере экономики Российской Федерации.

Таким образом, на сегодняшний день Россия находится в сложной экономической ситуации, ведение СВО, пакеты санкций не позволяют России двигаться вперед и улучшать экономические показатели. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать выводы, что экономика Российской Федерации имеет ряд проблем, касающиеся различных сфер [2]. Органы государственной власти и местного самоуправления должны кардинально подойти к рассмотрению данных вопросов и к поиску выхода из сложившейся ситуации. Необходимо глубокое осмысление данных проблем и в крайней короткие сроки принимать меры по поддержанию экономики. Иначе, экономика может оказаться в плачевном состоянии, а подобные проблемы напрямую ведут к кризису и не только в сфере экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликов Л.М. Экономическая теория: Учебник // Л.М. Куликов. - М.: ТК Велби, Издательство Проспект, 2010.
2. Свиридов Н.Н., Грабова О.Н. Актуальные проблемы экономики современной России: наблюдения и рассуждения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. - 2013. - Т.19. - №5.
3. Тельнова Н.Н., Воробьева Н.В., Овсянникова Е.С. Актуальные проблемы современной экономики и их сущность/ Н.Н Тельнова, Н.В Воробьева, Е. С Овсянникова // Текст научной статьи по специальности «Экономика и бизнес» : [сайт]. – 2023. – 04 апреля . – URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=49348750> (дата обращения: 12.04.2023).
4. eLIBRARY.RU : научная электронная библиотека : сайт. – Москва, 2000. – URL: <https://elibrary.ru> (дата обращения: 12.05.2023). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.
5. Регионы России социально-экономические показатели 2021 / Федеральная служба государственной статистики (Росстат) ; редколлегия: С. М. Окладников, Л. М. Григорьев, Н. В. Зубаревич [и др.]. – Москва, 2021. – 1112 с. – ISSN 1726-2891. – Текст : непосредственный.
6. Расширенная коллегия Министерства Финансов РФ/ Итоговый доклад 2022/ АО «Финпол». Заказ № 308. ;составители: В. В. Колычев, В. Н. Цибанов, Р. Р. Федоров [и др.]. – Москва, 2023. – 215 с. – Текст; непосредственный.

7. Банк России/ годовой отчёт 2022 год: сайт – Москва, 2023– URL:www.cbr.ru (дата обращения: 12.06.2023). – Режим доступа: для всех пользователей. – Текст : электронный.

Крюкова А. С.

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются роль и функции «фабрик мысли» в рамках информационного противостояния России и Западных стран. Анализируются особенности и проблемы российских «фабрик мысли».

Ключевые слова: «фабрики мысли», информационная война, гибридная война, дезинформация, информационное пространство.

Kryukova A. S.

«THINK TANKS» AS AN INFORMATION WARFARE TOOL

The article examines the role and functions of " think tanks " in the framework of the information confrontation between Russia and Western countries. The features and problems of Russian " think tanks " are analyzed.

Keywords: "think tanks", information warfare, hybrid warfare, disinformation, information space.

Актуальность изучения фабрик мысли как инструмента информационной войны обусловлена гибридным характером современного противостояния России и Западных стран, сочетающего в себе как традиционные методы борьбы (в первую очередь, использование военной силы), так и нетрадиционные, заключающиеся в воздействии на противника посредством дестабилизации внутривнутриполитической обстановки при помощи политических и экономических инструментов, проведении масштабных информационных кампаний, направленных на создание негативного имиджа государства и его внешней политики на мировой арене.

Сегодня одним из главных элементов гибридной войны против Российской Федерации во всех сферах жизнедеятельности (политика, дипломатия, экономика и бизнес, энергетика, культура и т.п.) избрано информационное противостояние, основу которого составляют международные медиакоммуникационные возможности: мировые «фабрики мысли», медиа и цифровые платформы, PR-корпорации и рекламные гиганты, институты массовой культуры (шоу- бизнес, мода, киноиндустрия, неправительственные организации (НКО))[1, с.375].

В эпоху неограниченного доступа к информации крайне важными становятся скорость ее отбора, интерпретация и эффективное применение, чему способствуют «фабрики мысли» (англ. thinktanks), представляющие собой экспертно-аналитические институты и центры, основными задачами которых являются исследования, научно обоснованные комментарии, рекомендации и прогнозы, донесение актуальной и взвешенной информации политическим структурам [2, с. 3]. Обладая функцией консультирования представителей федеральной и региональной власти, «фабрики мысли»

могут оказывать влияние на принятие тех или иных политических решений в государстве.

В деятельности «фабрик мысли» можно выделить три основных функции:

- функция политического анализа;
- функция коммуникации (в первую очередь, коммуникация экспертного сообщества и властных структур, поскольку в современном информационном обществе от политических лидеров и государственных институтов требуется высокий уровень информационно-аналитического сопровождения для принятия своевременных и взвешенных решений);
- функция продвижения и принятия решений (осуществляется посредством трансляции информации, обработанной и интерпретированной в соответствии с целями «мозгового центра»).

Стоит отметить, что в рамках современной информационной войны «фабрики мысли» приобрели еще одну, не менее важную функцию – дезинформирование, при осуществлении которой у противника возникает ощущение, что его хотят информировать, а полученные знания могут быть применены к действию и использованы при принятии решений, так как «фабрики мысли» рассматриваются в качестве объективных и авторитетных источников информации по следующим причинам:

1. информационным продуктом мозговых центров являются не просто «сырые» или непроверенные данные или материалы, а научные знания, аналитика, прогнозы, при подготовке которых априори выполняется этап проверки достоверности;

2. авторитетность коллектива. Как правило, кадровый состав мозговых центров состоит из уважаемых экспертов, значимых учёных, авторитетных политиков и военных деятелей[3]. Авторитетность коллектива мозгового центра на подсознательном уровне повышает достоверность полученной информации у объекта воздействия, что более эффективно при продвижении ложных нарративов в целевой аудитории.

3. в отдельных случаях, «фабрики мысли» имеют диверсифицированные источники финансирования, что повышает уровень их беспристрастности.

В качестве примера «фабрики мысли», активно выполняющей функцию дезинформирования в рамках информационного противостояния с РФ, может быть рассмотрен американский «институт изучения войны» миссию которого можно охарактеризовать как продвижение нарративов для достижения стратегических целей США. Именно продвижение нарративов и есть один из ключевых этапов ведения информационной войны – через дезинформирование потенциального или реального противника[3]. При этом к предоставляемым компанией данным, а именно: численность вооружения в зоне конфликта, потери техники и человеческих ресурсов, информация о дислокации и передвижениях конфликтующих сторон активно обращаются российские пользователи.

Об этом свидетельствует количество запросов в поисковых системах Яндекс и Google [4, 5]. Начиная с конца февраля 2022 г. (начало специальной военной операции) количество запросов росло. Отмечается, что пик популярности данных «Института изучения войны» для российских пользователей приходится на сентябрь-октябрь 2022 г., что может быть связано с проведением мобилизационных действий в РФ, присоединением новых территорий и, как следствие, возросшим интересом со стороны россиян к происходящим событиям (см. рис. 1, 2).

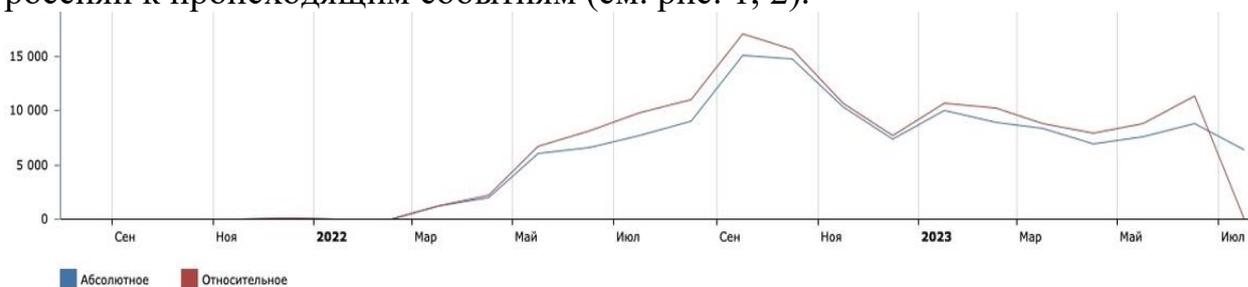

Рисунок 1. Количество запросов «институт изучения войны» в поисковой системе Яндекс

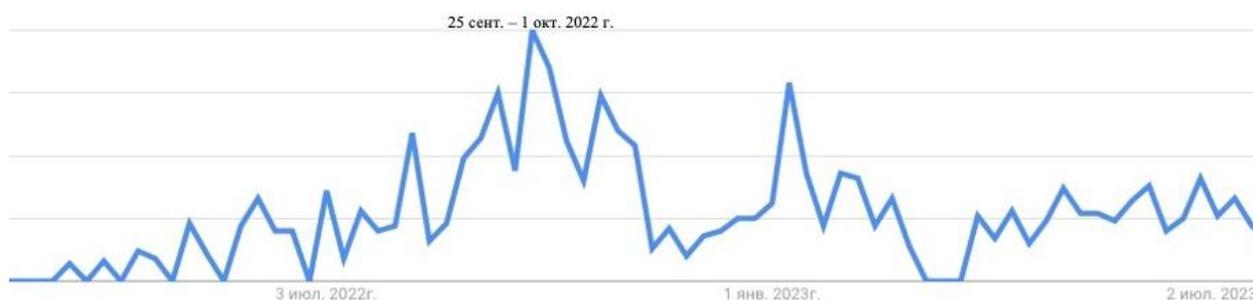

Рисунок 2. Количество запросов «институт изучения войны» в поисковой системе Google

Использование «фабрик мысли» по всему миру при проведении внешней политики все больше становится стратегическим оружием сдерживания, активно применяемым США и блоком НАТО. Так, по состоянию на конец 2021 года, четверть всех существующих «фабрик мысли» были сосредоточено в одном государстве – в США (2203); в Китае – 1413; в Индии – 612; в Великобритании – 515; а в России – 143 [6]. При этом важно отметить, что американские аналитические центры имеют массовое представительство в других странах мира, что в значительной степени повышает уровень их эффективности при сборе, анализе и предоставлении информации; способствует проведению политики «мягкой силы» в странах-присутствия.

В России на протяжении длительного времени одним из самых медийно-известных аналитических центров, занимающих места в региональных и мировых рейтингах, оставался Московский центр Карнеги (подразделение американского Фонда Карнеги за международный мир), прекративший свою работу 8 апреля 2022 года. Популярность Московского центра Карнеги, во многом, была обусловлена активной деятельностью в социальных медиа, социальных сетях по аналогии с американскими аналитическими центрами (ВКонтакте, Facebook, Twitter, YouTube и др.)

Особое место в мировых рейтингах среди российских мозговых центров занимают институты Российской академии наук и вузы, что во многом объясняется историей формирования «мозговых центров» в России. В Советском Союзе в Академии наук и учреждениях высшего образования создавались и активно развивались научно-исследовательские лаборатории, представлявшие социально-значимую информацию партийной элите. Только в 1990-х гг. стали создаваться частные исследовательские и консалтинговые компании, которые могли претендовать на статус фабрик мысли.

В настоящее время эксперты в первую очередь отмечают эффективную работу российских аналитических центров, аффилированных к государству (Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), МГИМО МИД, Совет по внешней и оборонной политике, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Социологический институт РАН и др.) [7, с. 159].

Активная работа по расширению представленности в интернет-пространстве ведется Российским советом по международным делам (РСМД). РСМД представлен во всех социальных сетях и мессенджерах (ВКонтакте – 17, тыс. подписчиков, в Телеграм – 7 тыс., YouTube – 3,6 тыс. подписчиков). Эти показатели являются достаточно высокими для специализированного профессионального контента.

Однако, РСМД на сегодняшний день является одним из немногих мозговых центров, широко представленных онлайн. В целом российские «фабрики мысли» слабо представлены в медийном пространстве и не имеют достаточного количества каналов продвижения, что является проблемой, поскольку сокращает их возможности в информационном противостоянии с зарубежными аналитическими центрами, работающими как на мировую, так и на российскую аудиторию.

Российские «фабрики мысли» не должны становиться популярными каналами массовых коммуникаций и информации, но для эффективного функционирования в рамках информационной войны им необходимо встраиваться в медиaprостранство, занимать свою нишу в нем, с целью уменьшения разрыва между экспертным сообществом и социумом, научного объяснения социально-экономических и политических процессов, опровержения ложных нарративов. Это в совокупности с консолидацией всех своих гибридных возможностей позволит России перейти из состояния информационной обороны в информационное наступление.

В дальнейшем возможны следующие направления исследования:

1. определение возможных направлений развития российских «фабрик мысли» в условиях информационного противостояния и постоянно возникающих вызовов.
2. разработка методологии анализа российских «фабрик мысли» с учетом функциональных трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шиловский С. Гибридная война «DeepState» против России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. С. 375 – 379.
2. Интеллектуальная экспансия. Российские «фабрики мысли»: возможности влияния в международном экспертно-политическом пространстве // Аналитический доклад. 2018. С. 1 – 43.
URL: <https://eistr.ru/upload/iblock/970/9704a83e430bc06a4857223fdd308040.pdf?ysclid=llhmtvtzga76713134> (дата обращения: 14.08.2023).
3. Ромачев Р. В. Роль «фабрик мысли» в системе информационного противоборства США // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 16.08.2023).
4. Яндекс. История поисковых запросов по фразе «институт изучения войны». URL: <https://wordstat.yandex.ru/#!/history?words=институт%20изучения%20войны> (дата обращения: 16.08.2023).
5. Google. История поисковых запросов по фразе «институт изучения войны». URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2022-01-01%202023-08-19&geo=RU&q=институт%20изучения%20войны&hl=ru> (дата обращения: 16.08.2023).
6. Global Go To Think Tank Index Report. URL: <https://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2021/01/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report.pdf> (дата обращения 15.08.2023).
7. Ивченкова М. С. Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестник института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 151 – 164.

Кузнецов В. В.

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 2023 Г.

Цель данной работы состоит в сравнительном анализе Концепции внешней политики России 2023 г. с ее прошлыми версиями. В статье анализируются какие приоритеты и цели она ставит, а также выявляет отличительные и схожие тенденции с прошлыми версиями. Автор приходит к выводу, что большая часть изменений была затронута в IV и V разделах новой концепции, где впервые страны постсоветского пространства и страны мирового большинства ставятся в приоритетное положение.

Ключевые слова: КВП, внешняя политика России, стратегия государства, внешнеполитические приоритеты, международные отношения.

Kuznetsov V.V.

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY 2023

The purpose of this work is a comparative analysis of the Concept of Russia's Foreign Policy in 2023 with its previous versions. The article analyzes what priorities and goals it sets and identifies distinctive and similar trends with past versions. The author concludes that most of the changes were touched upon in sections IV and V of the new concept, where for the first time the countries of the post-Soviet space and the countries of the world majority are put in a priority position.

Key-words: FCP, Russian foreign policy, state strategy, foreign policy priorities, international relations.

Концепция внешней политики в ее широком смысле определяет приоритеты, которые ставят перед собой страны в международных отношениях, и анализирует, как соответствующие государства

воспринимают свою взаимосвязь с миром. Концепция внешней политики России (КВП) имела различные версии: 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. Принятие новой Концепции 2023 г. отвечает не только международной обстановке в которой оказалась Россия, но и ее национальным интересам. Если проводить количественный контент-анализ, и сравнить КВП 2016 г. и обновленную версию, то она показывает, что объем написанного текста увеличился на 8%, если старая версия располагала под 73 тыс. знаков, то новая имеет уже 79 тыс., но при этом упал уровень уникальных словоформ: если в Концепции 2016 г. располагала 2852 словоформами, то уже 2023г. Концепция располагает 2633 [1, с.1]. Из этого можно сделать вывод, что объем текста увеличился, но его словарный запас уменьшился.

Основные приоритеты Российской внешней политики были отражены в IV-м разделе Концепции: формирование справедливого и устойчивого миропорядка, верховенство права в международных отношениях, укрепление международной безопасности, международное экономическое сотрудничество (выше перечисленное было прописаны еще в КВП 2016 г., и практически дословно повторяет ее), охрана окружающей среды (впервые выделяется как отдельный пункт, раньше оно дополняло экономическое сотрудничество), а также обеспечение интересов в мировом океане, космическом и воздушном пространстве (тоже отдельно выделяется, что подразумевает про обеспечение интересов России сразу в трех средах).

Региональное измерение претерпело сильные изменения, так Европа и США находились в сравнении с КВП 2016 г. в самом конце V раздела Концепции 2023 г., рядом с Антарктикой, хотя в прошлой редакции оно стояло вторым по значимости после Ближнего зарубежья [2, с. 1]. Это означает лишь то, что для Российской внешней политики Европа и США в связи с их развязанной санкционной войной, военной поддержкой Украины и игнорированием интересов России утратило первостепенное значение. Но это не означает что для России данные направления полностью забыты, или что Россия считает Западные страны своим врагом, скорее всего это временное явление до окончания конфликта на Украине и выстраивания обратных связей. Что подтверждают слова спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко, которая заявила что: «Мы не считаем Запад нашим исконным врагом» [3, с. 1], а также сам текст Концепции, где ни разу не было написано что Запад это прямо противник, и что от него необходимо изолироваться.

Положение ближнего зарубежья также изменилось в сравнении с предыдущими редакциями КВП, хотя нужно подчеркнуть что именно Ближнее зарубежье всегда стояло самым первым и приоритетным направлением внешней политики РФ, но не всегда было таковым [4, с.1]. Так Концепция 2023 г. не упоминает ни разу ни Грузию, ни Молдавию, ни Приднестровье, а также не пишет об «урегулировании Нагорно-Карабахских конфликта» как это было в КВП 2013 [5, с.] и 2016 гг. Главным здесь обозначается Украинский конфликт, а также оказание

поддержки Абхазии и Южной Осетии. Интеграционные объединения также стоят одним из главных направлений в постсоветском пространстве (кстати данное определение перестало употребляться в обновленной концепции, в отличие от всех тех же КВП 2013 и 2016 гг.) [6, с.], теперь на первое место выводится Союзное государство, хотя раньше всегда было СНГ или ЕАЭС (а это значит и Армения, Казахстан, Киргизия), то есть отношения с Беларусью выводятся на приоритетный уровень.

Если говорить о структуре приоритетных направлений, то Концепция 2023 г. определяет следующие регионы: Ближнее зарубежье, Арктика, Евразийский континент (где особую роль занимает Китай и Индия), АТР (где упор сделан на сотрудничестве со странами АСЕАН), Исламский мир (с упором на Иран, Сирию, КСА, Турцию и Египет), Африка, Латинская Америка, Европа, США и Антарктика. Говоря о африканском и латиноамериканском регионах, то Россия здесь взяла курс на борьбу с неокOLONИализмом, углубленной торговли и содействию в урегулировании конфликтов [7].

Еще одним важным изменением является цивилизационный подход России в КВП, так в Концепции 2023 г., мы провозгласили себя отдельным ядром цивилизационного Русского мира. Хотя редакция от 2013 г. заявляла что мы часть Европейской цивилизации, как и КВП 2016 г. Иными словами Россия впервые определила себя как отдельную цивилизацию. [8]

Подводя итог, хочется отметить, что Концепция 2023 г. уникальна по своему содержанию - провозглашенный поворот на Восток, переориентации экономики и политических связей открывается для России новые возможности для ее развития и существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Токарев А.А. Эволюция доктрины // Известия: сайт. – 2022. – URL: <https://iz.ru/1491776/aleksei-tokarev/evoliuciia-doktriny> (дата обращения: 07.08.2023).
2. Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Текст Указа опубликован на "Официальном интернет-портале правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 1 декабря 2016 г.
3. Матвиенко: Россия не считает Запад исконным врагом, но иллюзий насчет него быть не должно // Информационное агентство ТАСС: сайт. – URL: <https://tass.ru/politika/17984199> (дата обращения: 08.08.2023).
4. Тимофеев Иван. Россия: путь к «мировому большинству» // Международно-дискуссионный клуб Валдай: сайт. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-put-k-mirovomu-bolshinstvu/> (дата обращения: 07.08.2023).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.) // Официальный сайт Администрации Президента РФ: сайт. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).
6. Там же. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 08.08.2023).

7. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. N 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 31 марта 2023 г.

8. Там же. Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

Ткаченко В. В.

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Формирование исторической памяти на основе идентичности и значимых исторических моментах. Актуальность самоидентификации россиян и популяризация политики памяти, связанной с Великой Отечественной войной. Роль учреждений культуры в поддержке и укреплении государственной политики памяти на примере региональной библиотеки.

Ключевые слова: библиотека, память, Великая Отечественная война.

Tkachenko V.V.

THE ROLE OF LIBRARIES IN SHAPING THE POLICY OF REMEMBRANCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Formation of historical memory based on identity and significant historical moments. The relevance of the self-identification of Russians and the popularization of the memory policy associated with the Great Patriotic War. The role of cultural institutions in supporting and strengthening the state policy of memory on the example of a regional library.

Key-words: library, memory, the Great Patriotic War.

Актуализация истории характерна практически для всех народов. Историческая память трактуется и как «коллективная», и как «социальная», и оказывает влияние на политическую сферу жизни общества [1, с. 33]. Российская Федерация является важным субъектом в мировой политики, и на формирование коллективной памяти оказывают влияние внутренние и внешние факторы. Историческая память аккумулирует представления о значимых моментах прошлого страны, ее выдающихся культурных достижениях, национальных героях и трагедиях, помогает понять сущность нации, ее место, роль и задачи в мировой истории.

Официальная политика памяти вырабатывается в условиях, когда необходимо сохранять и приумножать то ценное, что досталось от двух таких эпох, как имперская и советская, к тому же еще и определиться с основными векторами развития в новом тысячелетии. Российский историк А. Миллер отмечает, что 2003–2006 гг. можно определить, как скрытую фазу разработки российской версии исторической политики. [2, с. 333].

Исследователи отмечают, что память играет ключевую роль в формировании и поддержании идентичности групп. Если задаться вопросом о том, какие события, действующие лица прошлого могут быть ресурсом для идентичности, то можно выделить три критерия политического формирования проблемы чрез событиями минувшего. Во-первых, события должны быть узнаваемы, то есть известны массовой публике, причем из разных источников: из школьных уроков истории, фильмов и

литературы, из живого общения с очевидцами. Во-вторых, события прошлого должны представлять историю государства в позитивном свете. Это значит соответствовать определенным культурно закрепленным смысловым схемам, которые имеют позитивную окраску. В-третьих, прошлое, которое служит для конструирования идентичности, не должно интерпретироваться с диаметрально противоположными знаками.

«Переживание истории» является для россиян способом самоидентификации, которая связана главным образом с советским периодом. Одним из регуляторов официальной политики памяти в России являются нормативно-правовые акты, связанные с увековечиванием памяти о Великой Отечественной войне. В 2012 г., объявленном годом российской истории, создается Российское историческое общество (РИО) [3]. Важной задачей является сохранение памяти о героической победе в Великой Отечественной войне. Руководство страны содействует поддержанию памяти о событиях войны. Указом Президента Российской Федерации В. Путина № 1710 от 29 декабря 2012 г. [4] создано Российское военно-историческое общество (РВИО) [5]. Целью создания РВИО является популяризация памяти о Великой Отечественной войне, а также институционализация изучения истории войны 1941–1945 гг. и противодействие попыткам ее искажения. Российское военно-историческое общество характеризуется разветвленной системой филиалов: практически во всех республиках, областях и городах федерального типа есть филиалы общества, которые возглавляют представители региональных органов власти [1, с. 40]. В Конституцию Российской Федерации включены статьи, посвященные памяти защитников Отечества [6]. В марте 2022 г. создан Центр по изучению истории Великой Отечественной войны.

Восприятие прошлого через призму исторической памяти носит ярко выраженный эмоциональный характер, изначально она формировалась в устной фольклорной традиции, а по мере развития технического прогресса, развития форм и средств коммуникации, источниками исторической памяти стали различные формы повествований, монументальная и живописная традиции, памятники, празднование дат, связанных с историческими событиями. Тема истории занимает значимое место самоопределения граждан России.

Важным фактором национальной идентичности является историческая политика, которая реализуется государством путем создания инфраструктуры исторической памяти: формирование символов, написание учебников и пособий для обучающихся поколений. История также формирует оценки, стереотипы, категории, что позволяет выявить некую траекторию дальнейшего поведения человека по отношению к определенным политическим субъектам. В конструировании идентичности важна роль историков-специалистов, хранящих историю, поскольку они способны привлекательно описать «ядро ценностей» общества, осмыслить символы всеобщей гордости и ключевые события прошлого [7, с. 102].

Значительную роль в передаче ценностей и формировании идентичности играет образовательная и культурная среда, так как именно учебные и культурные учреждения закладывают ценностные ориентации будущих граждан путем поддержания традиций, проведения массовых мероприятий и национальных праздников. В 2023 г. при поддержке Президентского фонда культурных инициатив и ГБУ ДПО «Республиканский учебно-методический центр повышения квалификации работников культуры», при содействии Министерства культуры ДНР и РОО «Русский центр» сотрудники учреждений культуры приняли участие в образовательном проекте «Культурные аспекты русской идентичности». Цель проекта – популяризация русской культуры посредством диалога работников сферы культуры, а также восстановление социальных связей по вопросам русской культуры и государственности.

Главным историческим событием, над которыми не властны ни время, ни повседневная суета является День Победы. По всей стране проводятся многочисленные мероприятия, посвященные данному дню. Приняли участие и библиотеки муниципального бюджетного учреждения «Першотравневая районная централизованная библиотечная система» администрации Першотравневого района. Проводя мероприятия, посвященные Великой Победе, библиотекари особо выделяли тему героизма односельчан – участников ВОВ, теме освобождения Донбасса и Першотравневого района. Пользователи библиотек системы приняли активное участие в онлайн акции «Читаем строки о войне», в Ялтинской поселковой библиотеке для детей прошла акция «Пусть девчонки и мальчишки знают о войне по книге», а Першотравневая районная библиотека для детей впервые приняла участие в международной акции «Читаем детям о войне». Библиотеки МБУ «Першотравневая РЦБС» активно приняли участие во Всероссийских акциях «Минута молчания» и «Зажги свечу», акциях «Бессмертный полк», «Стена Памяти», «Свеча памяти», «Стихи и песни победного мая», «Стихи победы», диктант Победы.

Вниманию посетителей были представлены: выставка-память «Память за собою позови», книжная выставка «Страницы книг расскажут о войне», книжная выставка «Подвиг народа бессмертен», книжная выставка-воспоминание «Во имя жизни на земле», выставка-праздник «Солдаты мая, слава вам», книжная выставка «Память огненных лет». На выставках предложены книги по истории Великой Отечественной войны, журнальные публикации, письма и воспоминания участников войны, художественные произведения русских и зарубежных писателей, поэтов-земляков. Особое место, в каждой книжной экспозиции, занимают альбомы ветеранов ВОВ, «Книги памяти», фотоальбомы и письма наших земляков-фронтовиков. Наша цель – не дать исказить факты про Победу в Великой Отечественной войне, развивать познавательный интерес к истории своего района.

Для юных читателей Першотравневого района прошли обзор литературы «Узнай о войне из книг», библиотечный урок «Мы читаем о войне», мастер-класс «Гвоздика из бумаги». В начале июня для детей

пришкольных оздоровительных лагерей сотрудниками Першотравневой районной библиотеки для детей были организованы экскурсии – «Пантеон Славы», монумент «Скорбящая мать», Алея Славы. Экскурсантам рассказали об истории освобождения поселка Мангуш, о героях Великой Отечественной войны. По окончании экскурсии дети написали письмо советскому солдату – «треугольник». Для старшего поколения были организованы музыкальный час «Песня в военной шинели», литературные чтения «Память – погибшим, наследство – живым», книжный эшелон «Книги войны и Победы», поэтическая страница «Во имя жизни на земле». Библиотекари вместе с активными пользователями принимали участие в возложении цветов к памятникам воинов-односельчан погибшим в годы войны, почтили память погибших минутой молчания.

Библиотекари МБУ «Першотравневая РЦБС» проводят мероприятия, которые помогают читателям прикоснуться к подвигу своих дедов и прадедов, познакомиться с книгами о Великой Отечественной войне, о Донбассе и ощутить великую гордость за свой народ, осознать, что они – наследники Славы, которую сохранят и передадут другим поколениям.

Сотрудники и читатели МБУ «Першотравневая РЦБС» принимают активное участие в онлайн встречах, часть из них приурочена событиям Великой Отечественной войны: в преддверии празднования 80-летия освобождения города Курска от немецко-фашистских оккупантов состоялся литературно-патриотический видео мост «Истории немеркнущие строки», организованный ОБУК «Курская областная универсальная научная библиотека имени Н. Н. Асеева», а накануне 80-летия Курской битвы состоялась Межрегиональная онлайн-встреча с Курской областной библиотекой для детей и юношества и Липецкой областной универсальной научной библиотекой «В огне Курской битвы». Такое сотрудничество позволяет учитывать тенденции библиотек Российской Федерации, оценивать свою деятельность, повышать профессиональный уровень, расширять кругозор и улучшать качество предоставляемых библиотечных услуг.

Таким образом, историческая память способствует сохранению национальных культур и единения. Библиотеки, как учреждения-накопители исторической памяти, выступают информационными проводниками между поколениями и остаются достойными хранителями патриотических традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеенко О. А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4.С. 31–46.
2. Историческая политика в 21веке [Текст]: [сборник статей] / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. Москва: Новое литературное обозрение, 2002. 648 с.
3. Российское историческое общество. Официальный сайт // URL: <https://historyrussia.org/?ysclid=1b7rdd15sd840172211> (дата обращения 07.08.2023).

4. Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2012 №1710 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611> (дата обращения 07.08.2023).

5. Российское военно-историческое общество. Официальный сайт // URL: <https://rvio.histrf.ru/?ysclid=lb7s06rd2235842726> (дата обращения 07.08.2023).

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 г. // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения 11.08.2023).

7. Абрадова Е. С. Политика памяти как инструмент сохранения ценностей в процессе формирования новой национальной идентичности // Гуманитарный научный вестник. 2021. №2. С. 100–104. // URL: <http://naukavestnik.ru/> (дата обращения 11.08.2023).

Хараджа Ю. А.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ

В данной статье рассматривается политика идентичности и политика памяти в России и ее регионах. Особое внимание уделяется «новым» регионам, поскольку данная тема малоизучена и требует детального рассмотрения. На протяжении очень долгого времени напряженность в отношениях России с коллективным Западом к сегодняшнему дню вылились в многофакторную конфронтацию, в которой коллективная идентичность россиян, и коллективная память, подвергаются мощнейшей проверке на прочность.

Ключевые слова: политика идентичности; политика памяти; мнемоническая борьба; специальная военная операция; ЛДНР

Kharadzha Yu. A.

IDENTITY POLITICS AND MEMORY POLITICS IN RUSSIA AND ITS REGIONS

This article discusses the politics of identity and the politics of memory in Russia and its regions, I want to pay more attention to new regions, because this topic has not yet been studied and requires detailed consideration. For a very long time, tensions in Russia's relations with the collective West have now escalated into a multifactorial confrontation in which the collective identity of Russians, and collective memory, are subjected to a powerful test of strength.

Key words: identity politics; memory politics; mnemonic struggle; special military operation; LDNR.

События 24 февраля 2022 г. являются историческим и социально-психологическим разделением, потому что российское общество в своём большинстве не было готово к резкому переходу в новое состояние, связанное с началом Специальной военной операции на Украине и опосредованной войной России и коллективного Запада.

Говоря о вопросах идентичности и исторической памяти уже сейчас можно идти дальше общих предположений, что их эволюция неизбежно отразит новый травматический опыт, связанный со специальной военной операцией и ее последствиями. Мы видим существенные сдвиги в исторической политике, внешних условиях и внутренних отношениях борьбы за политическое использование исторического прошлого.

Одновременно разворачивается и более радикальная трансформация памятной культуры. Сюжет борьбы с фашизмом и Великой победы 1945 г. все более интенсивно переплетаются с сюжетом Специальной военной операции на Украине. Ряд боёв СВО происходят в тех же местах, что и во время Великой Отечественной войны. Можно говорить о быстром модернизировании нарративов памяти о военных событиях, по мере того как фактическое состояние войны и его множественные последствия все больше становятся важной составляющей социальной жизни.

Активность политики памяти на федеральном уровне совсем не снизилась после начала специальной военной операции на Украине. Но к ней добавились некоторые дополнительные статусы.

Прежде всего, локальная политика памяти ДНР и ЛНР (еще до их включения в состав РФ) породила определенные коллизии с федеральной политикой памяти. Это было связано с гетерогенностью и многослойностью политико-идеологических и исторических обоснований, выход из состава Украины и формирования государственности этих республик, их ориентации на присоединение к РФ.

Большую степень устойчивости и пригодности для конструирования идентичности новых республик продемонстрировали составляющие отражающие советский опыт и в то же время сближающие ДНР и ЛНР с практиками политики памяти и идентичности в современной России. Почитание памяти деятелей эпохи СССР и героев Великой Отечественной войны, максимально акцентированное противопоставление интернационалистских установок этнонационалистической политике памяти и идентичности на Украине, упор на полиэтничность с одновременным признанием ключевой роли русского языка для сплочения макрополитического сообщества и его позиционирования как части «Русского мира» – вот основные составляющие политики идентичности в ДНР и ЛНР. [1, с.591-609]

Активно формировалась и новая политика памяти, ставящая в свой центр образы невинных жертв («Аллея ангелов» в Донецке) и ветеранов военных действий 2014–2015 гг., рассматриваемых как прямые продолжатели антифашистской борьбы 1941–1945 гг.

Общее направление усилий властей ДНР и ЛНР в части введения новых праздников, памятных дат, прославления героев борьбы с силами постмайданного режима в Киеве и почитания жертв военных действий, подготовки учебников истории было направлено на формирование нарратива и укрепления идентичности, практически несовместимых с нарративами и идентичностью, возобладавшими на Украине после 2014 г. [2, с. 73 - 86].

В свете событий 2022 г. значение Донбасса в российской политике памяти и идентичности существенно возросло. Данный процесс не был связан исключительно с нарастающей геополитической напряженностью вокруг Украины, а также реакцией в России на действия украинских мнемонических акторов, которую уместно рассматривать как пример дилеммы мнемонической безопасности [3, с. 119 - 121].

После начала СВО почти все акты символической политики, монументальной пропаганды и политики памяти на территориях, включенных в состав РФ по итогам референдумов 23–27 сентября 2022 г., получали общероссийский резонанс. В частности, особое внимание привлекли усилия новых местных властей, направленные на то, чтобы обратить вспять постмайданный «ленинопад» [4, с.121 -125].

В считанные недели после прихода российских войск памятники В.И. Ленину были восстановлены в Геническом, Мелитополе, Новой Каховке, Володарском, а решения об отмене переименований населенных пунктов, улиц и площадей, произведенных после 2014 г., подняли волну топонимической ресоветизации. Насколько можно судить, оперативность восстановления памятников была связана с тем, что скульптуры не были уничтожены, нанесенный им ущерб не был критическим и они складировались в известных новым властям местах.

Более стратегически значимыми можно считать решения о демонтаже памятников, отражающих украинскую националистическую мифологию. Отметим несколько акций по искоренению такого рода мемориального наследия:

– демонтаж памятника жертвам Голодомора и политических репрессий в Мариуполе (был установлен еще в 2004 г.);

– снос памятника «воинам-освободителям» ВСУ в форме герба Украины (сооружен в 2020 г.) в Мариуполе и установка на его месте памятника Александру Невскому (13 октября 2022 г.);

– демонтаж памятника «Небесной сотне» в Херсоне (флагшток, установленный на постаменте памятника В.И. Ленину, уничтоженного в 2014 г.);

– снос памятника украинским пограничникам в Херсоне.

В целом действия в сферах символической политики и политики памяти после начала СВО явно далеки от системной стройности, но тем не менее они выявляют определенные тенденции. Прежде всего это решительное отрицание украинской политики памяти и символической политики постмайданного периода, фактический возврат к позиции непризнания их легитимности (даже вопреки признанию Москвой выборов президента Украины в мае 2014 г. и результатов всех последующих электоральных процедур в этой стране). Восстановление советских топонимов и нескольких объектов монументальной ленинианы – это, в первую очередь, реакция на «ленинопад» как символический разрыв с Россией и советским прошлым. Лишь в меньшей степени такая внешняя ресоветизация была обращением к тем группам местного населения, которые ностальгируют по стабильности и относительному благополучию позднесоветской эпохи. В то же время восстановление памятников Ленину не стало и не могло стать действием, направленным на сплочение всех сторонников СВО, в числе которых немало тех, кто критически относится к вождю большевистской революции и не связывает образ желаемого будущего России с советским опытом. [5, с. 366-374].

Осенью 2022 г. были предприняты шаги, направленные на интеграцию новых территорий и их крупных городов в единую ткань общефедеральной политики памяти. Показательным стало присвоение президентом РФ 15 ноября 2022 г. Мариуполю и Мелитополю почетных званий «Город воинской славы» со стандартной формулировкой «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». Хотя большинство городов воинской славы сыграли значимую роль в ходе сражений Великой Отечественной войны, такая формулировка дает возможность почтить ратный подвиг защитников Отечества всех времен, а в случае с Мариуполем и Мелитополем – подчеркнуть преемственность среди советских борцов с нацизмом и участников СВО.

Жители ЛДНР обладают коллективным опытом, которого на данный момент не имеют большинство граждан России. Если же к ним добавить сотни тысяч россиян, проходящих сейчас через горнило СВО, то, очевидно, мы становимся свидетелями формирования общности людей, активные представители которой будут претендовать на свою, выстраданную трактовку прошлого и будущего России и на возможность транслировать эти представления в социальную и политическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкина Е.А. Идеология «Новороссии» в контексте исторической политики самопровозглашенных республик Донбасса // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. – С. 591–609.

2. Внукова Л.Б., Власкина Т.Ю. Самоидентификация жителей Донбасса в контексте социально-политических воззрений: социально-лингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 73–86.

3. Ефременко Д.В. Память как *casus belli* // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 6. С. 119–121.

4. Соловьев С.М. Символическая ресоветизация и низовой патриотизм // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 5. С. 121–125

5. Хлевнюк Д.О. Памяти о репрессиях в российских регионах: четыре тенденции // Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. С. 366–374.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакова Элина Борисовна, канд. соц. наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (г. Санкт-Петербург).

Авджу Хавва, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Аксенов Игорь Владимирович, депутат Законодательного Собрания Свердловской области (г. Екатеринбург).

Алиев Джомарт Фазылович, канд. эконом. наук, заведующий кафедрой «Методов и технологий современной пропаганды и контрпропаганды», первый проректор, Российский государственный социальный университет (г. Москва).

Анастасов Александр Иванович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Арутюнов Антон Георгиевич, член Совета по региональному развитию РАПН.

Афониная Александра Артуровна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).

Багликова Марина Сергеевна, канд. ист. наук, доц., доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Балко Марина Владимировна, д-р филол. наук, доц., заведующий кафедрой краеведения, Донецкая академия управления и государственной службы (г. Донецк).

Баранов Андрей Владимирович, д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф., профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург).

Барсова Елена Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Боговик Виолетта Дмитриевна, секретарь Совета молодых политологов Тюменского регионального отделения РАПН, Тюменский государственный университет (г. Тюмень).

Внукова Любовь Борисовна, канд. полит. наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук (г. Ростов-на-Дону).

Гайкин Виктор Алексеевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).

Гайнутдинова Людмила Александровна, д-р полит. наук, доц., заведующая кафедрой политологии института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Гончаренко Лев Николаевич, д-р ист. наук, проф., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Балтийский Гуманитарный Институт (г. Санкт-Петербург).

Гуторов Владимир Александрович, д-р филос. наук, проф., заведующий кафедрой теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Дерюгин Павел Петрович, д-р соц. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Дибас Оксана Андреевна, канд. ист. наук., доц., доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Дубов Кирилл Мамедович, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Жалмаганбетова Севара Тугеловна, Казанский государственный энергетический университет (г. Казань).

Закутняя Вероника Владимировна, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Игнатьева Людмила Николаевна, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород).

Кабаева Татьяна Вячеславовна, Экономический институт Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (г. Саранск).

Котляров Иван Дмитриевич, канд. эконом. наук, доц., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

Крыжановская Ирина Ивановна, старший преподаватель кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Крюкова Александра Сергеевна, преподаватель кафедры политологии института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

Кузнецов Владимир Владимирович, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Кузнецова Елена Владимировна, канд. полит. наук, доц., доцент кафедры международных отношений и внешней политики, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Ладыга Александр Иванович, канд. ист. наук, доц., начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, Воронежский институт МВД России (г. Воронеж).

Ладыга Людмила Ивановна, канд. ист. наук., доц., доцент кафедры политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Лебединцева Любовь Александровна, д-р соц. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Литвин Лилия Анатольевна, канд. полит. наук., доцент кафедры политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Мазина Наталия Евгеньевна, канд. полит. наук, доц., доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Донбасский государственный университет юстиции (г. Донецк).

Матафонова Юлия Анатольевна, канд. полит. наук, доц., доцент кафедры государственного, муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет (г. Чита).

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доц., заведующая НИЛ «Политические технологии, медиакоммуникации и связи с общественностью», Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (г. Кемерово).

Милокост Любовь Сергеевна, канд. ист. наук, доц., заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Михайловская Оксана Георгиевна, канд. полит. наук., доц., заведующий кафедрой политических наук и регионалистики, Луганский государственный педагогический университет (г. Луганск).

Николаев Юрий Борисович, директор Центра этнополитической реабилитации, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Онопко Олег Владимирович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит. наук, проф., профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет (г. Волгоград).

Панкратова Лилия Сергеевна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург).

Пожидаев Евгений Александрович, канд. полит. наук., доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит. наук, доц., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Руденко Мирослав Владимирович, ст. преп. кафедры политологии, Донецкий государственный университет (г. Донецк).

Рябинин Евгений Вадимович, канд. полит. наук, доц., доцент кафедры политологии, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи (г. Мариуполь).

Саженкова Людмила Павловна, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (г. Санкт-Петербург).

Самаркина Ирина Владимировна, д-р полит. наук, доц., заведующая кафедрой политологии и политического управления, декан факультета управления и психологии, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Светлакова Мария Андреевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи (г. Мариуполь).

Сковиков Алексей Константинович, канд. полит. наук., доц., доцент кафедры политологии и политического управления ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

Телятник Татьяна Евгеньевна, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Тимошук Алексей Станиславович, д-р филос. наук, доц., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральный службы исполнения наказаний (г. Владимир).

Ткаченко Виктория Валериевна, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи (г. Мариуполь).

Трыканова Светлана Анатольевна, канд. ист. наук, доц., доцент кафедры теории и права и административно-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина; Центр оптимизации государственных и муниципальных услуг (г. Рязань).

Турилова Мария Валерьевна, канд. филол. наук. (г. Калуга).

Фасухутдинов Владислав Вадимович, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (г. Санкт-Петербург).

Хараджа Юрий Алексеевич, Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи (г. Мариуполь).

Чикаева Татьяна Александровна, канд. филос. наук, доц., заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт (г. Москва).

Ширинянц Александр Андреевич, д-р полит. наук., проф., заведующий кафедрой истории социально-политических учений, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник лаборатории «Стратегия, статус и этика в международном обществе», Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации (г. Москва).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА ДОНЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	3
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НАРОДНОГО СОВЕТА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	5
ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	7
<i>Баранов А. В.</i> ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ДОНБАССА: РЕСУРСЫ И ЗАДАЧИ.....	8
<i>Баранов Н. А.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА.....	13
<i>Гайнутдинова Л. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ	18
<i>Поцелуев С. П.</i> ЗАПАДНЫЕ РАСОВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА	23
СЕКЦИЯ 1. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ	27
<i>Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Фасахутдинов В.В., Саженкова Л.П.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА ЦЕННОСТЕЙ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ (ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТЕВОГО ПОДХОДА).....	28
<i>Ладыга А. И.</i> ТЕРРОРИЗМ И ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА.....	32
<i>Ладыга Л. И.</i> ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ	38
<i>Литвин Л. А.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	43
<i>Марков Е. А.</i> УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН.....	48

<i>Михайловская О. Г.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	52
<i>Николаев Ю. Б.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ: ОТ БРАТСТВА ДО РУСОФОБИИ.....	55
<i>Сковиков А. К.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	59
<i>Телятник Т. Е.</i> ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	63
<i>Тимощук А. С.</i> ПОЛИТИЧЕСКОЕ, СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ	67
<i>Турилова М. В.</i> УРОКИ ПОЛИТИНФОРМАЦИИ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ И В НАШЕ ВРЕМЯ	71
СЕКЦИЯ 2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ.....	75
<i>Дибас О. А.</i> РОССИЙСКО-КЫРГЫЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1991-2014 ГГ.	76
<i>Игнатьева Л. Н.</i> ЭМИГРАЦИЯ РУССКИХ ИЗ КАЗАХСТАНА: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ	79
<i>Котляров И. Д.</i> АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ И СОЮЗНИКИ РОССИИ	82
<i>Милокост Л. С.</i> РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1992–2003 ГГ.....	86
<i>Онопко О. В.</i> РОССИЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УКРАИНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: СПЕЦИФИКА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	91
<i>Светлакова М. А.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ПРИЧИНА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ.....	95
СЕКЦИЯ 3. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ.....	99
<i>Гайкин В. А.</i> РОССИЯ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	100
<i>Гуторов В.А., Шириняц А.А.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЙ.....	104

<i>Панкратов С. А., Панкратова Л. С.</i> «ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ.....	108
<i>Пожидаев Е.А.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОДХОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТОЛКНОВЕНИЯ РОССИИ И ЗАПАДА	112
СЕКЦИЯ 4. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ.....	116
<i>Аксенов И. В.</i> ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТАТУСА РЕГИОНА ПУТЕМ РЕФЕРЕНДУМА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	117
<i>Арутюнов А. Г.</i> ДЭГ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОЛЬЦО ПРОЗРАЧНОСТИ И СПИРАЛЬ НЕДОВЕРИЯ.....	121
<i>Багликова М.С., Крыжановская И.И.</i> ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ	123
<i>Внукова Л. Б.</i> ОТНОШЕНИЕ К АКТУАЛЬНЫМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ НА ДОНБАССЕ: ВЗГЛЯД ЗАИНТЕРЕСОВАННОЙ ИНТЕРНЕТ-АУДИТОРИИ.....	128
<i>Кузнецова Е. В.</i> ИНТЕГРАЦИЯ НА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ СОДРУЖЕСТВА «ДОНБАСС»)	132
<i>Матвева Е. В.</i> ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ПОЛИТИКОВ КУЗБАССА НА ПРИМЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ-2023	137
<i>Руденко М. В.</i> РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДОНБАССЕ ВЕСНОЙ 2014 ГОДА.....	141
<i>Трыканова С. А.</i> ИННОВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «УМНЫЙ ГОРОДА» В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ РФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	146
СЕКЦИЯ 5. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНАХ	152
<i>Авакова Э.Б., Гончаренко Л. Н.</i> ИСТОРИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА.....	153
<i>Алиев Д.Ф.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРАТЕГИИ «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»	160

Балко М. В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ ЧЕРЕЗ ОЧЕРКОВУЮ ПУБЛИЦИСТИКУ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ ДОНБАССКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ).....	166
Мазина Н. Е. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В НОВЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	170
Матафонова Ю.А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ	175
Рябинин Е. В. ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ	179
Самаркина И.В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВОЕЙ СТРАНЕ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ НОВЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ.....	184
Чикаева Т.А. ФОРМИРОВАНИЕ И АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ И ОТЕЧЕСТВА КАК ОСНОВА ЛИЧНОСТНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	188
СЕКЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ	194
Авджу Хавва. ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТУРЦИИ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	195
Афонина А. А. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ	198
Барсова Е.С. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	203
Боговик В.Д. РОССИЯ И МОМ: ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ.....	209
Дубов К.М. ЦЕНТРИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ: КОНЦЕПТ И СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ.....	213
Жалмаганбетова С.Т. СОВРЕМЕННАЯ ЭКОНОМИКА РФ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	218
Закутняя В.В., Анастасов А. И. СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ	221
Кабаета Т.В. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	224
Крюкова А. С. «ФАБРИКИ МЫСЛИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	228

Кузнецов В. В. АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 2023 Г.	232
Ткаченко В. В. РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ.....	235
Хараджа Ю. А. ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	243

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЁННОСТИ**

Научное издание

Материалы научно-практической конференции

Публикуются в авторской редакции

